

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ

РУССКИМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать
позволяется. Января 30 дня 1863 года.

Цензоръ, Архимандритъ Сергій.

МЫСЛИ О ПРАВОСЛАВИИ

ПРИ ПОСЪЩЕНИИ

СВЯТЫНИ РУССКОЙ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	VIII.
I. Путь отъ Лавры	1.
О призываніи Святыхъ	3.
О чествованіи Св. мощей	13.
II. Переяславль и Ростовъ	19.
О православномъ зодчествѣ храмовъ	26.
О православномъ иконописаніи	30.
О чествованіи Св. иконъ	33.
III. Ярославль	44.
О помяновеніи усопшихъ	62.
IV. Кострома и Ипатіевскій монастырь	71.
О достоинствѣ Царей Православныхъ	91.
V. Нижній-Новгородъ	99.
Печерская обитель	106.
Кремль и его соборы	116.
VI. Село Лысково	134.
VII. Казань	141.
Святитель Гурій	150.
Дворецъ съ Кремлемъ	160.
Краткая лѣтопись Казани	162.

Святитель Варсонофій	177.
Чудотворныя иконы: Казанская и Смоленская	181.
Зилантовъ монастырь	188.
Праздникъ Всемиловитоваго Спаса.—Судьба православія на Востокъ	196.
Прощанье съ Казанью	202.
VIII. Арзамасъ	207.
IX. Саровская Пустынь	212.
Объ иночествѣ	260.
X. Возвращеніе въ Нижній-Новгородъ	278.
О постѣ	283.
XI. Владимірскій Соборъ	290.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я путешествовалъ по области Преподобнаго Сергія, по мѣстамъ, исполненнымъ славою его имени, отъ Лавры, гдѣ просіяли въ началѣ его иноческіе подвиги, чрезъ родственнѣй ему Ростовъ, по Волжскимъ берегамъ до Нижняго, куда онъ ходилъ мирить Князей, и далѣе до Казани, гдѣ явился по смерти, воздвигая ратныхъ къ освобожденію Святой Руси отъ иновѣрныхъ. Я посѣтилъ и знаменитую пустынь Саровскую, поздній цвѣтъ иночества, послѣ другихъ распустившіяся въ дремучихъ лѣсахъ нашей родины, и древній Суздаль, и царственный Владиміръ, сію могильную сокровищницу Князей Великихъ, почивающихъ въ его Боголюбскомъ соборѣ. Я видѣлъ сердцевицу Руси, если такъ позволено вы-

разиться, сердцевину того исполинскаго древа, которое раскинуло широкую тѣнь свою надъ полвселенной, и могъ ли я не проникнуться особеннымъ теплымъ чувствомъ Православія, посреди всѣхъ его явленій и воспоминаній, древнихъ и новѣйшихъ? могъ ли я и не высказать того, что чувствовалъ?—«Отъ избытка сердца уста глаголютъ;» но здѣсь они хотятъ говорить не столько о предметахъ, какіе мнѣ встрѣчались на пути, сколько о жизненномъ источникѣ, который искони и понынѣ одушевляетъ то, что я видѣлъ.

Быть можетъ, нѣкоторые спросятъ: «что такое Православіе?» и спросятъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ нѣкогда нѣкто спросилъ: «что есть истина?» и вышелъ не дождавшись отвѣта (Іоан. XVIII, 38).—Православіе есть жизнь Руси, внутренній и внѣшній союзъ всѣхъ частей сего необъятнаго цѣлаго: ибо оно есть, или по крайней мѣрѣ должно быть, началомъ нравственнаго образованія cadaго вѣрнаго сына Церкви и отечества. Наименованіе Православія само изъясняетъ заключенный въ немъ глубокій смыслъ и жизненную силу, потому что тотъ, кто славить, чтить, исповѣдуетъ Бога право, т. е. такъ, какъ учитъ насъ Св. Церковь его, стоитъ, по обѣтованію самаго Господа, на незыблемомъ основаніи,

«котораго не одолѣють врата адовы.» (Матѣ. XVI, 18). Онъ получаетъ, отъ сего твердаго союза съ Церковію, благодатную силу прославлять Бога, не только исповѣданіемъ устнымъ, но и дѣлами своими, безъ коихъ «вѣра мертва», по словамъ Апостола (Іаков. II, 17), такъ какъ вѣра сія внушаетъ намъ во всемъ покорно слѣдовать заповѣдямъ Церкви, а Церковь научаетъ обязанностямъ нашимъ къ Богу и человѣкамъ, и слѣдовательно образуетъ насъ вполне, не только для самихъ себя, но и для жизни общественной.

Но, къ сожалѣнію, не разъ я замѣчалъ, что многіе, не разумѣя имени Православія, играютъ имъ, какъ дѣти священными предметами, употребляя оное совершенно въ превратномъ смыслѣ. Развѣ не случилось намъ слышать, изъ устъ людей образованныхъ, при видѣ какой либо веселости народной, иногда и неприличной: «вотъ какъ наши Православные!» или иное тому подобное; а между тѣмъ, если спросить у нихъ самихъ: «какой они вѣры?» будутъ стольже безотчетно отвѣчать: «Православной!» Какъ же согласить такія противорѣчащія понятія? Развѣ только, по направленію ихъ ума, болѣе свѣтскому нежели церковному, они смѣшиваютъ духовный смыслъ Православія съ выраженіемъ народности, отъ

того что народъ Русскій исповѣдуетъ Православную вѣру.

Есть еще люди, и даже благочестивые, которые легко жертвуютъ иновѣрцамъ, своимъ высокимъ званіемъ Православныхъ, и это случается болѣе въ высшемъ кругу, нежели въ низшемъ. Говоря о Западныхъ иновѣрцахъ, они простодушно величаютъ однихъ громкимъ именемъ Католиковъ, другихъ же—Евангелическаго исповѣданія, не вникая во внутренней смыслъ сихъ названій. Спросите же ихъ, какой они сами вѣры?—и вы услышите болшую частію отвѣтъ, по ихъ мнѣнію весьма правильный, хотя и совершенно превратный: «мы вѣры Греческой или Греко-Россійской.» Но развѣ можетъ быть вѣра Греческая? Собственное имя народа выражаетъ ли его исповѣданіе? Христиане Западные конечно не въ похвалу разномыслящимъ съ ними, называютъ вѣру ихъ Православную,—Греческою; а наши соотечественники, не весьма давно, стали также употреблять слово сіе, выраженіемъ своего исповѣданія, не догадываясь, что они сами на себя налагаютъ тѣмъ нареканіе. Пусть только вникнуть въ значеніе слова *Каѳолическій*. Откуда взято оно?—Изъ Символа вѣры: «Вѣрую во единую, Святую, Соборную (по Гречески Каѳолическую) Апостольскую Церковь.» Слово

Каѳолическую переведено у насъ *Соборную* и дѣйствительно выражаетъ Церковь Вселенскую, повсюду сущую и управляемую Вселенскими и помѣстными Соборами, хотя и названіе собственно Каѳолической употребляется Св. Отцами нашими, во всѣхъ исповѣданіяхъ ихъ вѣры. *Каѳоликосъ*, по Гречески, означаетъ повсемѣстный, и это есть характеристическая черта Вселенской Церкви Христовой. Благоразумно ли, послѣ сего, уступать противникамъ нашимъ сіе повсемѣстное, славное Вселенство, и заключать себя добровольно и весьма несправедливо, въ тѣсныя предѣлы народности, говоря: «мы Греки, а вы Католики.» Почему же мы Греки? Отъ того ли что приняли отъ Грековъ вѣру ихъ; но мы приняли вѣру, а не народность: слѣдственно не можемъ называть себя вѣры Греческой, ни Греко-Россійской, потому что мы были уже Русскими прежде принятія сей вѣры. Если бы даже мы захотѣли наименовать всѣ народы, ея исповѣдующіе, то и это многосложное названіе не могло бы выразить самаго исповѣданія, которое весьма кратко и ясно опредѣляется однимъ словомъ *Православнаго*. Не вѣра или исповѣданіе, а каждая Церковь, взятая въ отдѣльности, можетъ быть, какъ часть Вселенской, Греческою, Русскою, Славянскою, Грузинскою и проч., но вся вообще

Церковь есть Католическая или по истинѣ Соборная, т. е. изъ всѣхъ собранная, и Православная, по своему правому исповѣданію вѣры.

Любопытно было бы узнать отъ Грековъ, отъ коихъ мы заимствовали вѣру: какъ они сами себя называютъ? потому что имъ болѣе нежели кому либо свойственно было называть себя исповѣдниками вѣры Греческой, если бы такое выраженіе могло быть терпимо. Нѣтъ, они называютъ себя Православными, или даже просто Христіанами, въ высшемъ значеніи сего слова, не допускающемъ никакого разномыслія: ибо должно отдать имъ ту справедливость, что чрезъ столько столѣтій ига, въ цѣломъ народѣ не встрѣчается ереси, если только новое образованіе Европейское не посѣетъ въ немъ своихъ плевелъ. Какъ же называютъ они иновѣрцевъ Западныхъ? — Ни какъ не удостоиваютъ ихъ высокаго имени Католиковъ; слово «Франкъ» выражаетъ у нихъ всякаго западнаго пришельца; они называютъ только народъ, какъ бы не вникая въ его вѣру, которая имъ чужда, и говорятъ простодушно: «мы Христіане, а они Франки:» — разумѣй какъ хочешь. Между нами, напротивъ того, нѣкоторые, увлеченные своимъ церковнымъ невѣдѣніемъ, говорятъ вслухъ всей Европѣ: «вы Католики», т. е. Христіане, исповѣдующіе вѣру

Вселенской Церкви, а мы Греки, т. е. какъ будто отпадшіе отъ вашего всецѣлаго единства. Можно ли такъ оскорбительно и безотчетно порицать самихъ себя? и нигдѣ, какъ въ Римѣ, не было миѣ такъ больно слышать подобныя рѣчи.

Къ счастью однакоже такъ говорятъ только нѣкоторые, а не нашъ народъ, чувствующій и признающій себя Православнымъ. Достоинно вниманія, что Восточная Каѳолическая Церковь, не по какому либо чувству превозношенія, ибо она всегда шла тернистымъ путемъ смиренія, но по внутреннему твердому сознанію правоты своей, въ догматахъ и преданіяхъ Соборныхъ, усвоила себѣ утѣшительное наименованіе Православной, которое сдѣлалось въ ней даже народнымъ, отъ того, что совершенно сроднилось съ внутреннимъ и вѣшнимъ бытомъ исповѣдающихъ сію вѣру. Даже самое Каѳоличество, какъ слово иноземное и означающее не исповѣданіе а соборное единство Церкви, не выражаетъ для насъ Русскихъ столько внутренней ея жизни, сколько жизненное и родное Православіе, болѣе доступное мысли и сердцу, въ самомъ имени коего вполне изливается духъ его исповѣдниковъ. Потому такъ сладко и звучитъ оно народу Русскому, который какъ бы исключительно его себѣ присвоилъ, и гордится имъ

предъ иновѣрцами, и утѣшается всѣмъ тѣмъ, что оно ему внушило въ вѣкахъ минувшихъ, когда Церковь спасала отечество; и въ новѣйшія времена, опять она, съ тою же любовію, какъ нѣжная мать, воздоетъ новыхъ чадъ своихъ въ спасительной славленной колыбели ихъ отцевъ, возбуждая ихъ, тѣми же молитвами и примѣрами, къ столь же великимъ подвигамъ.

Вотъ почему, когда я посѣщалъ тѣ мѣста, гдѣ молился Сергій и откуда посылалъ онъ схимниковъ своихъ биться съ богатырями Мамая, когда видѣлъ я памятникъ Сусанина, принесшаго себя въ жертву за Царя, когда надъ Казанскою пирамидой Русскихъ витязей, воображалъ себѣ крестовый походъ Іоанна, или когда, надъ могилой Минина въ Нижнемъ, мнѣ видѣлось его чудное дѣло освобожденія Руси:—вогъ почему мысль моя не останавливалась на одной блестящей поверхности дѣяній, но глубже погружалась къ ихъ корню, и во всѣхъ временахъ и званіяхъ и людяхъ, созерцала ту же жизненную силу Православія, одушевлявшаго собою святую Русь. Я какъ бы сравнивалъ догматы съ событіями и повѣрялъ, на самыхъ мѣстахъ, вѣру людей, тѣмъ, что она имъ внушила совершить. Но часто мнѣ приходила на сердце прискорбная мысль: отъ чего же нѣкоторые изъ со-

отечественниковъ нашихъ, восхищаясь искренно великими дѣянiями минувшаго, увлекаются болѣе гражданскою ихъ стороною, нежели церковною, срывая плоды, какъ бы пренебрегаютъ самымъ дровомъ, и дѣлаютъ себя чуждыми той живительной стихiи Православiя, которая одна, можно сказать безъ ошибки, одна лишь совершила все великое въ нашей родинѣ? Теперь особенно, когда такъ горько обнаружались предъ нами мнимо-красные плоды Западнаго образованiя и кроваво обличились всѣ его сокрушительныя стихiи, дотолѣ прикрытыя увлекательною благовидностию, теперь, болѣе нежели когда нибудь, должно разогрѣться сердце наше искреннею любовiю ко всему святому, что намъ передали предки наши. Безъ Православiя, или безъ истиннаго уваженiя къ нему, едва ли даже можно быть Русскимъ: одно выражается другимъ, — и я встрѣчалъ отголосокъ сего роднаго чувства вездѣ, гдѣ только искалъ и находилъ что либо Русское.

I.

ПУТЬ ОТЪ ЛАВРЫ.

Царственною можно назвать замѣчательную дорогу отъ Лавры Сергіевой до Костромы, чрезъ Переяславль, Ростовъ и Ярославль, какъ потому, что по ней торжественно шель въ Москву юный Михаилъ, провозглашенный въ Костромѣ Царемъ, и столько разъ ходили послѣ него Державные богомольцы наши, такъ и отъ того обилія святыни, которою обозначена она почти на каждомъ шагу. Посему, и въ духовномъ отношеніи, прилично названіе Царскаго сему пути. И можно ли въ другомъ мѣстѣ найти такую постепенность сокровищъ духовныхъ, какая встрѣчается на этой дорогѣ, на разстояніи каждыхъ 60 верстъ? Сперва самая Лавра Сергія и Никона, одинъ изъ основныхъ камней спасенія нашей родины и неодолимый врагами щитъ первопрестольной столицы;

потомъ Переяславль-Залѣсскій, основанный сыномъ Мономаха въ память Кіевского, съ своими обителями и мощами Святыхъ: Игумена Давіила и столпника Никиты; еще далѣе многоцѣлебный соборъ Святителей, въ древней митрополіи Ростова: Леонтій, Исаія, Игнатій и Теодоръ, племянникъ Сергіевъ, и въ уединенной обители Святителя Іаковъ и Димитрій, какъ бы доныпѣ держащіе кормило своей Церкви, по усердію притекающихъ къ ихъ ракамъ. Тутъ и родина преподобнаго Сергія, и юродивый Твердисловъ Псидоръ и Царевичъ Ордынскій Петръ, измѣнившій тѣмъ язычества на свѣтъ Христовъ и, недалеко отъ его обители, первый труженикъ Архимандритъ Авраамій, огласившій Ростовъ проповѣдью Евангельскою. Далѣе, за 50 верстъ отъ Ростова, Великокняжескій Ярославль, съ своими благолѣпными храмами и мощами своихъ заступниковъ Князей;—накопецъ, внизъ по теченію живописной Волги, матери нашихъ рѣкъ, стоитъ Пнатъевская обитель, отколѣ двинулся на царство Михаилъ, умоленный иконою Теодоровской Богоматери, которая ископичествуется въ Костромскомъ соборѣ.

Сколько лицъ, сколько событій, сколько воспоминаній, изъ коихъ каждое заслуживало бы особаго описанія, не говоря уже о самыхъ храмахъ, замѣчательныхъ въ высшей степени и ознаменованныхъ лѣтописными дѣланіями.—И дѣланія сіи дѣйствительно были вписаны въ лѣтописи или сохранились въ предавіяхъ мѣстныхъ; и житія святыхъ угодинокъ также переходятъ, изъ устъ въ уста благочестивыхъ богомольцевъ, или внесены въ харатейные списки, доселѣ хранящіеся въ ихъ обителяхъ.—Но многимъ ли они извѣстны, и многіе ли, про-

ходя мимо, полюбопытствуютъ спросить о нихъ? а можетъ быть нѣкоторые пройдутъ, не только съ равнодушіемъ къ симъ мѣстнымъ блюстителямъ своей паствы, но и съ совершенною холодностію въ сердцѣ, вообще ко всѣмъ угодникамъ Божиимъ. Что можетъ быть причиною такого равнодушія?—Одно только невѣдѣніе того чему надлежитъ вѣрить, или искаженное представленіе догматовъ; а безъ благоговѣйнаго чествованія Святыхъ Божіихъ нельзя однако называться Православнымъ.

Здѣсь я не обращаю слова къ такого рода мыслителямъ, которымъ чужды Святое Писаніе и основныя догматы нашей вѣры, потому что бесполезно было бы говорить о святыхъ послѣдователяхъ Христовыхъ, когда не раскрыта или утрачена вѣра въ самага Начальника и Совершителя вѣры нашей, Господа Иисуса. Но я думаю говорить съ тѣми, которые неправильнымъ разумѣніемъ совращаются съ истиннаго пути Православія и тѣмъ дѣлаютъ себя чуждыми самымъ сладостнымъ впечатлѣніемъ сердца Русскаго.

О ПРИЗЫВАНІИ СВЯТЫХЪ.

При посѣщеніи обширнаго отечества нашего, что можетъ быть умплительнѣе зрѣлища, повсемѣстно повторяемаго, той духовной связи, въ которой и по смерти великіе подвижники ваши удержали съ собою народъ свой, какъ бы доселѣ жительствуя между нами и привлекая къ себѣ безчисленныхъ собратій, которые еще памятують ихъ благодѣянія. Напротивъ того, что можетъ быть оскорбительнѣе, не только для чувства благоговѣй-

наго, но даже собственно для Русскаго чувства любви къ своей родинѣ, того добровольнаго отчужденія, съ которымъ иногда проходятъ мимо драгоценной родной святыни, не зная и даже не желая знать, какое сокровище передъ нами?—Больно для благоговѣйнаго слуха повторять выраженія, которыя вырываются изъ устъ людей неопытныхъ въ вѣрѣ, хотя большею частію и безъ дурнаго умысла; но и нельзя не повторять оныхъ, для того чтобы прояснить тайное недоразумѣніе, удаляющее отъ истины.

«Мы не вѣруемъ въ Святыхъ,» говорятъ они, слѣдуя отрицательному ученію своихъ иноземныхъ наставниковъ. Можно было бы отвѣчать имъ, хотя и не въ духовномъ отношеніи: «по крайней мѣрѣ уважьте великихъ мужей вашего отечества, подвизавшихся для вашего блага, въ мірѣ или въ келліи, и будьте столько признательны къ ихъ благодѣяніямъ, чтобы узнать хотя имена ихъ; а можетъ быть, съ ихъ именами, откроется вамъ и нѣчто знакомое по исторіи. Во всякомъ случаѣ такое благоговѣйное любопытство и уваженіе къ преставльшимся, посреди благословеній своего народа, достойно Русскаго сердца.» Но, при такомъ отвѣтѣ, слѣдовало бы еще спросить у нихъ: «разумѣютъ ли они сами, что такое: вѣровать или не вѣровать въ Святыхъ?» Неосторожное слово ихъ: «мы только вѣруемъ въ Бога, а не въ Святыхъ,» подлинно ли, какъ они думаютъ, заключаетъ въ себѣ полную чистую истину, а не истину принужденно усѣченную, и согласно ли оно со Святымъ Писаніемъ, которое велитъ: (псаломъ СЛ.) «хвалить Бога во Святыхъ его?» Одно есть вѣра въ Бога, Творца вселенскихъ; со-

всѣмъ другое вѣра или усердіе къ праведникамъ, ему угодившимъ святою жизнью, и мы никогда не мѣшаемъ сихъ двухъ понятій, или лучше сказать вѣрованій. Не всѣ ли однако повторяютъ, вмѣстѣ съ нами въ Символѣ: «вѣруемъ во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь»; а изъ чего же состоитъ она, если не изъ собранія вѣрныхъ на землѣ, управляемыхъ Духомъ Святымъ, чрезъ своихъ законныхъ Пастырей, что называется собственно вопиющею Церковью, и изъ собранія Святыхъ, сущихъ на небѣ со Христомъ, и это есть торжествующая Церковь.—Слѣдственно и самое выраженіе: «вѣрую во Святыхъ» можетъ быть допущено; должно только разумѣть, какъ вѣровать, и сему учить насъ Церковь Православная.

«Миѣ же зѣло честна быша друзи твои, Боже» говоритъ въ псалмахъ своихъ Давидъ (пс. СXXXVIII), и такъ дѣйствительно выражается Св. Писаніе о нѣкоторыхъ Святыхъ, прямо называя Авраама другомъ Божиимъ и говоря о Моисей: «что Господь бесѣдовалъ съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ бы кто бесѣдовалъ съ своимъ другомъ» (Исхода XXXII. 11). И въ Новомъ Заветѣ Спаситель говоритъ, на вечери тайной, ученикамъ своимъ: «вы други мои, если исполняете то, что я заповѣдую вамъ» (Іоан. XIV. 14). Посему и величайшій изъ Богослововъ Православной Церкви, Св. Іоаннъ Дамаскинъ, научаетъ насъ: «что подобаетъ чтить Святыхъ, какъ любимцевъ Христовыхъ и чадъ его и наследниковъ Божіихъ, которымъ, по словамъ Евангелиста Іоанна (1. 12), за то что они увѣровали во имя его, дана была отъ него власть содѣлываться дѣтми Божиими.»—Какое вы-

сокое достоинство: носить одно званіе съ Сыномъ Божиимъ! Но Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, едиnorodный по существу своему; они же только по благодати; и это самое различіе должно существовать, между Господомъ и его ближайшими послѣдователями, и въ отношеніи къ ихъ чествованію. Мы поклоняемся Господу, какъ Богу и Творцу нашему, а Святымъ, ему угодившимъ, какъ друзьямъ его, прославленнымъ на небѣ за то, что сами прославили его на землѣ, и если есть разность между почестью, воздаваемою Царю, и почестью его приснымъ: то сколь же необъятно должно быть разстояніе между поклоненіемъ, принадлежащимъ единому Богу, и чествованіемъ приличествующимъ его Святымъ! Такъ учить насъ и святая Каѳолическая Церковь, въ которую мы вѣруемъ, и потому не видимъ ничего противнаго ея ученію, въ чествованіи Святыхъ, въ лицѣ коихъ сама она торжествуетъ на небесахъ.

«Но какъ можно призывать Святыхъ въ молитвѣ? для чего намъ еще ходатаевъ у Бога, когда по словамъ Писанія: мы имѣемъ единаго ходатаю Господа Іисуса Христа?» — Такъ мудрствуютъ чуждающіеся Святыхъ и, признаюсь, какъ жалки такіа мудрованія! Тѣ же самые люди, покамѣстъ они на землѣ, говорятъ однако другъ другу: «помолись за меня», особенно если имѣютъ къ кому-либо болѣе довѣренности, и дѣйствительно они молятся другъ за друга, какъ въ своемъ духовномъ собраніи, такъ и внѣ онаго. Что же такое молитва, если не ходатайство предъ Богомъ? Когда же всякое иное посредничество бесполезно, кромѣ Христова, то для чего

сія взаимная молитва?—Можно еще дальше идти въ такомъ отрицательномъ духѣ, и спросить: для чего всякая молитва, не только за другихъ, но даже и за себя? ибо по словамъ Христовымъ: «вѣдаетъ Отецъ нашъ небесный, въ чемъ имѣемъ нужду, прежде нашего прошенія у него» (Матѳ. гл. VI. ст. 8). Однако же, вслѣдъ за тѣмъ, онъ самъ научаетъ насъ молиться, и Апостолы заповѣдуютъ даже молиться непрестанно. И такъ, въ томъ же отношеніи, въ какомъ, не смотря на предвѣдѣніе Божіе, молитва можетъ быть полезна для каждаго за себя, бываетъ она полезна и за другихъ, и даже въ ней заключается болѣе любви, ибо любовь не мыслить о своемъ, а только о благѣ ближняго: слѣдственно, какъ подражаніе любви Христовой, такая молитва должна быть преимущественно достояніемъ тѣхъ, которые наиболѣе ему близки; а сколь велика сія сила молитвы, это можемъ мы заключить изъ словъ самаго Апостола Павла: «Молю васъ, братія», пишетъ онъ Римлянамъ (XV, 30). «Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовію Духа, споспѣшествуйте мнѣ въ молитвахъ о мнѣ Богу». — И во 2-мъ посланіи къ Солунянамъ (III. 1.): «Молитесь о насъ, братія, да слово Господне течетъ и славится какъ и у васъ». И такъ вотъ какъ сильна молитва: она должна избавить Павла отъ гоненія въ Иудеи, она должна открыть дверь слову его, чтобы онъ проглаголялъ тайну Христову (Кор. IV. 2). Неужели это празныя слова? Онъ заклинаетъ однако самимъ Господомъ, который запретилъ всякое праздное слово, угрожая за него судомъ Божиимъ. Что скажутъ еще, вопреки другихъ столь же ясныхъ словъ Апостола Іакова: «Молитесь

другъ за друга да исцѣлѣете, ибо много можетъ усердная молитва праведнаго.» (Іак. V. 16). Въ самой книгѣ Дѣяній, мы видимъ прямое ближайшее дѣйствіе молитвы, когда Апостолъ Петръ заключенъ былъ Иродомъ въ темницу и о немъ была прилежная молитва въ Церкви, въ слѣдствіе коей Ангелъ чудно избавилъ его отъ узъ, и Петръ успѣшилъ извѣстить молившихся о своемъ спасеніи.

Не могутъ сего отвергнуть приѣмлющіе Святое Писаніе; въ чемъ же наконецъ пререканіе?—Они согласны признавать дѣйствительность молитвы, доколѣ возносятъ ее сами отъ земли; согласны и поручать себя молитвѣ другихъ еще живущихъ, потому что это слишкомъ ясно указано въ Писаніи; но не соглашаются на молитвенное призываніе тѣхъ, которые, прославивъ на землѣ Господа своею жизнію, прославлены имъ на небесахъ, и уже наслаждаются во Христѣ приготовленными имъ благами.—Какое однако противорѣчіе въ понятіяхъ, если только выникнуть въ истинный смыслъ пхъ!—Не душа ли наша служитъ органомъ молитвы, даже и тогда, когда облечена на землѣ въ брениую одежду, клонящую ее долу? Какъ же можетъ она лишиться лучшаго своего свойства, т. е. сообщенія съ Богомъ, тогда когда сложить съ себя земную свою хижину? А если сохранить молитву, то не такъ же ли будетъ молиться на небѣ, какъ молвлась на землѣ, о своихъ присныхъ, прибѣгавшихъ къ ея молитвѣ?—Апостолъ Петръ прямо говоритъ въ своемъ посланіи: «справедливымъ полагаю, доколѣ нахожусь въ сей тѣлесной хижинѣ, возбуждать васъ напоминаніемъ, зная, что я скоро оставлю сію хижину мою, какъ и Господь

нашъ Иисусъ Христосъ открылъ миѣ; потщуся и всегда, чтобы и послѣ моего исхода вы приводили сіе на память». (II. 1, 3, 15).

Да и можетъ ли быть, чтобы тѣ, которые принимали столь дѣятельное участіе въ обращеніи и спасеніи своихъ ближнихъ, оставались послѣ кончины равнодушными къ ихъ спасенію: тогда какъ, черезъ собственное сближеніе съ Господомъ Иисусомъ, они имѣютъ болѣе духовной силы быть имъ полезными, ибо самъ Христосъ служитъ общеніемъ между живыхъ и мертвыхъ! Иначе, еслибы прекратилась ихъ жизненная дѣятельность, по отложеніи тѣла, то эта была бы духовная смерть, которую конечно никто изъ благомыслящихъ не можетъ признать для души святой. Напротивъ того, находясь у Источника любви божественной, они еще болѣе распалются огнемъ сеѣи любви, къ земнымъ своимъ братьямъ, и не могутъ оставаться невнимательными къ ихъ молитвенному призыванію, какъ не оставались они и на землѣ чуждыми ихъ гласу. Преставленіе ихъ, отъ земли на небо, не могло такимъ образомъ имѣть никакого вліянія на ихъ молитву; посему и не могли измѣниться ихъ духовныя отношенія къ тѣмъ, которые сами не нарушили съ ними общенія во Христѣ Иисусѣ. Это кажется совершенно просто и согласно съ здравымъ смысломъ, и если искать сему подтвержденій въ Священномъ Писаніи, то онѣ представляются на каждомъ шагу, такъ что даже непонятно, какъ можно отвергать столь ясныя истины.

Мы видимъ въ одной изъ притчей Господнихъ, о Лазарѣ и богатомъ, (а притчи сіи были конечно не празд-

ное уподобленіе, потому что въ Иерусалимѣ даже показываютъ мѣсто дома немилостиваго богача, слѣдовательно та же истина и въ послѣдующемъ событіи); мы видимъ, что богатый, страдая въ адѣ, обращается къ Аврааму, праотцу своему, и молитъ его послать Лазаря къ братьямъ своимъ, еще оставшимся на землѣ, предупредить ихъ о томъ, что ихъ ожидаетъ за порочную жизнь. Здѣсь ясно видно, съ одной стороны, участіе отшедшихъ изъ сего міра къ тому, что имъ было близко на землѣ; и если такое участіе, съ желаніемъ дѣлать добро, открывается въ страждущемъ грѣшникѣ: можетъ ли оно не преисполнять тѣхъ, которые проникнуты сами любовію Христовою и не могутъ дѣйствовать иначе, какъ въ его духѣ? Съ другой же стороны видно здѣсь духовное предстательство Авраама о своихъ чадахъ, о коихъ онъ радѣетъ и по смерти, ибо праведный Лазарь блаженствуетъ на его лонѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ видна и степень посредничества Святыхъ. Душа грѣшника, въ адѣ, не взываетъ прямо къ Богу: ибо состояніе ея вишняго мрака не позволяетъ ей прямого общенія съ Существомъ совершеннымъ; но она ищетъ и обрѣтаетъ себѣ болѣе свойственное общеніе, съ душою праведнаго своего родоначальника, и чрезъ него ищетъ совершить дѣло любви къ ближнему. Неужели все это есть вымышленный рассказъ? Но могло ли хотя одно слово Спасителя остаться тщетнымъ?

Достоинство Авраамова было столь велико предъ Богомъ, что онъ постоянно называлъ себя, въ Ветхомъ Заветѣ, Богомъ Авраамовымъ для сыновъ Израилевыхъ; и когда три отрока Еврейскіе молились, изъ пламенной

пещи Халдейской, къ Богу отцевъ своихъ, они зывали: «ве остави милости твоей отъ насъ, Авраама ради «возлюбленнаго отъ тебя, и за Исаака раба твоего, и «Израиля святаго твоего» (Дан. XIV). И такъ вотъ они поставляли за себя ходатаями Авраама и прочихъ Патриарховъ, ибо вѣровали: «что много можетъ усердная молитва праведнаго» (Іак. V). Да и самъ Авраамъ, умоляя Господа о пощадѣ Содома, вопрошалъ: «помилуетъ ли онъ преступный городъ, если въ немъ обрѣтется пятьдесятъ праведныхъ?» и потомъ, постепенно понижая число сіе даже до десяти, каждый разъ слышалъ отъ Господа человѣколюбивое слово: «помилую».—Слѣдовательно заслуги десяти праведныхъ могутъ служить перевѣсомъ грѣхамъ цѣлаго города.—Какая утѣшительная мысль! и сколько быть можетъ народовъ и царствъ спасаются, не мнимою силою видимаго оружія, по единому Богу вѣдомыми мольбами какихъ либо невѣдомыхъ міру праведниковъ!

Сколько такихъ примѣровъ еще въ Ветхомъ Заветѣ, гдѣ представляется ходатайство Святыхъ Божіихъ! Не становится ли Моисей посредникомъ между Богомъ и народомъ Израильскимъ, зывая: «милостивъ буди, Господи, на злобы людей твоихъ, помянувъ Авраама, «Исаака, Іакова, рабы твоя» (Исх. XXXII). Не щадитъ ли Господь царства Соломонова, Давида ради раба своего, чтобы сохранился ему свѣтильникъ въ Іерусалимѣ? (Царст. II). Не говоритъ ли самъ Господь друзьямъ праведнаго Іова, неправедно его укорявшимъ: «идите къ рабу моему Іову и сотворить жертвы за вы; Іовъ же рабъ мой помолится за васъ: точію бо лице его приемлю, аще

не его ради, погубилъ быхъ убо васъ» (Іов. XXXXII). Неужели же у Господа есть лицепріятіе? нѣтъ. Но крайнее его человѣколюбіе пріемлетъ заслуги праведныхъ людей за грѣшныхъ, какъ нѣкое слабое подобіе той безцрѣмной заслуги Господа нашего Іисуса Христа, который принесъ себя однажды въ жертву за весь міръ. Посему, въ смыслѣ искупленія, «одинъ онъ только есть ходатай Богу и человѣкамъ, по словамъ Апостола, давшій себя избавленіемъ за всѣхъ» (1 Тимѳ. 11, 5); Святые же суть только ходатаи или посредники молитвы во Христѣ, заимствуя отъ него силу свою, быть полезными человѣкамъ, какъ и объ Ангелахъ сказано: «что они всѣ суть служебные Духи, посылаемые на служеніе тѣмъ, которые наследуютъ спасеніе» (Евр. 1, 14). И если позволено употребить здѣсь подобіе земное, то можно бы сказать: что Святые проявляютъ въ себѣ тоже свойство, какъ и металлы, которые, прикоснувшись къ огню, заимствуютъ отъ него огненную силу.

Такимъ образомъ ясенъ для меня становится догматъ Православной Церкви, призыванія Святыхъ: гораздо болѣе въ немъ здраваго смысла и послѣдовательности разсужденія, нежели въ холодномъ отрицаніи столь близкаго нашему сердцу заступленія о насъ людей праведныхъ, которые нѣкогда были намъ присны и отошли отъ насъ, съ тѣмъ же духомъ любви, къ Господу.

Намъ ли теперь чуждаться ихъ ходатайства, когда на страшномъ судилищѣ Христовомъ мы не избѣжимъ суда ихъ? «Или не знаете» говорилъ Апостоль Павелъ (1. Коринѳ. VI) «что Святые будутъ судить міръ?» Да и самъ Господь на вопросъ Апостоловъ: «вогъ мы оста-

вли все и послѣдовали за тобою: что же намъ будетъ?» отвѣтствовалъ: «истино говорю вамъ, вы послѣдовавшіе за мною въ паки-бытіе, когда сядетъ Сынъ человѣчскій на престолѣ славы своей, сядете и вы на двѣнадцать престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ» (Матѣ. XIX; 27, 28). И еще до того времени, прощаясь съ ними на вечери тайной, Господь такъ молился къ Отцу своему: «и славу, которую ты мнѣ далъ, я далъ имъ, да будутъ едино, какъ и мы едино» (Іоан. XVII. 28). Дерзнемъ ли мы лишать ихъ сей славы, чуждаясь ихъ общенія или молитвеннаго ходатайства, какъ бы не сущихъ и мертвыхъ Богу, когда единое слово ихъ на землѣ творило столько чудесъ? и они, не лишившись сего видимаго знаменія обитавшаго въ нихъ Христа, перешли только отъ земли на небо, изъ славы въ славу?

О ЧЕСТВОВАНІИ СВ. МОЩЕЙ.

Какъ оскорбительна послѣ сего та холодность и невнимательность, съ какою люди, слѣпо отрицающіе почитаніе Святыхъ, проходятъ мимо ихъ гробницъ, точащихъ до пылъ исцѣленіе для вѣрующихъ. Развѣ мы не видимъ въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, что тѣнь проходящаго Петра, падая на болящихъ, совершенно ихъ исцѣляла, даже безъ прикосновенія рукъ Апостольскихъ? (Дѣян. V. 15) Развѣ мы не видимъ также, что платки и полотенцы, бывшіе на тѣлѣ Павловомъ, приносили къ болящимъ, и у нихъ прекращались болѣзни и злые духи выходили изъ нихъ? (Дѣян. XIX. 12) Еслиже прикосновеніе одеждъ Павловыхъ, и безъ его личнаго присутствія,

творило чудеса, и мантия Илии Пророка раздѣляла воды Иорданскія (IV. Царст.): то почему же нѣтъ, прикословеніе къ тѣлесамъ Святыхъ, не будетъ имѣть той же цѣлительной силы, когда съ вѣрою къ нимъ притекають? «Не бойся, токмо вѣруй» (Марк. V. 31), говорилъ Спаситель сотнику, къ которому шелъ воскресить дочь, когда напротивъ того самъ Господь, какъ сказано у Евангелиста Марка: «не могъ сотворить ни единого знаменія въ отечествѣ своемъ, ради невѣрствія жителей, и удалился, удивляясь ихъ невѣрою.» (Марк. VI. 6). Вотъ каковы положительная сила вѣры и отрицательная сила невѣрія!

Если же быть можетъ скажутъ: иное дѣло чудеса, творимыя Апостолами и Пророками, иное дѣло чудеса, ожидаемыя отъ мощей Святыхъ:—то если такого рода мыслители не отвергають Святаго Писанія, вмѣстѣ съ прочими истинами, какъ сіе часто случается съ людьми колеблющимися въ вѣрѣ, пусть объясняютъ они событія четвертой книги Царствъ Вѣтхаго Завѣта (Гл. XIII. 21). Какимъ образомъ произошло, что однажды, когда погребатели несли хоронить умершаго и, устрашившись Мадіанитовъ, бросили тѣло въ невѣдомую имъ могилу, мертвый воскресъ, отъ того что эта была могила Пророка Елисея, къ костямъ коего онъ прикоснулся! Что можетъ быть разительнѣе сего примѣра? Если кости Пророка могли столь нечаянно воскресить мертваго, безъ всякаго благоговѣнія и сознанія, брошеннаго въ его могилу: то кольми паче мощи праведныхъ мужей могутъ даровать, прикосновеніемъ своимъ, здравіе тѣмъ, которые притекають къ нимъ съ вѣрою: ибо тѣlesa Свя-

тыхъ были обителію Духа Святаго и могли сохранить въ себѣ его живительную силу, какъ то бываетъ съ сосудами ароматовъ, которые удерживаютъ въ себѣ благовошіе и послѣ изліянія изъ нихъ святаго мұра.

Утѣшительно разсуждаетъ, о поклоненіи святымъ мощамъ, великій Амвросій, Епископъ Медиоланскій, просіявшій въ исходѣ IV вѣка, другъ великаго Императора Θεодосія, заступникъ дѣтей его и всей Италіи, который распоряжалъ въ свое время судьбами всего Запада, по глубокому къ нему уваженію народовъ, и которому можетъ съ благоговѣніемъ внимать потомство, какъ внимали его современники. «Если спросятъ меня, говорилъ онъ, что почитаешь ты въ тѣлѣ тлѣнпомъ?—скажу тебѣ: почитаю въ тѣлѣ мученическомъ воспріятыя имъ за Христа язвы; почитаю память добродѣтели, живущей во вѣкъ; почитаю останки, освященные исповѣданіемъ своего Владыки; почитаю въ персти сѣмеца вѣчности; почитаю тѣло, которое наставляетъ меня любить Господа, научаетъ не бояться умереть за Господа. Какъ же вѣрные не будутъ почитать такое тѣло, котораго трепещутъ и демоны? И такъ почитаю тѣло, которое прославило Христа, сражаясь за него, и со Христомъ будетъ царствовать во славѣ.»

Кажется, въ этомъ краснорѣчивомъ объясненіи великаго Святителя Медиоланскаго, довольно сказано и для ума и для сердца. Скажемъ только еще нѣсколько словъ о томъ: что означаетъ слово «мощи» и откуда произошелъ обычай ихъ чествовать? Можно бы производить оное отъ слова «мощь» (или сила), по чуднымъ исцѣленіямъ, которыя истекаютъ отъ останковъ Святыхъ;

однако оно может происходить и отъ тѣхъ мастей, коими умащали останки Мучениковъ, пострадавшихъ за Христа, когда вѣрные собирали кости ихъ на мѣстѣ страданій. Слово Латинское *reliquia* выражаетъ останки: слѣдственно и не должно искать всегда цѣльныхъ мощей и привязывать къ тому какое либо особенное мнѣніе; первыя мощи бывали всегда почти останки, и тогда только когда просіяли въ пустыняхъ великіе отшельники, то ихъ тѣlesa, неповрежденные людьми и тлѣніемъ, стали сохраняться въ ихъ лаврахъ и привлекать къ себѣ благоговѣніе народа, ради памяти ихъ добродѣтелей. Еще въ исходѣ перваго и началѣ втораго вѣка, когда во всей силѣ были гоненія за вѣру Христову и тысячами страдали Мученики, вѣрные, бывшіе свидѣтелями ихъ мужественнаго исповѣданія, старались всѣми средствами соблюсти священные ихъ члены, ознаменованные язвами за Христа; они клали ихъ подъ алтари подземныхъ церквей своихъ, въ катакомбахъ или въ другихъ уединенныхъ мѣстахъ, и донынѣ существуетъ благочестивый обычай полагать частицы мощей подъ престолы нашихъ храмовъ, ради ихъ духовнаго утвержденія. Ежегодно, въ день памяти страданій Мучениковъ, который назывался днемъ ихъ рожденія въ вѣчность (*natalis*), сходились вѣрные на мѣсто ихъ земнаго упокоенія и совершали всю ночь надъ ними псаломное пѣніе, изъ чего образовалось всеобщее бдѣніе, предшествующее торжеству.

Вотъ какъ все настоящее богослуженіе тѣсно связано у насъ съ самыми первыми вѣками Христіанства; оно есть вѣрное зеркало и повтореніе давно минувшаго,

которымъ люди несвѣдушіе пренебрегаютъ какъ бы нововведеніемъ; но и старина и правда на сторонѣ Православія. Можно только сожалѣть о такомъ произвольномъ ослѣпленіи, которое лишаетъ духовнаго общенія съ величайшими подвижниками Церкви и отечества: ибо никто не принималъ столь дѣятельнаго участія въ судьбахъ его, какъ наши Святители и отшельники. Это лучшія страницы нашей лѣтописи, драгоцѣнные для каждаго Русскаго, и если кто хочетъ составить себѣ полную исторію своей родины, тотъ долженъ искать ее столько же въ житіяхъ Святыхъ, сколько и въ актахъ государственныхъ: почти всегда зародышемъ всякаго великаго дѣла было, или благословеніе отшельника, какъ Сергіево для битвы съ Мамаемъ, или краснорѣчивое слово Святительское, какъ то вдохновенное посланіе, которымъ возбуждалъ Епископъ Ростовскій Вассіанъ великаго Іоанна, свергнуть окончательно иго Татарское, или какія либо таинственныя явленія Святыхъ нашимъ Державнымъ. Посему каждому Русскому, и слѣдственно Православному, не должно проходить равнодушно мимо древнихъ соборовъ и обителей, въ которыхъ возлегаютъ великіе двигатели земли Русской. Сколько разъ однакоже мнутъ соборъ Софійскій, въ Новѣгородѣ, люди исполненные событіями нашихъ лѣтописей, и не думаютъ заглянуть въ его завѣтную внутренность; а между тѣмъ тамъ покоится Мстиславъ храбрый, щитъ Новгорода, столь громкій въ исторіи, и сынъ святаго Владиміра, основатель собора, и великіе столпы Церкви Новгородской, Святители Никита, Іоаннъ и Григорій. Сколько воспоминаній, достойныхъ потрясти Русское сердце,

вгунѣ проскользають мимо! Я называю здѣсь одинъ только Софійскій храмъ, какъ болѣе извѣстный, и немиуемый на пути; но сколько другихъ, подобныхъ святилищъ, оставляются съ тѣмъ же невниманіемъ?

При посѣщеніи различныхъ предѣловъ нашего обширнаго отечества, меня невольно влекло въ завѣтную святыню, древнихъ соборовъ, подъ коими почти всегда почивають или Князь или Святитель. Мнѣ представлялось священною обязанностію вступать въ духовное общеніе съ ними, чрезъ молитву и поклоненіе ихъ мощамъ, и я старался изучать ихъ жизненные подвиги, дабы, хотя нѣсколько, обновить память объ нихъ въ сердцахъ соотечественниковъ.

Одно изъ таковыхъ сокровищъ, мало впрочемъ кому извѣстное, есть житіе преподобнаго Данила Переяславскаго, который явилъ въ себѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей иноческихъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ наставникомъ и восприемникомъ Царей: ибо онъ принялъ отъ купели державнаго младенца Іоанна, по любви къ нему В. Князя Василя. Есть и было особенное назначеніе, для нѣкоторыхъ изъ Святыхъ нашихъ: сдѣлаться свѣтильниками и чудотворцами всея Руси, какъ то определено Сергію; его имя связано со всѣмъ славнымъ и горькимъ, что только посѣтило нашу родину, въ лицѣ первопрестольной ея столицы, и доселѣ стекается къ нему вся земля Русская!—Есть и болѣе смиренная доля для иныхъ утаенныхъ угодниковъ Божіихъ, которые хотя и назидательны были въ свое время, однако ихъ духовная область простирается не столь широко, по несповѣдливой волѣ Того, кто каждому назначаетъ свое служеніе

и кто, по словамъ Писанія, поставилъ предѣлы языковъ по числу Ангеловъ Божіихъ (Второзак. XXXII. 8). Таково скромное служеніе преподобнаго Данила въ Переяславль, на маломъ разстояніи отъ великаго солнца Россіи, Сергія, вокругъ коего, какъ бы сонмъ меньшихъ небесныхъ свѣтилъ, ликъ другихъ Праведниковъ, проливаетъ болѣе тихіе лучи на радующихся ихъ путеводительному свѣту, посреди житейскаго мрака.

II.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ И РОСТОВЪ.

Солнце уже садилось, когда я сталъ спускаться къ Переяславлю, съ поклонной горы его; но я успѣлъ еще обнять, въ одномъ быстромъ обзорѣ, всю его великолѣпную картину, на берегу роскошнаго озера, окрашеннаго вечерними лучами. Четыре монастыря, два собора и двадцать четыре церкви, — какъ живописно издали такое священное сонмище, увѣнчанное золотыми крестами, которые ярко горѣли въ воздухѣ, и какъ замѣчательно такое обиліе святыни въ маломъ уѣздномъ городѣ! Правда, онъ былъ нѣкогда удѣльнымъ княженіемъ и даже однажды, на краткое время, мѣстопребываніемъ Великаго Кня-

зя, въ немъ соединялись Соборы Церковные и была каедрa Архіерейская; но теперь, отъ всего кратковременнаго величія, уцѣлѣли только храмы Божіи, непоколебимая твердыня Руси, которые одни только прочно стоятъ на ея широкомъ пространствѣ: ибо что осталось намъ отъ древнихъ ея памятниковъ, если не святыня, неприкосновенная вѣками?

Я уже посѣщалъ прежде Переяславль-Залѣсскій и входилъ подъ завѣтную сѣнь всѣхъ его обителей. Феодоровская, основанная Іоанномъ на память рожденія сына, послѣдняго Царя изъ дома Рюрика, Горницкая, память Великой Княгини Донской, нѣкогда великолѣпно украшенная Епископомъ Амвросіемъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ нее новую Геосимианію, въ подражаніе Новому Іерусалиму, но теперь опустѣвшая, и обитель Даніилова, образуютъ изъ себя священное предмѣстіе Переяславля, отъ Московской дороги. Мнѣ хотѣлось поклониться мощамъ великаго труженника, прославившаго житіемъ своимъ уже упавшій тогда городъ. Я взшелъ на пустынный дворъ монастырскій и просилъ открыть себѣ соборъ Троицкій, сооруженный въ память крещенія Іоаннова и обновленный грознымъ Царемъ. Глубокая тишина царствовала въ полумракѣ собора. Подъ сѣнію Тихвинской великолѣпной иконы, принесенной самимъ Преподобнымъ съ мѣста его постриженія, изъ обители великаго Пафнутія Боровскаго, лежалъ онъ на своемъ высококомъ ложѣ, какъ бы только отдыхающій отъ многихъ трудовъ и готовый воспрянуть по гласу молитвы, еще прежде послѣдняго зова трубы Архангельской. Невольный трепеть проникалъ душу, въ пустотѣ и мракѣ святилища,

при такомъ негнѣнномъ свидѣтелѣ минувшаго, который вступалъ, сквозь врата вѣчности, опять въ нашу область настоящаго и будто живетъ съ нами, какъ жила въ онъ съ предками. Съ безмолвною молитвою поклонился я святому старцу и пошелъ къ древней церкви всѣхъ Святыхъ, имъ милосердно основанной надъ бывшею скудельницею, и къ тому кладезю, который онъ самъ ископалъ на Божедомскомъ мѣстѣ, чтобы тамъ вкусить мнѣ живительной струи, изведенной руками Преподобнаго.

Вечерняя темнота не позволяла посѣтить церкви Князя Андрея Смоленскаго, какъ мнѣ это удалось исполнить во время перваго моего проѣзда чрезъ Переяславль, ни древняго собора Спасскаго, который основанъ сыномъ Мономаха, Долгорукимъ, въ память Кіевскаго, что на Берестовѣ. Храмъ сей, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи, по своей неприкосновенной древности, устоялъ противъ натиска семи вѣковъ, въ первобытномъ образѣ, имѣющемъ величіе простоты. Онъ видѣлъ внутри завѣтныхъ стѣнъ своихъ, священное собраніе Святителей Русскихъ, предъ коими смиренно оправдывалъ себя Чудотворецъ Петръ Московскій и всея Руси, противъ клеветы Епископа Тверскаго, изъ рода Князей Литовскихъ, ибо конечно никто изъ Русскихъ не дерзнулъ бы помыслить малѣйшей укорины на великаго Святителя. «Бросьте меня въ море, какъ нѣкогда Іону, для утишенія церковной бури,» говорилъ смиренно Петръ, но она утихла единодушнымъ сознаніемъ его правоты. Двѣ лѣтописныя гробницы стоятъ внутри собора: одна княжеская, тихаго Іоанна, другая великокняжеская, отца его, бурнаго воинственнаго сына Св. витязя Невскаго; Ди-

митрій провелъ все свое мятежное княженіе въ междоусобіяхъ съ братомъ, и нѣсколько разъ видѣлъ любимыи имъ Переяславль, объятый пламенемъ Татарскимъ, иногда же, и отъ руки единокровныхъ Князей. Но нигдѣ во всей Руси, не было ему такъ любо, какъ въ родномъ удѣлѣ, данномъ отъ святаго отца, и туда спѣшилъ онъ скончаться инокомъ, на дымящемся пепелищѣ; но только тѣло его привезено для погребенія въ соборѣ.

Кроткій сынъ его Іоаннъ оставилъ по себѣ менѣ громкое имя, но болѣе прочную память для всея Руси; едва ли знаютъ его благодѣяніе, скромное въ то время, но имѣвшее послѣдствія государственныя. Умирая бездѣтнымъ и будучи въ дружественныхъ сношеніяхъ съ дядею своимъ, Св. Даниломъ Московскимъ, онъ отдалъ ему, по завѣщанію, Переяславль и тѣмъ укрѣпилъ новое княженіе, которое одолѣло возраставшую Тверь, а при сынѣ Даниловомъ, великомъ Калигѣ, сдѣлалось средоточіемъ Руси: ибо Владиміръ долженъ былъ уступить Москвѣ престолъ великокняжескій и кathedру святительскую. И такъ вотъ, отъ одного малаго данія Переяславльскаго, разрослась она во всю Русь и, скромнымъ завѣщаніемъ Князя-инока Іоанна, какъ будто бы ей завѣщано было полъселенной. Тѣмъ болѣе достойна вниманія убогая гробница завѣщателя, подъ сѣнію Переяславскаго собора.

На разсвѣтѣ достигъ я Спасской обители древняго Ростова, прославленной издревле мощами Святителя Іакова, и въ новѣйшія времена, открытіемъ мощей свѣтильника всей Россійской Церкви, Митрополита Димитрія; благоговѣнно собирая житія Святыхъ, не помы-

шлялъ онъ во глубинѣ своего смиренія, что на послѣднихъ страницахъ сей духовной скрижали просіяетъ и его великое имя. Сороколѣтній неотходный стражъ его гробовой раки, праведный старецъ схимникъ Амфилохій, можно сказать, передалъ въ родъ свой храненіе всей обители, ибо уже два настоятеля, въ память его добродѣтели, избираются изъ того же благочестиваго семейства. Они какъ будто стерегутъ ее и по смерти; при входѣ въ соборную церковь, первое что я встрѣтилъ, была гробница знакомаго мнѣ старца, Архимандрита Иннокентія, подлѣ схимнической Амфилохія. Племянникъ усопшаго, Архимандритъ Поликарпъ благосклонно прінялъ меня въ обители, гдѣ за 15 лѣтъ предъ тѣмъ утѣшилъ путника своимъ радушнымъ пріемомъ незабвенный Иннокентій. Тогда еще отдѣлялась соборная церковь, во имя Святителя Димитрія; теперь же она сіяла во всей красѣ своей, расписанная въ Византійскомъ вкусѣ, истинно православною кистию художника Медвѣдова, который слишкомъ мало пожилъ для искусства. Его торжествующая Церковь, на плоскомъ куполѣ, и Ангельскіе чины въ алтарѣ, достойны служить образцемъ для иконописанія, ибо тутъ строгость Византійская смягчена изяществомъ кисти и стройностію всего созданія картины.

Я спросилъ: «кто помогъ довершить церковь?» мнѣ отвѣчали: «Графиня Анна.» Поклоняясь мощамъ угодниковъ Божіихъ, увидѣлъ я новую серебряную раку Святителя Іакова. «Кто устроилъ раку?» спросилъ я опять Настоятеля, и услышалъ тотъ же отвѣтъ: «Графиня Анна.» Теперь, когда она уже сама, въ своемъ Юрь-

евскомъ склепѣ, не услышитъ земнымъ слухомъ моего слова, свободнѣе можетъ оно излиться. Какая жестокая утрата для всей Церкви, не только Русской, но и Греческой, ея преждевременная кончина! Куда не достигали ея щедрыя даянія, и гдѣ не благословлялось имя Графини Анцы? гдѣ не возносятся теперь теплыя молитвы о упокоеніи души ея?—Не говорю о томъ, что въ своемъ завѣщаніи не забыла она ни одной обители Русской; богомольцы наши, странствуя по обширнымъ предѣламъ отечества, во всѣхъ почти главныхъ святилищахъ, встрѣчаютъ ея церковные памятники. Вспоминать ли о Новѣгородѣ, обновленномъ ею въ лицѣ своихъ храмовъ, ибо къ нему наиболѣе лежало ея сердце? или сказать о Кіевѣ, гдѣ великолѣпная рака и сѣнь Великомученицы Варвары, останутся навсегда свидѣтельствомъ ея благочестія? Давно ли Лавра Почаевская огласилась опять гимнами Православія? и уже рака ея основателя вылита изъ серебра и для чудотворной ея иконы приготавлился драгоценный кивотъ. Трудно было бы исчислить всѣ щедрыя даянія усопшей внутри отечества; но если выйти и за его предѣлы, и тамъ встрѣтить вась ея благодаренія: въ Царьградѣ великолѣпная церковь Живоноснаго источника, обновленная отчасти помощію Графини, и въ Александріи, и въ Дамаскѣ, иконостасы Патриаршихъ церквей устроены на ея счетъ, живописцами Юрьевской обители; и на Аѳонѣ и во Св. градѣ, жертвовала она съ тѣмъ же усердіемъ, какое одушевляло ее всегда, когда только можно было сдѣлать что-либо въ пользу Церкви. Въ древней исторіи Христіанства одно лице напоминаетъ почившую нынѣ, тою же щедростію къ свя-

тыпѣ. Это великая Меланія Римская, которой богатства были столь необъятны, что Кесари не могли купить ихъ, и всѣ сіи сокровища раздала она по Западу и Востоку, для сооруженія храмовъ и питанія убогихъ.

Чудная митрополія Ростова открыла мнѣ опять священныя врата свои. Изъ всѣхъ древнихъ храмовъ нашего отечества, едва ли уцѣлѣлъ одинъ, въ такой неприкосновенности, какъ сей великолѣпный соборъ В. Князя Константина Всеволодовича? Онъ заложилъ его въ 1213 году, на мѣстѣ прежней деревянной церкви и кафедры Епископовъ Ростовскихъ и надъ упавшими сводами Боголюбскаго; но, по крайней мѣрѣ, нетвердыя основанія Князя Андрея послужили къ обрѣтенію непоколебимой основы новаго храма—мощей первыхъ Святителей Ростовскихъ, Леонтія и Исаіи. Блаженный Епископъ Кириллъ, мѣстно чтимый по благоговѣйному преданію, и освящавшій соборный храмъ сей, смиренно укрылъ себя отъ чествованія подъ сводами святилища; но его преемникъ Св. Игнатій, довершившій благолѣпіе собора, самъ поступилъ въ число основныхъ столповъ его, и племянникъ Сергіевъ, первый Архіепископъ Феодоръ, просилъ также, хотя и подъ спудомъ, подъ сѣнію своей кафедральной церкви. Снаружи, какъ и внутри, соборъ Ростовскій можетъ служить лучшимъ образцемъ строгаго Византійскаго вкуса, со всѣми условіями церковнаго зодчества, съ тройною папертію, и тройственнымъ раздѣленіемъ алтаря, необходимымъ для благочинія въ Богослуженіи. Чрезвычайная соразмѣрность всѣхъ частей храма, расположеніе и стройная высота пяти главъ, вѣншія арки и пояса, изъ бѣлаго камня,

на стѣнахъ, съ тройнымъ ярусомъ узкихъ оконъ,—все вмѣстѣ дѣлаетъ паружный видъ его особенно пріятнымъ для глазъ, и этой неприкужденной гармоніи цѣлаго вполне соответствуетъ величественная внутренность.

О ПРАВОСЛАВНОМЪ ЗОДЧЕСТВѢ ХРАМОВЪ.

Можетъ быть, не мѣсто ли здѣсь сказать: какъ много теряютъ великолѣпные новѣйшіе храмы, отъ того, что во внутреннемъ расположеніи ихъ, не держатся древняго чина церковнаго, который образовался вмѣстѣ съ Богослуженіемъ Восточнымъ. Снаружи, дѣйствительно, они стали у насъ принимать древній благолѣпный видъ, лишены однако папертей, которыя неизменнымъ своимъ поясомъ, расширяли основную часть храма. Паперть придаетъ всему зданію пирамидальную стройность Византійскихъ святилищъ и даже необходима при Богослуженіи, потому что тамъ доселѣ совершаются литіи, въ нашихъ древнихъ обителяхъ, и должны стоять кающіеся, оглашенные и женщины, еще не пріившія молитвы очистительной. Прямая восточная стѣна, вмѣсто тройнаго полукружія алтаря, нарушаетъ также древній порядокъ и благолѣпіе службы, потому что на прямой линіи нельзя устроить горняго Архіерейскаго мѣста, съ сопрестоліемъ для пресвитеровъ, сѣдѣніе коихъ, вокругъ своего пастыря, такъ благолѣпно видѣть изъ отверзтыхъ вратъ алтаря, во время чтенія Апостола. Сія торжественная минута, нашего чуднаго Богослуженія, взята Богодуховенными составителями чина литургіи Православной, изъ Откровенія Іоаннова; онъ видѣлъ на небѣ

двадцать четыре старца сѣдящихъ, въ золотыхъ вѣщахъ и бѣлыхъ одеждахъ, вокругъ престола Сына человѣческаго, которые держали въ рукахъ золотыя фіалы съ еиміамомъ, и это есть молитва Святыхъ: такъ сказано у Евангелиста (Апокал. IV, 4. V, 8.); а подъ алтаремъ души избѣнныхъ за слово Божіе (6, 9), какъ и въ нашихъ храмахъ тѣлеса Мучениковъ подъ алтаремъ.

Слишкомъ важно значеніе горняго мѣста, чтобы, безъ особенной нужды, измѣнять усвоенный ему отъ первыхъ временъ Христіанства, круговидный образъ; въ древности старались соблюсти его даже въ самыхъ тѣсныхъ церквахъ, такъ что и малѣйшія изъ нихъ имѣли совершенное сходство съ кафедральною. Иновѣріе нѣкоторыхъ изъ нашихъ зодчихъ нарушило, въ минувшемъ столѣтіи, древнюю форму нашихъ алтарей и почти уничтожило горнее мѣсто, такъ что отчасти утрачена красота Архіерейской службы, даже съ большими неудобствами для самаго Богослуженія. вмѣсто постояннаго сѣдалища или сопрестолія священниковъ, столь благовиднаго и удобнаго, при древнемъ устройствѣ горняго мѣста, теперь, при служеніи Епископа въ новыхъ храмахъ, необходимо вносить стулья или скамьи, которыя вовсе не соотвѣтствуютъ украшенію церковному, и ставятся иногда близко къ престолу, гдѣ не подобаетъ сидѣть священникамъ. Весьма желательно, чтобы новые зодчіе обратили на это свое вниманіе, равно какъ и на прежнее тройное раздѣленіе алтаря, вмѣсто трехъ придѣловъ въ рядъ, которые весьма неудобны для порядка Богослуженія: ибо необходимо, чтобы жертвенникъ былъ отдѣленъ для приношенія просфоръ,

и всякой могъ бы свободно туда входить, а не въ самый алтарь; необходимо также, чтобы съ противоположной стороны была приспѣшная храмина или ризница, для приготовленія всего нужнаго къ Богослуженію, и для стоянія низшихъ служителей Церкви: посему и называлась она въ древности служебною или Діакониконъ.

Чѣмъ же хотѣли замѣнить благолѣпіе горняго мѣста, въ новыхъ храмахъ?—Запрестольнымъ образомъ иногда необыкновенно большаго размѣра; но это не въ восточномъ, а въ западномъ вкусѣ: ибо, въ нашихъ древнихъ храмахъ, чаще бываетъ поставлена небольшая икона Спасителя или Божіей Матери надъ горняимъ мѣстомъ, для того чтобы не закрывалъ ее собою стоящій или сѣдѣющій Архіерей. Живопись на алтарной восточной стѣнѣ, или мозаика, изображаетъ, большею частію приобщеніе подъ обоими видами и молящуюся Богоматерь, или Господа на Херувимахъ; но она начинается гораздо выше уже поверхъ горняго мѣста. Такъ это и въ древнихъ Римскихъ базиликахъ, гдѣ еще сохранился первобытный чинъ горняго сѣдалища. Но съ тѣхъ поръ, какъ на Западѣ начали прислонять алтари къ самой стѣнѣ, необходимымъ для нихъ украшеніемъ сдѣлалась запрестольная картина, ибо пѣтъ иконостаса, на который бы могли устремлять благоговѣйные взоры молящіеся. Мы не имѣемъ этой необходимости; однако, мало по малу, стали украшать алтари, такими же запрестольными образами, и жертвуемъ для нихъ древнимъ устройствомъ горняго мѣста и самаго иконостаса, расширяя царскія врата, чтобы лучше можно было видѣть картину.

Стольже безотчетно утратилось у насъ пятярусное ра-

сположеніе древнихъ высокихъ иконостасовъ, весьма благолѣпныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заключавшихъ глубокую мысль, ибо все исполнено назидательныхъ символовъ въ Церкви Православной. Верхніе три яруса представляютъ намъ историческій образъ всей Церкви, съ нами молящейся въ ея различныхъ состояніяхъ, отъ сотворенія міра до нашихъ временъ: сперва Церковь Патриархальная до письменнаго закона Моисеева, въ лицѣ Праотцевъ и Патріарховъ: они преклоняются предъ ликомъ Господа Вседержителя Бога Отца, который проявляетъ въ лонѣ своемъ образъ Бога Сына, имѣющаго открыться въ грядущихъ вѣкахъ; потомъ Церковь подзаконная, Ветхозавѣтная, въ лицѣ Пророковъ, съ хартіями ихъ пророчествъ въ рукахъ, которые преклоняются предъ иконою Знаменія Богоматери; она же проявляетъ намъ, въ лонѣ своемъ, образъ имѣющаго родиться на землѣ Сына Божія: ибо въ то время, чрезъ видѣнія пророческія, яснѣе становился таинственный догматъ воплощенія; наконецъ, въ третьемъ ярусѣ самъ Господь, въ образѣ вѣчнаго Архіерея своей Церкви, возсѣдаетъ на престолѣ славы, посреди Апостоловъ, имѣя по сторонамъ Пречистую Матерь свою и Предтечу. Четвертый ярусъ напоминаетъ намъ, двѣнадцатью праздниками, о главнѣйшихъ торжествахъ нашей Церкви, дабы никогда не стирались они изъ нашей памяти, а именно: Рождество Христово, Крещеніе, Срѣтеніе его, Благовѣщеніе, Входъ въ Іерусалимъ, Вознесеніе, Сошествіе Св. Духа, Преображеніе Господне, Успеніе и Рождество Богоматери и Введеніе ея во храмъ, и наконецъ Всемирное воздвиженіе животворящаго Креста. Пятый ярусъ, или са-

мый нижній, заключаетъ мѣстныхъ иконы, болѣе чтимыя для ближайшаго ихъ поклоненія.

Теперь, большею частію, сохраняется въ новыхъ церквахъ одинъ только сей нижній ярусъ мѣстныхъ иконъ, и еще иногда другой, но и то неполный, съ двенадесятьми праздниками; а три символическіе, имѣющіе столь важное значеніе, вовсе оставляются, хотя высота храмовъ благопріятствуетъ высокимъ иконостасамъ. Забыта ихъ основная мысль и потому, вѣроятно, не обращаютъ на нихъ должнаго вниманія, равно какъ и на прочія правила древняго стѣннаго писанія: такъ напримѣръ, изображеніе Ангельскаго неба всегда было въ куполахъ, а лики Святителей въ алтарѣ, поелику тамъ приносили они безкровную жертву, и Мученики на столбахъ, потому что они служили опорю Церкви; картина страшнаго суда изображалась на западной стѣнѣ, для возбужденія совѣсти молящихся, и притчи Евангельскія или Вселенскіе Соборы на прочихъ стѣнахъ. А между тѣмъ, для разсѣяннаго человѣка, назидательно было бы, во время Богослуженія, пройти глазами всю исторію Церкви на стѣнахъ.

О ПРАВОСЛАВНОМЪ ИКОНОПИСАНИИ.

Самая живопись новыхъ иконъ отзывается картиностию западнаго искусства; нѣтъ уже точнаго подражанія древнимъ священнымъ образцамъ, которые преемственно сохранились въ Восточной Церкви, ибо въ ней искони опредѣлены не только облики, но самая осанка и одежда и все принадлежности извѣстныхъ Святыхъ, такъ что

древнія иконы, не смотря на грубость письма, можно почитать за портреты: оттого онѣ снискали глубокое уваженіе въ народѣ. Это весьма естественно, потому что, кто желаетъ имѣть у себя портретъ уважаемаго человѣка, тотъ и самую дурную живопись, если только вѣрно схвачены его черты, предпочитаетъ лучшей, но невѣрной кисти. Епископъ Евсеій, жившій въ началѣ IV вѣка, отъ котораго сохранилась намъ древнѣйшая исторія Церкви, прямо говоритъ въ 7-й книгѣ (глава XVIII): что посредствомъ красокъ сохранены лики Апостоловъ Петра и Павла, да и самаго Христа, и что древніе выражали такимъ образомъ уваженіе къ своимъ благодѣтелямъ. Такъ сохранился намъ и ликъ Богоматери, кистию Евангелиста Луки.

Драгоценный памятникъ священной живописи хранится въ соборѣ Ростовскомъ отъ XI вѣка. Это чудотворная икона Богоматери, писанная Св. Алипіемъ, инокомъ Печерскимъ, который учился у иконописцевъ Греческихъ, пришедшихъ въ Кіевъ для украшенія мусіею Лавры. По трогательному выраженію Патерика Печерскаго, преподобный Алипій, работая Господу, создавшему насъ по своему образу и подобію, не только изображалъ лица Святыхъ на иконахъ, но и добродѣтели ихъ въ душѣ своей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно первому иконописцу Евангелисту Лукѣ, былъ врачомъ тѣлесныхъ и духовныхъ недуговъ своей братіи. Что же дивнаго, если сія цѣлебная сила, какъ нѣкогда истекавшая отъ убрисовъ Павловыхъ, сохранилась и сей иконѣ Алипіевой, которая была написана въ оправданіе его нестяжательности! Когда онъ слышалъ, что гдѣ либо обвет-

шали въ церкви иконы, немедленно предлагалъ безмездные труды свои, а если когда либо и получалъ скромную за нихъ плату, то раздѣлялъ ее на три части: одну оставлялъ для потребностей иконописанія, другую отдавалъ въ обитель, а третью нищимъ. Краски употребляемыя имъ для писанія, служили иногда и для исцѣленія, ибо онъ возлагалъ ихъ на язвы, какъ нѣкогда самъ Господь, брешемъ отъ земли, даровалъ зрѣніе слѣпорожденному. Такъ исцѣлялъ Алипій одного изъ богатыхъ гражданъ Кіевскихъ, который растратилъ все свое имущество на врачей, и не замѣчалъ въ себѣ душевнаго недуга, бывшаго виною его наружной болѣзни. Прозорливый иконописецъ открылъ духовнымъ окомъ поврежденіе образа Божія въ душѣ болящаго и, начавъ исцѣленіе изнутри, возвратилъ ему и тѣлесное здравіе, приложивъ къ язвамъ то, что случилось подъ руками, — убогія вещества своего иконнаго художества.

Другой благочестивый мужъ, изъ числа гражданъ Кіевскихъ, соорудилъ благолѣпную церковь, и желая украсить ее иконами, просилъ двухъ иноковъ Печерскихъ, совѣщаться о томъ съ Алипіемъ; онъ далъ имъ и кипарисныя доски, съ достаточнымъ количествомъ серебра на издержки, но серебро сіе искусило иноковъ; усвоивъ себѣ плату, они еще дважды потребовали столько же, какъ бы отъ лица самаго Алипія, и потомъ объявили будто не хочетъ праведный мужъ исполнить долгъ свой. Но Провидѣніе Божіе, все устрояющее на пользу, нечестіемъ иноковъ обнаружило святость Алипія. Огорченный храмоздатель пришелъ въ Лавру, жаловаться святому Игумену Никону, на поступки его

иконописца. Изумился Алимпій и напрасно старался увѣрить настоятеля, въ своей невинности; въ обличеніе мнимому корыстолюбцу, Игуменъ послалъ принести семь досокъ кипарисныхъ, данныхъ для написанія иконъ: но сколь велико было общее удивленіе и самаго Алимпія, когда на доскахъ увидѣли чудно написанные лики Господа и Пречистой его Матери и Святыхъ. Такъ прославилъ Господь своего угодника; но клеветники стали распространять молву въ народѣ, будто бы сами они тайно написали сіи иконы. Новое свидѣтельство ознаменовало ихъ, уже предъ лицомъ В. Князя Владиміра Мономаха, когда сгорѣла церковь, въ которой остались неприкосновенными только однѣ сіи иконы. Мономахъ, исполненный благоговѣнія къ святынѣ, послалъ одну изъ нихъ въ Успенскій соборъ, который соорудилъ въ Ростовѣ, и тамъ еще дважды она уцѣлѣла, при паденіи сводовъ и во время пожара.

О ЧЕСТВОВАНІИ СВ. ИКОНЪ.

Мы, Русскіе, болѣе другихъ, должны благоговѣть предъ святыми иконами, потому что чрезъ нихъ первоначально пришло намъ спасеніе. Извѣстно по лѣтописи, какъ философъ Греческій, пришедшій къ Князю Владиміру, обратилъ его къ Богу истинному, зрѣлищемъ страшнаго суда, написаннаго на иконѣ, и тѣмъ извлекъ изъ его сердца первый вздохъ раскаянія: «благо симъ одесную и горе симъ ошуюю!»—Это и есть дѣйствительная цѣль иконнаго украшенія въ храмахъ, дабы тотъ, кто не разумѣетъ грамоты, могъ познавать истины

Евангельскія, не только слухомъ, но и воззрѣніемъ на священныя начертанія лицъ и событій; но и на умѣющаго прочесть о нихъ, въ книгахъ Священнаго Писанія, болѣе сильное произведетъ впечатлѣніе живое изображеніе сихъ предметовъ. Посему, какъ тѣ, которые исключительно благоговѣютъ предъ книгою Ветхаго и Новаго Завѣта, не отвергають однако буквъ, передающихъ имъ тайный смыслъ писанія, такъ поступаемъ и мы въ отношеніи святыхъ иконъ. Мы уважаемъ въ нихъ не доску и не краски, но то что онѣ намъ живо представляютъ т. е. образъ начертаннаго, и благоговѣйное наше поклоненіе относимъ не къ образу вещественному, а къ его первообразу, о коемъ онѣ намъ напоминаютъ; такъ учить насъ и Святая Церковь постановленіями соборными. «Хранимъ, не вводя ничего новаго» говоритъ Св. седьмой Вселенскій Соборъ въ Никей «всеѣ, писаніемъ или безъ писанія, установленныя для насъ церковныя преданія, изъ коихъ одно есть изображеніе иконнаго живописанія, согласующееся съ проповѣдію Евангельскою и служащее намъ къ увѣренію истиннаго, а не воображаемаго воплощенія Бога Слова; и къ подобной пользѣ».

Скольже осторожно дѣйствовала въ этомъ случаѣ Св. Церковь, можно видѣть изъ опредѣленія шестаго Вселенскаго Собора, который запретилъ изображать Господа Иисуса Христа въ видѣ агнца, какъ о немъ взывалъ Предтеча: «се Агнецъ Божій!» Поелику образы уже миновались, то и не подобало почитать образа паче истины, дабы не затмѣвать ее въ глазахъ вѣрующихъ. Далѣе правило седьмаго Собора говоритъ: «и такъ, послѣдую преданію Каѳолической Церкви, въ которой оби-

таетъ Духъ Святый, со всякою достовѣрностію и тщательнымъ разсмотрѣніемъ, опредѣляемъ: изображенія честнаго и животворящаго креста полагать во святыхъ Божіихъ церквахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и дскахъ, въ домахъ и на путяхъ; честныя и святыя иконы, написанныя красками и изъ дробныхъ каменій (мозаикъ), и изъ другаго способнаго къ тому вещества устрояемыя (здѣсь умолчано о изваяніяхъ, слѣдственно они не признаются приличными для украшенія храмовъ), какъ то иконы Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Святыхъ Богородицы и честныхъ Ангеловъ и всѣхъ святыхъ и преподобныхъ мужей. Ибо сколь часто видимы они бывають, чрезъ изображеніе на иконахъ, столь же часто взирающіе возбуждаются воспоминать и любить первообразныхъ (т. е. тѣхъ, кого изображаютъ иконы), и чествовать ихъ лобзаніемъ и почитательнымъ поклоненіемъ, т. е. не истиннымъ по вѣрѣ нашей поклоненіемъ, которое подобаетъ единому Божескому существу, но почитаніемъ такимъ, какосъ воздается честному престолу и евангелію и прочей святыхъ, т. е. вѣнчаніемъ и поставленіемъ предъ ними свѣчей, по древнему обычаю: ибо честь, воздаваемая образу, переходитъ къ первообразному, и поклоняющійся иконѣ, поклоняется существу изображенному на ней. Такъ утверждаетъ ученіе Св. Отецъ нашихъ, и это есть преданіе Каѳолической Церкви, отъ конца до конца земли пріявшей Евангеліе».

Что можетъ быть яснѣе и опредѣлительнѣе сего догмата, гдѣ все дѣйствительно постановлено съ тщательнымъ разсмотрѣніемъ?—Удивительно, какъ могутъ еще

послѣ такой ясности догматической, упрекать православныхъ, что у нихъ забыта вторая заповѣдь десятословія Моисеева: «не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, иже на небеси горѣ и елико на земли низу и елико въ водахъ и подъ землею, да не поклонишия имъ и да не послужиши имъ»—какъ будто бы Церковь не учитъ насъ сей основной заповѣди. Здѣсь ясно запрещеніе не творить себѣ идоловъ, т. е. подобія боговъ языческихъ, которые не суть истинныя, и не служить имъ, ибо поклоненіе подобаеетъ единому Богу. Мы же, изображая Господа Иисуса Христа въ томъ видѣ, въ какомъ явился онъ на землѣ, не творимъ себѣ кумира, но поклоняясь, кланяемся истинному Богу: слѣдственно никакъ не можетъ относиться заповѣдь сія къ благоговѣйному чествованію его иконы, въ томъ смыслѣ какъ объясняетъ сіе Церковь Православная, опредѣленіемъ VII Вселенскаго Собора. И самъ Моисей, запретившій всякое ваеніе, не убоился однако извать двухъ Херувимовъ изъ золота, надъ кивотомъ завѣта въ Скинии, предъ кою преклонялся народъ Израильскій: ибо, въ сей видимой сѣни, созерцалъ онъ невидимое присутствіе Божіе, такъ какъ и все Богослуженіе было образовательно, и Моисей устроилъ оное по образу, указанному ему на горѣ (Исхода XXV).

Въ самыя первыя времена Христіанства мы уже видимъ священныя изображенія. Историкъ IV вѣка, Епископъ Кесарійскій Евсевій, другъ Императора Константина Великаго, утвердительно пишетъ (книга VII гл. 18): «Считаю неприличнымъ пропустить достойное также памяти потомства сказаніе. Кровоточивая жена, которая, какъ намъ извѣстно изъ священныхъ Евангелій

(Матѣ. IX, 20—23. Марк. V, 25—34. Лук. VIII, 43—48), получила исцѣленіе своей болѣзни отъ Спасителя нашего, происходила, говорили, изъ города Панады. Здѣсь и теперь еще указываютъ домъ ея и сохраняютъ славные памятники благодѣянія, оказаннаго ей Спасителемъ. Именно, предъ дверями ея дома лежитъ высокій камень, и на немъ поставлено мѣдное изваяніе женщины, съ преклоненными колѣнами и съ простертыми впередъ руками, на подобіе молящейся. Противъ нея стоитъ, изъ того же металла, прямая статуя мужа, благолѣпнаго, облеченнаго въ двойную мантию и простирающаго руку къ женщинѣ. У ногъ его, на самомъ пьедесталѣ, растеть какая-то незнакомая трава, достигающая до нижняго края мѣдной мантии и служащая противоядіемъ всякаго рода болѣзней. Эта статуя представляетъ, говорили, образъ Иисуса; она сохранилась до нашего времени, и мы собственными глазами видѣли ее, въ бытность нашу въ этомъ городѣ. Впрочемъ нѣтъ ничего удивительнаго, что въ старину, облагодѣтельствованные Спасителемъ язычники, дѣлали такого рода вещи. Мы уже рассказывали, что посредствомъ красокъ, на картинахъ, сохранены также лики Апостоловъ Петра и Павла, да и самаго Христа. Вѣроятно древніе, слѣдуя обычаю язычниковъ, выражали такимъ образомъ уваженіе ко всѣмъ безъ различія благодѣтелямъ».

Если Евсевій поставляетъ здѣсь древнихъ въ противоположность язычникамъ, то это конечно Христіане, и доказательствомъ тому, что онъ не осуждаетъ ихъ благочестиваго употребленія живописи, которой научились отъ язычниковъ, служить его сказаніе о томъ

уваженіи, какое они имѣли ко всему, что имъ осталось отъ ихъ древнихъ пастырей и учителей.

«Каедрѣ Іакова, который получилъ епископство надъ Іерусалимскою Церковію отъ самаго Спасителя и Апостоловъ, и котораго Божественное Писаніе нарицаетъ братомъ Христовымъ, сохранилось еще доселѣ. Тамошніе братія преемственно блюдутъ ее и этимъ ясно показываютъ всѣмъ, какъ древніе и нынѣшніе благоговѣли и благоговѣютъ предъ святыми мужами за ихъ любовь къ Богу.» Будемъ и мы такъ поступать по примѣру первыхъ Христіанъ, которые приняли и свято сохранили свое преданіе отъ ближайшихъ учениковъ Господа.

Что же еще смущаетъ боязливый помыслъ нѣкоторыхъ, страдающихъ недостаткомъ вѣры и, смѣю присовокупить, вѣдѣнія?—Они хотятъ насильственно, вопреки церковному разумѣнію, приписать чудеса и исцѣленія, бывающія отъ святыхъ иконъ, самому веществу ихъ а не тѣмъ, чей образъ и написаніе на иконахъ, чтобы такимъ образомъ воздать Божіе Богу. Но какъ же видамъ мы, въ Священномъ Писаніи, что жезлъ Моисеевъ и мантия Пророка Или разсѣкали воды, что прикосновеніе къ кивоту завѣта поражало смертію и даже близость его сокрушала идоловъ? Вещество ли его творило знаменія, или Господь хотѣлъ въ немъ прославить свой таинственный на землѣ образъ? Должно быть послѣдовательнымъ въ своемъ вѣрованіи и, пріемля одно, не отвергать безотчетно другаго, если только не таятся въ сердцѣ, сокрытое отъ самаго себя, отверженіе всего. Такимъ образомъ, одно воззрѣніе на мѣднаго

змѣя, воздвигнутаго Моисеемъ въ пустынѣ, исцѣляло уязвленныхъ змѣями, потому только что это былъ символъ распятаго Господа? Онъ самъ указывалъ на него, бесѣдуя съ Никодимомъ: «ты учитель израилевъ, и сего ли не знаешь? Истинно, истинно говорю тебѣ: мы говоримъ о томъ, что знаемъ, и свидѣтельствуемъ о томъ, что видѣли: а вы свидѣтельства нашего не принимаете. Если я сказалъ вамъ о земномъ, и вы не вѣрите, какъ повѣрите, если буду говорить вамъ о небесномъ? Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ небеси, Сынъ человѣческой, сущій на небеси. И какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ: такъ должно вознесену быть Сыну Человѣческому, дабы всякой вѣрующій въ него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. гл. III, 10—15)».

Не приходится ли и намъ повторить слова Господни тѣмъ, которые выставляютъ свое неопытное мнѣніе на перекоръ Евангельскому ученію Церкви: «ты ли учитель Израилевъ и сего не знаешь?»—Если воззрѣніе на мѣднаго змія, который былъ только символическимъ образомъ распятаго Христа, могло исцѣлять: то почему же не можетъ имѣть столь же спасительнаго дѣйствія благоговѣнное воззрѣніе, съ теплою вѣрою, на дѣйствительный образъ Распятаго, уже въ собственномъ его лицѣ, а не въ символѣ?—Ожидаемое тогда искупленіе совершилось нынѣ, и мы тѣснѣе соединены съ Господомъ нашимъ благодатію крещенія, чрезъ которое всякъ вѣрующій въ него не погибнетъ, по собственному его обѣтованію. Если тѣнь Апостола Петра, если платки и полотяца, бывшіе на тѣлѣ Павловомъ, исцѣляли боля-

щихъ и изгоняли духовъ нечистыхъ: то почему же благоговѣнное прикосновеніе къ ихъ ликамъ, которые даже сохранились намъ отъ первыхъ вѣковъ, по свидѣтельству Евсевія, не можетъ совершить того же знаменія?—Что есть тѣнь, если не образъ человѣка, начертанный на землѣ, и платки не суть ли бездушныя вещества, освященные только прикосновеніемъ святаго мужа?

Понимаю, что новѣйшіе образа, писанные въ духѣ западномъ, съ какого либо натурщика, болѣе для такъ называемаго эффекта картины, нежели для того чтобы передать священный ликъ, дошедшій къ намъ по глубокому преданію древности, не могутъ возбуждать благоговѣнной молитвы. Предъ ними только дивятся изяществу кисти, а не углубляются въ созерцаніе духовнаго міра, ибо все въ нихъ отзывается человѣческимъ и не проявляется вѣра живописца, который замѣнилъ, собственнымъ вымысломъ, преданіе освященное временемъ.—Не такъ писали древніе иконописцы наши, и потому совсѣмъ иное чувство проникаетъ душу, при воззрѣніи на ихъ произведенія, хотя иногда и несовершенныя въ смыслѣ искусства: они не смѣли отступать ни отъ одной черты или краски подлинника, тщательно сохраняя даже всѣ складки одежды. Оттого и произошло столь много мѣстныхъ наименованій однихъ иконъ Богоматери, прославленныхъ различными знаменіями въ разныхъ предѣлахъ Россіи: каждый хотѣлъ имѣть у себя то собственно изображеніе, почему либо близкое его сердцу, при которомъ совершилось или знаменіе или исцѣленіе. Можно ли, безъ особеннаго

благоговѣнія, взирать на образъ Богоматери, писанный Св. Алипіемъ Печерскимъ, или на икону ея Успенія, которую писалъ, съ подлинника Греческаго, Св. Петръ Митрополитъ Московскій, разводя самыя краски на святой водѣ? или на Владимірскій образъ Пречистой Дѣвы, который восходитъ, по священному преданію, до самаго Евангелиста Луки? Молитвенный духъ писавшихъ какъ бы проникъ самыя ихъ иконы, уже освященныя тѣмъ, что онѣ суть образы Божественнаго лика: что же дивнаго, если и доселѣ отъ нихъ совершаются знаменія, какъ бы отъ тѣни Петровой, или платковъ Апостола Павла, и жезла Моисеева, и мантии Иліяной, и мѣднаго змія, и ветхозавѣтнаго кивота, бывшаго образомъ Церкви Ново-завѣтной!

Еще одно утѣшительное чувство наполняетъ душу, подъ священною сѣнію собора Ростовскаго; это воспоминаніе того благодатнаго покровя Богоматери, которымъ, какъ бы исключительно, осѣнила она землю Русскую и въ честь коего учреждено у насъ особое празднество, не имѣющееся у другихъ народовъ. Въ Корсунской церкви Рождества Богоматери воспріялъ святое крещеніе просвѣтитель Руси, равноапостольный Князь Владиміръ, и вотъ, всѣ древнѣйшіе соборы земли Русской посвящены Пречистой Дѣвѣ, начиная съ Десятинной церкви, сооруженной въ Кіевѣ, самимъ Владиміромъ. Два его сына Владиміръ и Ярославъ, воздвигаютъ, въ Новгородѣ и Кіевѣ, два кафедральные собора во имя Софіи Премудрости Божіей; они оба празднуютъ Рождеству и Успенію Божіей Матери, ибо всякій храмъ есть домъ Божій, а она сама послужила домомъ воплощенной Премудрости.

Христу Богу нашему. Изъ Цареградскаго храма Св. Софїи пришла къ намъ мудрость духовная, чрезъ обращеніе въ немъ пословъ Владиміровыхъ. Первый отшельникъ нашъ Антоній идетъ на Св. гору Аѳонскую и, вмѣстѣ съ уставомъ вноческимъ, приноситъ опять благословеніе Матери Божіей на всю землю Русскую; священная икона ея успенія, чудно ниспосланная, внушаетъ мысль Преподобному Θεодосію воздвигнуть храмъ въ честь Успенія, и празднество сіе дѣлается основнымъ почти для всѣхъ обитателей, устрояемыхъ постепенно по образцу Лавры Печерской; оно пріемлется и для кафедральныхъ соборовъ, разсѣянныхъ по княжескимъ удѣламъ земли Русской, потому что къ сему присоединялась еще особенная мысль.—Къ успенію Богоматери собрались, съ концевъ вселенной, всѣ Апостолы на Сіонъ, дабы воздать подобающее погребеніе Матери воплощеннаго Слова Божіа; это былъ первый образецъ духовнаго собранія въ лицѣ всего Апостольскаго собора. Весьма прилично было, чтобы кафедральные соборы, гдѣ около верховнаго Пастыря соединяется паства, во дни торжественнаго Богослуженія, напоминали собою первоначальное собраніе Апостольское, и потому большая часть ихъ у насъ, какъ и на Востокѣ, празднуетъ Успенію Богоматери. Мономахъ былъ первымъ основателемъ Успенскаго собора въ Ростовѣ, а сынъ его Боголюбскій въ великокняжескомъ Владимірѣ, отколѣ перешла кафедра Святительская, вмѣстѣ съ престоломъ княжескимъ, въ Успенскій соборъ царственной Москвы.

Но если отрадно мнѣ было молиться, подъ сводами древней Митрополїи Ростовской, посреди всей ея святы-

ни, то грустно было взойти во внутренность священнаго Кремля и видѣть запускѣніе его пяти храмовъ и бывшихъ палатъ Архіерейскихъ, еще исполненныхъ именемъ великаго Святителя Димитрія. Со дня на день приходятъ въ бѣднѣе упадокъ зданія, которыя, казалось, строены были для вѣчности, и снаружи еще кажутся чѣмъ-то исполняскимъ; особенно грустно смотрѣть на разрушеніе церкви Григорія Богослова, гдѣ постригался Апостоль Перми, Св. Стефанъ, и на крестовую церковь во имя Всемилостиваго Спаса, гдѣ было поставлено тѣло Святителя Димитрія, въ ожиданіи друга его, Мѣстоблюстителя Патріаршаго престола Стефана, который хотѣлъ воздать ему самъ послѣдній долгъ. Тяжко для сердца зрѣлище постепеннаго паденія того дома, въ которомъ жилъ Митрополитъ Димитрій, особенно той келліи, гдѣ онъ скончался на колѣняхъ: сперва было хотѣли обратить ее въ церковь, но потомъ оставили благочестивое намѣреніе, съ тѣхъ поръ, какъ кафедра Архіерейская перенесена въ Ярославль. Неужели никогда не обновится древнее жилище столькихъ великихъ Святителей Ростовскихъ?

На выѣздѣ къ Ярославлю, подлѣ обители просвѣтителя Ростовскаго Авраамія, которую соорудилъ онъ во славу Богоявленія, въ странѣ нѣкогда чуждой свѣту Божию, стоятъ еще обитель на самомъ берегу Нера озера, въ честь верховныхъ Апостолъ. Они указали мѣсто сіе Царевичу Ордынскому, какъ нѣкогда возлюбленный ученикъ Христовъ указалъ ту же мѣсто для храма старцу Архимандриту. Дѣйстватели тѣ же, хотя времена и лица измѣнились и нѣсколько столѣтій протекло меж-

ду явленіемъ Апостоловъ якоу-проповѣднику и Царевичу Татарскому, а цѣль та же,—духовное просвѣщеніе ищущихъ спасенія. Умилительна и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма замѣчательна жизнь сего братаняча языческаго Хана Берки, столь грознаго для Россіи; достойно вниманія, что выходецъ Ордынскій послужилъ не только къ назиданію Ростова, благою жизнію, но и по смерти, уже въ четвергомъ своемъ поколѣніи, сдѣлался защитникомъ избраннаго имъ града, осѣнивъ его отъ нашествія новаго завоевателя Татарскаго, памятью своего имени.

III.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Если живописецъ Переяславль-Залѣсскій, когда открываетъ онъ на берегу своего тихаго озера, съ вершины Крестовой горы, не менѣ очаровательно зрѣлище Великокняжескаго Ярославля, отъ нагорной церкви Креста, господствующей надъ всею роскошною долиною Волги. Одно близкое сердцу Русскому теченіе сей матери нашихъ рѣкъ, уже производитъ пріятное впечатлѣніе и оживляетъ широко раскрывающуюся взорамъ картину, и вотъ на берегу ея возстаетъ многоглавій Ярославль,

весь исполненный величественными храмами, въ Византійскомъ или лучше сказать собственно въ Русскомъ вкусѣ первыхъ временъ дома Романовыхъ, ибо болѣе всѣхъ другихъ городовъ носить онъ отпечатокъ сей эпохи. Церковь Предтечи въ предмѣстїи издали напоминаетъ восточную массу Василя Блаженнаго, что посреди Китая, приготовляя къ необычайной красотѣ прочихъ храмовъ, которыми особенно славится Ярославль.

У самаго озера, на крутомъ берегу Которости, отдѣляющей городъ отъ предмѣстїя, красуется трехбашенная церковь Богоявленїя, весьма изящной архитектуры, и древняя обитель Спасская, воспрїявшая внутрь своихъ стѣнъ еще древнѣйшую кафедру Митрополитовъ Ростовскихъ, срѣтаетъ путника святынею своихъ храмовъ. Туда поспѣшилъ я, доколѣ еще не ударилъ колоколъ къ вечерни, наканунѣ праздника Или Пророка, чтобы принять благословенїе Архипастыря, повсюду оставившаго по себѣ одни благословенїя, даже до дальняго Томска и Тобольска. Владыка принялъ меня съ любовїю, и послѣ краткой бесѣды, видя что я обѣгалъ любопытнымъ взоромъ живописную окрестность, которая открывалась изъ его оконъ, вывелъ меня на террасу. Онъ показалъ мнѣ, въ полномъ объемѣ, всю сію привлекательную картину, и назвалъ всѣ лѣтописныя церкви, начиная отъ той, которая поразила меня своею красотою въ предмѣстїи, до церкви Златоуста, не менѣ замѣчательной по своему зодчеству, близъ впаденїя Которости въ Волгу. Храмъ стоитъ на Тугой горѣ, такъ названной по давнему преданїю отъ того, что тутъ тужили граждане Ярославля о безвременномъ паденїи Князей своихъ, Василя и Кон-

стантина, въ битвѣ съ Татарами; мощи ихъ теперь почитаютъ въ Ярославскомъ соборѣ.

Я вспомнилъ, что въ Ярославлѣ, противъ Спасской обители, скончался великій труженикъ Патріархъ Никонъ, и просилъ указать мнѣ самое мѣсто; «оно предъ вашими глазами» отвѣчалъ мнѣ Преосвященный «тутъ, на противоположной сторонѣ, поставленъ былъ некогда крестъ, котораго уже давно нѣтъ. Стругъ Никона Патріарха поднялся по рѣкѣ Которости отъ ея устья, потому что здѣсь онъ долженъ былъ выдти на берегъ; но здѣсь застигъ его смертный часъ, въ виду обители нашей.»

Краснорѣчиво описалъ блаженную кончину своего учителя, бывшій діакъ его Шушеринъ, и я привожу исполненныя глубокаго чувства слова его: «И тако приставшимъ имъ ко граду Ярославлю, граждане того града, слыша блаженнаго пришествіе, текоша вси радуящися ко блаженному, благословенія ради, видяще пастыря своего, во свояси и ко своимъ возвращающася, и абіе зряще его на одрѣ смертномъ лежаща и близъ смерти, съ плачемъ велимъ и рыданіемъ приходяще, припадающе къ нему, просяще благословенія и прощенія, цѣлующе руцѣ его и носѣ: и тако имъ отъ всенароднаго собранія со трудомъ великимъ вшедшимъ въ рѣку Которость; народи же стругъ со блаженнымъ влекуще, овін по берегу, нини же въ водѣ бродяще даже до чреслъ, и приставши близъ обители всемілостиваго Спаса, и ту прииде града того Воевода со множествомъ народа, такоже и Архимандритъ Спасова монастыря, со освященнымъ соборомъ обители своея и всего града, вся носяще потребная.

«Блаженному же Никону, уже изнемогшу вельми и ничтоже вѣщающему, токмо десницу свою дая цѣловати. Народи же болма собирахуся, и стужаху ему вельми своимъ приходеиёмъ. Архимандритъ же Кирилова монастыря Никита, бѣ бо духовникъ блаженному, и посланный діакъ, видя народу множащюся, повелѣша оный стругъ, въ немъ же блаженный, на другую страну рѣки перевезти. Вечернему убо часу приспѣвшу, егда во градѣ начаша благовѣстити, тогда блаженный Никонъ конечно нача изнемогати и озиратися, яко бы видя нѣкоихъ приходящихъ къ нему, такоже своимъ руками лице и власяи и бразу и одежду со опасеніемъ опрятovati, яко бы въ путь готовитися. Архимандритъ же Никита и братія и присланный діакъ, видя Святѣйшаго конечно дыхающа, нача исходное послѣдованіе надъ нимъ пѣти. Святѣйшій же возлегъ на уготованномъ одрѣ, давъ благословеніе своимъ ученикомъ, руцѣ къ персемъ пригнувъ, со всякимъ благоговѣніемъ въ добромъ исповѣданіи, благодаря Бога о всѣхъ, яко во страданіи теченіе свое соверши, съ миромъ успе, душу свою въ руцѣ Богу предаде, егоже возлюби. Отъ житія сего отыде во оное блаженство въ настоящее лѣто отъ созданія міра 7189, (отъ Р. Х. 1681), мѣсяца Августа въ 17 день».

Между тѣмъ, какъ мы смотрѣли издали не мѣсто кончины блаженнаго Патріарха Никона, ударилъ вечерній колоколъ, ознаменовавшій часъ ея, и я поспѣшилъ отъ добраго Пастыря Ярославскаго ко всенощной въ храмъ, гдѣ почіють мощи Великихъ Князей Ярославскихъ. Но прежде взошелъ я въ древнѣйшій изъ храмовъ нынѣшняго города, монастырскій соборъ Спаса Преображенія;

онъ былъ сооруженъ въ 1216 г. В. Кн. Константиномъ Всеволодовичемъ, основателемъ краткаго благоденствія Ярославля, и послѣ того перестроенъ въ 1516 году В. Кн. Василиемъ Іоанновичемъ Московскимъ. Совѣтъ тѣмъ, это древнѣйшая цѣрковь во всемъ городѣ, котораго всѣ храмы были обновлены; обитель Спасова, обращенная теперь въ жилище Архіерейское, есть самая замѣчательная святыня Ярославля по своимъ лѣтописнымъ воспоминаніямъ, хотя во многомъ измѣнился наружный видъ ея. Стѣнная живопись собора носитъ отпечатокъ давно-минувшаго, но алтарь расширенъ пристройкою и совершенно новая церковь сооружена на мѣсто прежней теплой, послѣднимъ Архіепископомъ Авраамомъ, во имя Благовѣрныхъ Князей Ярославскихъ. Она изящна по зодчеству, и живопись ея во вкусѣ Византійскомъ; но еще слишкомъ нова церковь, чтобы быть въ одной связи съ древнимъ соборомъ. Тамъ отслушалъ я всеобщую, при Св. мощахъ Θεодора и чадъ его, Давида и Константина.

Много княжескѣй соединилъ въ лицѣ своемъ сей благочестивый Князь Θεодоръ, сынъ Ростислава Смоленскаго, будучи вмѣстѣ и обладателемъ Смоленска и удѣльнымъ Княземъ Можайскимъ, въ предѣлахъ Московскихъ. Бракъ его съ Марією, единственною дочерью Князя Ярославскаго, Василія Всеволодовича, доставилъ ему вѣнецъ Ярославля, и такимъ образомъ въ немъ соединились опять обѣ вѣтви дома Мономахова, Смоленскихъ и Долгорукихъ. Но ему предстояла кратковременная утрата своего княжества, для бѣльшаго его расширенія въ послѣдствіи, ибо по смерти Маріи, граждане Ярославскіе

провозгласили Княземъ своимъ сына его Михаила, который однако скоро скончался. Тогда Ханъ Татарскій Нагай выдалъ за Князя Θεодора, прозваннаго, по необычайной красотѣ, Чернымъ или Краснымъ, дочь свою, которая воспріяла въ Св. крещеніи имя Анны, и съ нею возвратился онъ изъ Орды княжить, не только надъ Ярославемъ и Смоленскомъ, но и надъ Болгарами, Казанью, Черниговомъ и Корсуною; всѣ сии города уступилъ Ханъ въ удѣлъ любимому своему зятю. Черный былъ сильнѣйшимъ изъ Князей Ярославскихъ, и родъ его властвовалъ по немъ до пятаго колѣна; но почести мірскія не ослѣпили его христіанскаго сердца; утомленный бременемъ долгаго правленія, пожелалъ онъ ангельскаго образа, и Черный властитель скончался схимникомъ въ 1299 году. Ему наслѣдовали дѣти его, Давидъ и Константинъ, неразлучные съ нимъ во гробѣ.

Внукъ Чернаго, Василій Грозныя очи, вступилъ въ родство съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Калитою, женившись на его дочери, и тѣмъ какъ бы усвоилъ заблаговременно Ярославль разраставшейся во всю Русь державѣ Московской. Правнукъ того же имени бился, вмѣстѣ съ Донскимъ витяземъ, противъ Мамаю, и только пятый по немъ, Александръ, былъ послѣднимъ владѣтельнымъ Княземъ Ярославля, ибо съ его кончиною права удѣльныя уступлены самодержавному Іоанну, собирателю Руси. При семъ Александрѣ были обрѣтены, въ 1463 году, нетлѣнныя мощи благовѣрнаго Князя Θεодора и двухъ его сыновей, и Церковь причла ихъ къ лику своихъ заступниковъ. Уже, въ минувшемъ столѣтїи, Святитель Ростовскій Димитрій перекладывалъ Св. мощи въ

кипарисовую раку изъ древней каменной, а нынѣшняя серебряная устроена усердіемъ недавно почившаго Архипастыря Авраама, который много украсилъ свою катедральную обитель. Позади Спасскаго собора, въ отдѣльной часовѣ, благоговѣйными Христіанами посѣщается гробъ блаженнаго Епископа Ростовскаго, Прохора, или Трифона по схиѣ, которому было явленіе чудотворной иконы Толгской Божіей матери, и который, вмѣстѣ съ правнукомъ Царевича Ордынскаго Петра, оградилъ Ростовъ отъ оружія Хана Ахмыла, чуднымъ исцѣленіемъ его сына. Сердцу Русскому не могутъ быть чужды такія воспоминаія, вмѣстѣ церковныя и гражданскія, дополняющія лѣтопись дѣяніями Святыхъ.

На слѣдующее утро продолжалъ я осматривать замѣчательныя церкви Ярославля, съ благословенія Архипастыря Евгенія и въ сопровожденіи О. Ректора Іоаннікія. Мы начали съ соборнаго величественнаго храма во имя Успенія, который однако далеко уступаетъ Ростовскому, хотя основанъ былъ тѣмъ же Великимъ Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ. Щедрою рукою украсилъ онъ Ярославль, когда еще былъ Удѣльнымъ Княземъ; но вѣроятно основаніе Ростовскаго собора было болѣе прочно, потому что на него не подѣйствовали многократные пожары, а Ярославскій до такой степени былъ опустошенъ пламенемъ, въ 1501 году, вмѣстѣ съ княжескими палатами и рубленнымъ городомъ окрестъ ихъ, что Великій Князь Іоаннъ принужденъ былъ выстроить новый соборъ. Тогда были обрѣтены неслѣбныя мощи Князей Василія и Константина, дѣтей Всеволода, убиеннаго Татарами на рѣкѣ Сити, внуковъ храмоздате-

ля, которые въ свою чреду были также убиты Татарами на Тугой горѣ, въ виду своей столицы. Радость сего обрѣтенія утѣшила въ скорби о разрушеніи храма; но и этотъ соборъ былъ замѣненъ новымъ чрезъ полтора столѣтъ, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во вкусѣ Московскихъ, и доселѣ красуется на мѣстѣ древняго святилища Константинова.

Еще чудотворная икона Алипѣева, которая ежегодно приносится изъ Ростова, стояла внутри собора, и я съ утѣшеніемъ ей поклонился, ибо скорбѣлъ, не найдя въ прежней Митрополіи сего завѣтнаго залога Печерскаго: древнія иконы, коихъ священные лики издавна намъ знакомы, особенно бываютъ близки сердцу. Тамъ же поклонился я и мѣстнымъ иконамъ Спаса и Божіей Матери, именуемой Ярославскою, къ которымъ усердно прибѣгаютъ граждане, со временъ благовѣрныхъ Князей Василія и Константина, ибо они принесли святыню сію соборному своему храму. Мощи ихъ собраны въ серебряной рацѣ, поставленной между столбовъ; я говорю собраны, потому что, по несчастію, въ половинѣ минувшаго столѣтія, они сгорѣли отъ нечаяннаго пожара внутри храма. Если и скорбитъ о томъ сердце ревностныхъ сыновъ Церкви, да не оскудѣетъ вѣра ихъ къ угодикамъ Божиимъ. Тѣlesa мучениковъ разсѣкаемы были по частямъ и неоднократно сожигаемы варварами, но тѣмъ не менѣе чествуются ихъ останки; многолѣтнее же негнѣніе, въ нѣдрахъ всепоглощающей тлѣніемъ земли, достаточно засвидѣтельствовало міру святую жизнь сихъ новыхъ Мучениковъ, пострадавшихъ отъ Татаръ. Кто знаетъ тайные суды Божіи, наказавшіе въ свое время

небрежность хранителей, утратою отчасти Бокровища, для возбужденія усердія ихъ къ тѣмъ останкамъ, которые спасли и уже съ тѣхъ поръ хранять какъ зѣницу ока.

Соборъ Ярославскій памятенъ сердцу Русскому еще тѣмъ, что изъ-подъ его сѣни двинулся освободить столицу Князь Пожарскій съ ополченіемъ, которое долго устраивалъ въ Ярославѣ. Въ день Всемилостиваго Спаса, 1 Августа 1612 года, здѣсь, послѣ Божественной литургіи, окропиль его хоругви благочестивый Кирилль, Митрополитъ Ростова, и чрезъ полгода здѣсь же имѣлъ онъ утѣшеніе встрѣтить и благословить на царство избранника всего народа Русскаго, юнаго Михаила, когда шелъ онъ изъ Костромы въ первопрестольную Москву. Такъ, внутри каждаго святилища древнихъ городовъ нашихъ, таится какое либо драгоцѣнное воспоминаніе, котораго отголосокъ отзывается въ цѣломъ отечествѣ!

Нѣтъ уже слѣдовъ княжескихъ палатъ Константина, ни первоначальной церкви Іліи Пророка, которую, по давнему преданію, соорудилъ здѣсь великій Ярославъ, давшій имя свое новому городу. Рассказываютъ, что здѣсь однажды, тѣшась ловлею, онъ убилъ, въ лѣсисто-мъ оврагѣ, огромнаго медвѣдя и плѣненный красотою мѣста, надъ стеченіемъ Которости и Волги, срубилъ тутъ городокъ на треугольномъ мысѣ: съ одной стороны былъ онъ огражденъ глубокимъ оврагомъ Медвѣдницы, съ другой крутыми обрывами обѣихъ рѣкъ, и какъ имя Князя сохранилось городу, такъ и память его ловли осталась въ гербѣ Ярославскомъ; но уже засыпанъ оврагъ, отдѣлявшій первоначальный Рубленый городъ, и едва

можно угадать его мѣсто на великолѣпной площади: новѣйшая церковь Іліи Пророка замѣнила древнюю, а дома соборнякъ и Демидовскій Лицей стали на мѣстѣ княжескихъ палатъ. Но отъ лицейскаго сада, на самомъ мысу, объясняется пристрастіе Ярослава къ сему дикому тогда урочищу, чуднымъ видомъ, который открывается вверхъ и внизъ по теченію Волги, и на богатое предмѣстіе, лежащее по ту сторону рѣки Которости. Волга вездѣ царица, гдѣ только ни покажется сія величавая мать нашихъ рѣкъ, разукрашенная своими бѣлыми вѣтрилами, облѣпленная, какъ бы дѣтьми, своими безчисленными селами: ихъ величавыя колокольни, одна за другою теряются вдаль, какъ бы поверстныя столбы, измѣряющіе все ея владычественное теченіе, отъ убогаго озера Тверскихъ лѣсовъ и до Каспійской пучины.

Изъ бывшаго Рубленнаго города мы перешли въ Земляной, нынѣ уже не соответствующій сему скромному названію роскошью своихъ каменныхъ зданій. Обыденная нѣкогда, т. е. однимъ днемъ построенная церковь Всемилюстиваго Спаса, теперь уже прочно сооруженная изъ камня, привлекла наше вниманіе своею чудотворною иконою Убруса, или нерукотвореннаго образа Спасова. Преданіе отечественное соединено съ памятію прославленія сей иконы: это опять время Пожарскаго и освобожденія Руси, какъ будто бы лучшая слава Ярослава вся сосредоточилась около сей свѣтлой точки нашей исторіи. Справедливо и то, что городъ процвѣлъ тотчасъ послѣ, въ первую эпоху царствованія Романовыхъ: ибо не забыли, ни Патріархъ Филаретъ прежней своей епархіи Ростовской, ни сынъ его Царь Михаилъ, убѣжища сво-

его, въ сосѣдней обители Ипатіевской, и первой царственной ему встрѣчи въ Ярославлѣ. Но когда прославилась икона Спасова, еще только собиралось ополченіе для спасенія отечества; моровое повѣтріе открылось въ городѣ отъ чрезвычайнаго стеченія народа; тысячи гибли. Князь и духовенство положили обратиться съ молитвою къ всегдашней заступницѣ земли Русской, и послали за ея чудотворною иконою въ обитель Толгскую. Когда всѣ готовились къ торжественной встрѣчѣ, ночью послышался во снѣ голосъ Протоіерею соборному Илиі, мужу благоговѣйному, чтобы онъ поднялъ, изъ часовни Аванасьевскаго монастыря, древнюю икону Спасову; но священнослужитель, обрѣтшій ее тамъ въ большомъ небреженіи, оставилъ ее и самъ безъ вниманія. Опять повторилось, въ слѣдующую ночь, то же сновидѣніе, и уstraшенный уже не смѣлъ послушаться; онъ объявилъ о томъ гражданамъ; крестный ходъ зашелъ торжественно въ часовню поднять завѣтный образъ; тутъ же получилъ прозрѣніе слѣпорожденный, и на обратномъ пути тайная сила остановила идущихъ съ иконою противъ самой часовни. Немедленно соорудили на томъ мѣстѣ обыденную церковь, которую освятилъ Митрополитъ Кириллъ, и язва миновалась. Впослѣдствіи много исцѣленій истекло отъ чудной иконы, и она невредимою осталась во время пожаровъ. Нынѣшняя церковь построена въ 1705 году, усердіемъ гражданъ, и въ ней замѣчательна единственная, быть можетъ, въ цѣлой Россіи надпись: «что стѣнное писаніе совершенно при малолѣтнемъ Императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ.»

Еще нѣсколько церквей посѣтилъ я въ Земляномъ го-

родѣ, великолѣпныхъ по своему зодчеству и богатству украшеній, и по красотѣ древнихъ иконъ; всѣ онѣ были сооружены гражданами въ теченіе XVII вѣка, самаго цвѣтущаго для Ярославля. Между ними болѣе замѣчательны: на площади Ильинской, шатровидная по своимъ главамъ церковь Пророка, и ближе къ рѣкѣ храмъ Рождества Христова въ Византійскомъ вкусѣ и Надѣинскій, Святителя Николая, такъ названный отъ знаменитаго гостя, его соорудившаго при Царѣ Михаилѣ, котораго богатые вклады хранятся въ ризницѣ. Преданіе говоритъ, будто бы прежній яшмовый помостъ сей церкви перенесенъ былъ въ Московскій Благовѣщенскій соборъ. Есть еще одна болѣе великолѣпная церковь Святителя Николая, прозванная Мокринскою, на другомъ концѣ города, которая отличается витѣватостію своей колокольни и рѣзбою иконостаса; но, въ этомъ вкусѣ зодчества, все затмила въ Ярославлѣ противолежащая на другомъ берегу рѣки Которости церковь Предтечи, которая поразила меня еще при вѣздѣ.

Она построена въ 1686 году Голландскими мастерами, также по усердію гражданъ, и грустно видѣть, какъ, по недостатку жителей и средствъ, церковь стоитъ въ опустѣвшемъ предмѣстіи. Это лучший образецъ вкуса архитектурнаго, собственно Русскаго, пли Романовскаго, если можно употребить такое выраженіе, потому что онъ вполне развился при вступленіи на престолъ Царствующаго Дома. Снаружи красный кирпичъ испещренъ муравленными поясами, съ чрезвычайно затѣйливыми арабесками; стройныя паперти окружаютъ съ трехъ сторонъ храмъ, двѣ башни надъ боковыми придѣлами соотвѣт-

ствують среднему высокому куполу, и они увѣнчаны пятнадцатью главами; такимъ образомъ все величественное зданіе срастается въ одну гармоническую массу, чрезвычайно пріятную для глазъ. Отдѣльная колокольня, вся какъ бы рѣзная, довершаетъ Византійскую красоту сей замѣчательной церкви, которой не видагь я много подобныхъ; и все это совершило усердіе гражданъ, теперь безыменныхъ, которые мало по малу, общими усиліями, соорудили памятникъ, достойный громкаго имени лучшихъ временъ. Вотъ какова, скромная по внѣшности, но проникнутая благою дѣятельностію сила Православія.

Именитая въ предѣлахъ Ярославскихъ обитель Толгская была предметомъ моего посѣщенія на слѣдующее утро, и мнѣ опять сопутствовалъ тотъ же духовный спутникъ, который взялъ на себя трудъ познакомить меня съ мѣстною святынею. За восемь вѣрстъ отъ города открылся намъ монастырь, на противоположной сторонѣ Волги; мы поднялись нѣсколько вверхъ по рѣкѣ, чтобы причалить къ берегу. Въ первый разъ плылъ я по Волгѣ, и мнѣ это было отрадно, по чувству любви къ родной славѣ, которая какъ будто отзывалась сердцу въ каждомъ плескѣ ея волны. Помню трогательное слово Шатобриана: какъ любилъ онъ, переплывая на чужбинѣ великія рѣки, сіи жилы вселенной, отвѣдывать ихъ заветную воду, будто бы входя чрезъ то въ общеніе съ невѣдомыми ему странами, которыя орошало ихъ благодатное теченіе: что же можетъ быть слаще родной струи нашей Волги? И вотъ на берегу ея кедровая роща, память библейскаго Ливана, возвышалась изъ-за ограды

обители Божіей матери, во имя ея введенія въ храмъ Соломоновъ, созданный также изъ кедровъ Ливанскихъ. Нельзя было найти болѣе приличнаго и вмѣстѣ красиваго дерева для монастырскаго сада.

Мы вошли въ храмъ прежде начала литургіи и поклонились чудотворному образу Владычицы, богато украшенному, который есть лучшее утѣшеніе, въ радостяхъ и скорбяхъ, всего гражданства Ярославскаго. Въ недѣлю Разслабленнаго приносятъ его, съ великимъ торжествомъ, въ городской соборъ и тамъ пребываетъ, доколѣ не смѣняютъ его, въ началѣ Іюля, другая чудотворная икона Богоматери, Аляніева изъ Ростова: такъ совершается ими благодатная череда, на стражѣ дома Израилева. Первоначальное явленіе иконы Толгской совершилось въ самую трудную годину для Ярославля, послѣ раззоренія Татарскаго, при благовѣрномъ Князѣ Давидѣ, сынѣ святаго Θεодора Чернаго. Тотъ же благочестивый Святитель Прохоръ, въ схимѣ воспріявшій имя Трифона, который спасъ Ростовъ отъ нашествія Хана Ахмыла, исцѣленіемъ его сына, имѣлъ утѣшеніе обрѣсти святую икону. Онъ возвращался въ Ярославль отъ Бѣлоозера, гдѣ обозрѣвалъ дальніе предѣлы своей епархіи, и остановился почевать на правомъ берегу Волги, когда внезапно увидѣлъ необычайный свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь обитель. Блаженный пастырь, проникнутый духомъ молитвы, тайно перешелъ Волгу и увидѣлъ, что свѣтъ сіяетъ отъ иконы, поставленной какъ бы на огненномъ столпѣ; съ благоговѣйнымъ страхомъ поклонился ей Владыка и, возвратясь въ свой путевой шатеръ, смиренно хотѣлъ утаить бывшее ему благодатное

явленіе. Но оно не должно было оставаться втайнѣ; келейники его не могли найти утромъ пастырскаго посоха, который помнили что былъ въ его рукахъ, когда пошелъ онъ на тайную молитву, и пастырь велѣлъ имъ искать свой посохъ на противоположномъ берегу; тамъ дѣйствительно его нашли, но вмѣстѣ съ нимъ и чудную икону на томъ деревѣ, къ коему прислоненъ былъ посохъ. Тогда же соорудили деревянную церковь на мѣстѣ явленія, и слава о томъ распространилась по всей окрестной землѣ.

Царь Іоаннъ, возвращаясь также съ Бѣла-озера, получилъ исцѣленіе отъ болѣзни ногъ, при сей благодатной иконѣ, и засвидѣтельствовалъ свое исцѣленіе даромъ великолѣпнаго образа Спасова въ обитель; много и другихъ вкладовъ ознаменовали усердіе Державныхъ. Сынъ Іоанна, Феодоръ, выстроилъ тотъ благолѣпный храмъ, который донинѣ служитъ соборнымъ въ обители; недавно было обновлено его стѣнное писаніе и весьма изящно, по усердію послѣдняго Архипастыря Авраама, оставившаго по себѣ благую память. Онъ завѣщалъ положить себя подъ сводами теплой церкви Воздвиженія честнаго креста, близъ которой окончилъ, въ непрестанной молитвѣ, свой труженическій подвижъ; туда сошли мы послѣ литургіи, помолились надъ его удивленнымъ гробомъ, и усердна бываетъ такая номинальная молитва, когда видишь вокругъ себя благія дѣянія усопшихъ.

Мимо сей Толгской обители плылъ Патріархъ Никонъ, возвращаемый съ честію изъ своего долгаго заточенія, и здѣсь застигло его предсмертное изнеможеніе, какъ это трогательно описалъ его келейникъ: «Блаженный же

Никонъ повелѣ плиты Волгою внизъ до града Ярославля; обитающіи же грады и села внизъ живущихъ людіе вхождаху во срѣтеніе и привошаху потребная, и провождаху со слезами далече, а Августа дня 16 порану, достигшимъ имъ монастыря Пресвятыя Богородицы, иже есть на Толгѣ, шесть поприщъ вмуще отъ града Ярославля, и ту блаженный повелѣ пристати; понеже бо отъ скорби вельми изнемогая, и причастися ту святыхъ и пречистыхъ тѣла и крове Христовы, запасныхъ святаго великаго четвертка, отъ руки своего духовнаго отца Архимандрита Никиты Кириллова монастыря, и потому приставшимъ имъ ко берегу того Толгскаго монастыря. Игумень же монастыря того со братією изыде во срѣтеніе; съ ними же ту приде Сергій, бывшій Архимандритъ Спасова монастыря, что въ Ярославль; той бо Сергій во время изгнанія блаженнаго Никона, егда при Вселенскихъ Патріарсѣхъ на соборахъ и на дворѣ, на немъ же блаженный за стражею бысть, много ему досады творя наче пныхъ, о немъ же и прежде изъявися. Той бо Сергій видѣвъ блаженнаго, яко уже близъ къ смерти суща, припаде къ ногамъ его, со слезами умлешья глаголы вѣщая и рече: прости мя, Святче Божій, яко всѣхъ сихъ, иже поношеніе на тя повеслъ еси, досажденіе творя и поношеніе и всякую злобу святыни твоея, во время изгнанія твоего, повиненъ азъ, собору угодная творя. Къ сему же и оно нѣчто повѣда сіе и рече: яко днесь по святѣй Божіи литургіи и по вкушеніи хлѣба братской трапезы, возлегшу ми мало уснути, и абіе во снѣ явися мнѣ святѣйшій Патріархъ Никонъ, глаголя: брате Сергіе, востани, сотворимъ прощеніе; и

абіе у кельи моеи стражъ монастырской нача толцати, глаголя, яко шествуетъ Волгою святѣйшій Никонъ Патриархъ, и близъ монастыря. Игуменъ-и братія пошли въ срѣтеніе ему, азъ же сіе видѣвъ и отъ стража слышахъ, трепетенъ бывъ и ужасеся, воста и едва приде въ себя, и тече скоро во слѣдъ братія, и приде сѣмо къ твоей, Владыко святыни, прощенія прося; и абіе прощеніе отъ блаженнаго оный Сергій ту получи, и видѣнное самъ предъ всѣми повѣда. Блаженному же Никону болма скорбію одержиму, уже къ смерти варить.»

На обратномъ пути изъ обители посѣтили мы еще одну замѣчательную церковь Ярославля, во имя Верховныхъ Апостоловъ, которая стоитъ надъ самою рѣкою, на мѣстѣ древняго монастыря Петропавловскаго: это была древняя усыпальница Князей Ярославскихъ первой династіи, до Θεодора Чермнаго. Противъ сей обители брошены были въ Волгу тяжкія вериги Никиты, столпника Переяславскаго, убитаго своими присными въ 1186 году; они соблазнились блескомъ его желѣзныхъ веригъ, принявъ ихъ за серебряныя, и съ отчаянія бросили ихъ въ воду, скорбя о напрасномъ убійствѣ; но Архимандритъ Петропавловской обители обрѣлъ ихъ печально, во свидѣтельство преступленія и святости Столпника и, по случаю его явленія, возвратилъ вериги въ обитель Переяславскую, гдѣ доселѣ хранятся близъ его мощей и гдѣ еще видѣнъ столпъ многострадальнаго подвижника.

Новая церковь Св. Апостолъ построена въ XVII вѣкѣ, во придѣлѣ, во имя Михаила Маленна, и древняя его богатая икона, съ ликами святыхъ Ксеніи и Анастасіи, и многіе Царскіе вклады и ружное содержаніе, которымъ

долго пользовалась церковь, свидѣтельствуютъ о важности мѣста и уваженіи къ нему Державныхъ. Дѣйствительно здѣсь были погребены нѣсколько владѣтельныхъ особъ княжескаго дома Ярославскаго: малолѣтній Михаилъ, сынъ Чермнаго, вмѣсто него поставленный на княженіе, и его мать Марія, единственная наслѣдница Св. Князя Ярославскаго Василя, чрезъ которую Чермный получилъ сію отчину, и Ксенія бабка Михаила, супруга Василюва, съ сестрою своею Анастасією, управлявшая княжествомъ по смерти мужа своего, до брака дочери Маріи. Надъ ихъ гробами издавна положено было пѣть панихиду, въ недѣлю Православія за вечернею, что и совершалось ежедневно при большомъ стеченіи народа; усердно памятовалъ онъ своихъ благовѣрныхъ Князей и Княгинь, столь близкихъ по родству со Святими Ярославскими, которые почиютъ въ кафедральномъ соборѣ и въ обители Спасской: Василюемъ и Константиномъ, и Чермнымъ Θεодоромъ, съ дѣтьми его Давидомъ и Константиномъ. Не извѣстно почему отмѣнилъ сію торжественную панихиду послѣдній Митрополитъ Ростовскій Арсеній. Можетъ быть потому, что воскресный день общими уставами церковными не назначенъ для поминовенія усопшихъ; но что весьма странно: вскорѣ онъ самъ былъ осужденъ по дѣлу о монастырскихъ имуществвахъ. Конечно это могло быть одно случайное стеченіе обстоятельствъ, но можно отнести это и къ таинственному наказанію за невниманіе къ Благовѣрнымъ усопшимъ. Замѣчательна еще и тѣмъ память супруги, дочери и внука Св. Князя Василя, что сіи три были сверхъ того те-

шею, супругою и сыномъ другаго Св. Князя Феодора Чернаго.

Священна для народа Русскаго память его православныхъ Князей и Святителей, по гласу Апостольскому: «поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жителства подражайте вѣрѣ ихъ.» (Евр. XIII. 7).

О поминовеніи усопшихъ.

Священны должны быть для насъ и завѣтны имена усопшихъ, которые, отходя въ вѣчность, въ послѣднюю минуту временной жизни, просили о нихъ молиться, и даже все заблаговременно устроили для непрестанной за себя молитвы. Развѣ мы не исполняемъ, и даже весьма точно, завѣщанія нашихъ присныхъ, о вещахъ преходящихъ? Не ужели будемъ равнодушны къ тому, что относится до вѣчности въ ихъ послѣдней волѣ, потому только что большое разстояніе времени отдѣляетъ насъ отъ слухъ усопшихъ? Не больно ли видѣть и сооруженный ими храмъ и честныя иконы, съ ликами ихъ Ангеловъ, и ихъ священные вклады, для того чтобы въ будущія времена всегда сохранялась въ свѣжести память ихъ, и не смотря на то предавать ихъ, тяжкому для ихъ души забвенію, тяжкому и для нашей совѣсти, ибо мы являемся нарушителями ихъ заповѣди, пользуясь однако ихъ даяніями? Иисусъ сынъ Сираховъ поучаетъ насъ въ книгѣ своей о премудрости, глава VI: «что благодать не только пріятна предъ живыми, но и надъ мертвецами не должно возбранять благодати:» и мы видимъ примѣры

сего въ Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ Товитъ непрестанно погребаль странныхъ (глав. IV.) совѣтуя сыну своему давать хлѣбъ и вино, при посѣщеніи праведныхъ, и милостыня сія не простиралась только на одно тѣло, но и на душу.

Мы еще видимъ вѣрное тому свидѣтельство, въ Священномъ Писаніи ветхаго Завѣта, изъ книгъ Маккавейскихъ. Тамъ ясно сказано: (Кн. II. гл. XII) «въ слѣдующій послѣ сраженія день, Іуда съ своими пришелъ, чтобы, какъ требовалъ обычай, поднять тѣла падшихъ въ битвѣ и положить съ сродниками, въ гробахъ отеческихъ. У каждаго изъ умершихъ нашли подъ одеждою вещи, посвященныя идоламъ Іамнін, которыхъ чуждаться повелѣвалъ законъ Іудеямъ. Тогда стало ясно для всѣхъ, что по сей причинѣ они пали. Всѣ благословляли Господа правосуднаго, тайное явнымъ творящаго, и обратились къ молитвѣ, прося, чтобы совершенно изглаженъ былъ содѣланный грѣхъ. Благородный же Іуда убѣждалъ людей, чтобы охраняли себя отъ грѣха, имѣя предъ глазами случившееся за грѣхъ падшихъ предъ симъ. Онъ приготовилъ также, посредствомъ сбора съ каждаго человѣка, около двухъ тысячъ драхмъ серебра, и послалъ въ Іерусалимъ, чтобы принесена была жертва за грѣхъ. Онъ поступилъ очень хорошо и прекрасно, помышляя о воскресеніи. Ибо если бы онъ не ожидалъ, что падшіе воскреснутъ: то излишне и странно было бы молиться за мертвыхъ. А если онъ такъ поступилъ, помышляя, что усопшимъ въ благочестія лучшее уготовано воздаяніе: то праведна и благочестива была мысль, по которой онъ принесъ за умершихъ

умилостивительную жертву, чтобы они очистились отъ грѣха.»

Вотъ какъ разсуждали, до пришествія Христова, люди, которые еще только ожидали явленія Мессіи, не разумѣя ясно всѣхъ плодовъ его благодатнаго воскресенія. Не горько ли думать, что чрезъ XV вѣковъ послѣ его искушительной за насъ жертвы, нашлись учителя, вѣрующіе впрочемъ въ воскресеніе мертвыхъ, которые воспрещаютъ о нихъ молиться, основываясь будтобы на словахъ Евангелія? Они предають землѣ своихъ мертвыхъ, по долгу природы, и не имѣютъ ни малѣйшаго понеченія о душѣ ихъ; но погребая такимъ образомъ тѣло въ нѣдрахъ земныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ погребаютъ и душу въ вѣчномъ забвеніи. О заблужденіе!—служить тѣлу и нерадѣть о душѣ, почитать раба и презрѣть владыку! Что можетъ быть ужаснѣе такого жестокосердія, основаннаго на слѣпотѣ, когда по словамъ Спасителя: «что можетъ дать человѣкъ въ замѣнъ души своей?» Погребеніе мертвыхъ обычно было и язычникамъ, не вѣдавшимъ истиннаго Бога, ибо къ тому побуждала ихъ самая необходимость; молиться же о душѣ умершаго есть собственно дѣло Христіанскаго милосердія и любви, которая не престаётъ и по смерти, и это основано на священномъ преданіи Церкви Вселенской.

Такъ какъ по словамъ Пророка Исаи: «изъ Сіона изыде законъ и слово Господне изъ Іерусалима,» то и мы имѣя предъ собою ветхозавѣтные примѣры молитвы о усопшихъ, имѣемъ еще, кромѣ завѣтнаго преданія всей Каѳолической Церкви, и мѣстное свидѣтельство матери всѣхъ Церквей, свидѣтельство Св. Кирилла Іеруса-

лимскаго. Намъ сохранились отъ первыхъ Христіанскихъ вѣковъ Оглашенія его для новокрещаемыхъ, съ изложеніемъ хода Божественной литургіи и другихъ таинствъ, и конечно благой Пастырь не вымышлялъ отъ себя что либо новое, а передавалъ только искони принятое отъ Апостоловъ, ибо и бесѣдовалъ съ вѣрными на высотѣ Голговы, съ самаго мѣста распятія Господня.

«По совершеніи духовныя жертвы, безкровныя службы, при той же самой жертвѣ умилоостивительной, молимъ Бога о всеобщемъ мирѣ Церквей, о благосостояніи міра, о Царяхъ, о войнахъ и сподвижникахъ, о находящихся въ немощахъ, о утомляемыхъ трудами, и вообще о всѣхъ требующихъ помощи, молимся мы всѣ, и сію приносимъ жертву.

«Послѣ поминаемъ о прежде почившихъ, во первыхъ Патріарховъ, Пророковъ, Апостоловъ, Мучениковъ: чтобы ихъ молитвами и предстательствомъ принялъ Богъ моленіе наше. Потомъ и о преставльшихся святыхъ Отцахъ и Епископахъ, и вообще о всѣхъ изъ насъ прежде почившихъ, вѣруя, что превеликая будетъ польза душамъ, о которыхъ моленіе возносится въ то время, какъ святая предлежитъ и страшная жертва.

«Хочу я васъ и примѣромъ увѣрить; ибо я знаю, многіе говорятъ: какаа польза душѣ, съ грѣхами или безъ грѣховъ отходящей отъ міра сего, если она поминается въ молитвѣ? И что, если бы какой Царь послалъ досадившихъ ему въ ссылку, а ихъ ближніе потомъ, сплетши вѣнецъ, принесли бы ему оный за терпящихъ наказаніе: то не сдѣлалъ ли бы онъ имъ облегченіе наказаній? Такимъ образомъ и мы за усопшихъ,

если они и грѣшники, принося Богу молитвы, не вѣнецъ соплетаемъ, но Христа закланнаго за наши согрѣшенія приносимъ, умилостивляя за нихъ и за насъ человеколюбца Бога.»

Св. Кириллъ какъ бы предвидѣлъ возраженіе, чрезъ столько вѣковъ, и заблаговременно его отклонилъ; можно ли, послѣ столь яснаго свидѣтельства, дерзать еще что-либо говорить вопреки громкому соборному гласу всея Церкви? Намъ ли сомнѣваться, что молитвенный гласъ живыхъ доходитъ до усопшихъ, когда мы видимъ, изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, какъ по молитвѣ Петровой, воздвигнута была въ Яфѣ милосердая вдовица Тавнеа, уже оплаканная въ числѣ мертвыхъ? И теперь столь же дѣйствителенъ гласъ Церкви о усопшихъ, если не къ временному ихъ воскресенію, то къ вѣчному ихъ спасенію.

Но быть можетъ спросятъ у меня: развѣ сомнѣваются у насъ въ этомъ утѣшительномъ догматѣ? развѣ не совершаютъ поминовенія о усопшихъ, что я привожу о томъ свидѣтельство древнихъ, какъ бы желая убѣдить въ истинѣ отеческаго преданія? Нѣтъ, благодаря Бога, Церковь Православная совершаетъ торжественно общія и частныя панихиды, и народъ Православный съ усердіемъ благоговѣтъ къ памяти своихъ усопшихъ. Утѣшительно видѣть въ субботы, наканунѣ недѣли Страшнаго Суда (предъ масляницею) и наканунѣ Пятидесятницы и въ родительскую Дмитріеву субботу, стеченіе Православныхъ въ храмахъ и на кладбищахъ. Столь же умилительно, за раннею литургіею, видѣть, какъ усердствуетъ народъ поминать своихъ присныхъ, которыхъ

никогда не предаёт забвенію; онъ непремѣнно хочетъ слышать имена ихъ провозглашенными отъ діакона, для общей о нихъ молитвы; это чувство любви наиболѣе привлекаетъ въ церковь, и никто изъ такъ называемаго простаго, но на сей разъ вовсе не простаго народа, не останется спокойнымъ, пока не отдастъ своей записки о живыхъ и мертвыхъ, за которыхъ вынимаетъ изъ просфоръ части Священникъ на проскомидіи, а потомъ гласно воспоминаетъ имена усопшихъ на ектеніи.

При столь благочестивомъ усердіи простолюдиновъ, мнѣ нерѣдко приходитъ грустная мысль: такъ ли дѣйствуемъ мы, образованные? Нѣкоторые изъ насъ, увлеченные чуждыми мнѣніями, едвали почитаютъ полезнымъ сіе милосердное дѣйствіе, основанное на Христіанской любви, хотя бы они могли замѣтить, что даже тѣ, которымъ ихъ вѣроисповѣданіе внушаетъ ненадобность молитвъ за усопшихъ, тѣмъ не менѣе чувствуютъ недостатокъ своего Богослуженія, при каждомъ тяжкомъ для ихъ сердца лишеніи. вмѣсто свѣчь и еміама, освященныхъ давнимъ преданіемъ Церкви, еще спасавшейся въ катакомбахъ, они осыпаютъ, по обычаю болѣе языческому, тѣла своихъ усопшихъ цвѣтами, и безмолвствуютъ около ихъ въ нѣмой печали, какъ бы страшась оскорбить молитвою слухъ усопшаго. Однако похвала справедливая, или притужденію изысканная, о его добродѣтели, не почитается излишнею въ утѣшеніе оставшимся; но это земное слово не удовлетворяетъ сердца, которое какъ бы естественно жаждетъ молитвы, или общенія духовнаго съ лучшимъ міромъ, куда отлетѣла душа усопшаго: потому, если хотя не много знаю-

мы бываютъ сія иновѣрцы съ обрядами Православной Церкви, имъ нравятся погребальныя служенія наши, въ которыхъ мы просимъ Подателя всѣхъ благъ, упокойть душу усопшаго. Если не бесполезна всякая молитва къ Отцу нашему небесному, который знаетъ о нуждахъ нашихъ, прежде нежели мы о нихъ просимъ, то конечно дѣйствительна и сія общительная о мертвыхъ молитва, вся проникнутая духомъ любви Христовой.

Но не о нихъ рѣчь; пѣть, я хочу говорить о благочестивыхъ, которые, по невѣдѣнію, почти утратили отеческое преданіе, еще свято сохранявшееся у ихъ родителей, но уже многими забытое въ новомъ поколѣніи, потому что оно чуждается церковнаго быта. Уважающіе память своихъ присныхъ, свято исполняютъ надъ ними, въ первые дни, все что заповѣдуетъ Церковь: ежедневныя панихиды, девятины, сорокоусть и годовое поминовеніе, которое не оставляютъ и въ послѣдствіи. Но ими оставлено бываетъ, большею частію, важнѣйшее: постоянное поминовеніе во время Божественной литургіи, то есть выниманіе частицъ у жертвенника, изъ приносимой просфоры, равномерно за здравіе живыхъ какъ и за упокой усопшихъ, Это не есть какой либо тщетный обрядъ, но дѣйствительное участіе наше въ самой литургіи, потому что, чрезъ приношеніе нашего дара къ алтарю, мы становимся общниками приносимой за насъ жертвы; вынутыя частицы кладутся на дискосъ къ Агнцу или той части, которая впоследствии прелагается въ тѣло Христово и потомъ погружается въ честную кровь его, съ такими знаменательными словами: «отмый,

Господи, грѣхи помилавшихся здѣсь, кровію твоею честною, молитвами Святыхъ твоихъ». Вотъ какъ не забывается и тутъ духовное общеніе Церкви воинствующей съ Церковію торжествующею, какъ и самъ Евангелистъ Іоаннъ созерцалъ въ своемъ откровеніи, старцевъ съ фіалами златыми, у престола Божія, которые, по его объясненію, полны суть молитвъ Святыхъ.

Дѣйствена такая молитва, ибо мы взываемъ къ Богу, во имя едиnorodнаго Сына его, который самъ говорилъ въ Евангеліи: «все, что ни просите у Отца моего во имя мое, дастся вамъ»; здѣсь же не только произносится имя его, но и погружаются части за живыхъ и мертвыхъ, въ искупительную кровь, которая послужила за грѣхи цѣною всего міра. Церковь, подражая Христу, воспринимаетъ на себя санъ посредницы, о живыхъ и мертвыхъ, лишь бы только они не нарушили съ нею духовнаго общенія, ибо безъ связи не можетъ быть дѣйствія. Такъ премудро устроена сія таинственная связь живыхъ и мертвыхъ, во Христѣ, что тѣ, которые уже въ немъ блаженствуютъ, сами молитвенно содѣйствуютъ къ спасенію оставшейся на землѣ братіи; тѣ же, которые нисходятъ во вѣшній мракъ, чрезъ произвольное ихъ удаленіе отъ свѣта Христова, въ сей временной жизни, пользуются духовнымъ пособіемъ Церкви, какъ мы видимъ въ притчѣ Евангельской, что богатый взываетъ изъ пламени, не прямо къ Богу, но къ родоначальнику своему Аврааму. Посему Церковь неотступно молить о усопшихъ, дабы облегчились содержимые отъ содержащихъ ихъ адовыхъ узъ; если же по непреложной правдѣ Божіей, не уступающей его милосердію, не прием-

лется иногда молитва ея о иѣкорныхъ закоснѣлыхъ грѣшникахъ, то не должно ли это напомнить намъ о заповѣди Господа своимъ Апостоламъ, когда первоначально посылалъ ихъ съ проповѣдію: «входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему; если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашъ да придетъ на него, а если не будетъ достоинъ, то миръ вашъ къ вамъ возвратится». (Матѣ. X, 12). Такъ разсуждаетъ и такъ дѣйствуетъ святая Каѳолическая Церковь, принося безкровную жертву о своихъ усопшихъ, ибо каждое ея дѣйствіе не имѣетъ произвольнаго начала но основано на словахъ Святаго Писанія и священнаго Преданія, которое Апостолъ Павелъ учитъ насъ твердо соблюдать, въ своемъ посланіи къ Солунянамъ: «тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имъ же научитесь или словомъ или посланіемъ нашимъ». (II. Солун. II. 13).

IV.

КОСТРОМА И ИПАТІЕВСКІЙ МО- НАСТЫРЬ.

Переплывъ еще разъ Волгу, я потерялъ ее изъ виду до половины дороги въ Кострому; тогда только она открылась, во всей красѣ своей, подъ стѣнами древней Бабаевской обители, оживленная многочисленными судами, которыя всѣ стремились въ Нижній на Макарьевскую ярмонку. Весело было смотрѣть на лебединые паруса, вздуваемые попутнымъ вѣтромъ по свѣтлой пучинѣ, и на роскошныя селы, прилякшія къ обоямъ берегамъ, въ патриархальномъ раздольѣ Русскаго быта, и на прибрежныя сѣнокосы, которыя оглашались пѣснями косарей. Вечерѣло; вдали, за своенравными изгибами рѣки, показала костромъ выстроенная Кострома, на высокой горѣ своей, единственной на лѣвомъ берегу, которая увѣнчана двумя соборами съ ихъ легкою колокольнею. Но сердце мое исполнялось особеннымъ чувствомъ умиленія, когда близъ устья малой рѣки, давшей имя свое городу, предстала мнѣ многобашенная обитель Ипатіевская, — колыбель новаго царства, какъ фениксъ воскресшаго

изъ пламеннаго костра всесожженной отчизны. Съ двухъ сторонъ объѣхалъ я ограду, потому что такъ пролегала дорога, и съ другаго берега рѣки опять любовался сею чудною твердынею, которая сохранила, въ своемъ священномъ кивотѣ, всю святую Русь, — и скрижали ея за-вѣта съ Богомъ и людьми, и жезлъ ея Аарона, прозябшій въ лицѣ Патріаршаго дѣтища, избраннаго въ Царя.

На-утро, въ день Равноапостольной Маріи Магдалины, совершалъ торжественную литургію, съ царскимъ молебномъ, преосвященный Густинъ, въ древнемъ Костромскомъ соборѣ: утѣшительно было молиться о Домѣ Романовыхъ, въ томъ мѣстѣ отколѣ взошелъ на царство ихъ первопрестольникъ Михаилъ. Тутъ же взоры молящихся устремлялись къ той чудотворной иконѣ Феодоровской Божіей Матери, которою онъ умоленъ былъ на царство. Во свидѣтельство сего событія остались драгоценныя рясы, или жемчужныя привѣски, съ именами Великаго Государя Царя Михаила Феодоровича и великой старицы Марѣы Іоанновны, пожертвованныя въ пятое лѣто ихъ государства. Такъ имя нѣжной матери не отдѣлялось отъ сыновняго, въ первые годы лѣтосчисленія царскаго, доколѣ Патріаршее имя отца не замѣнило имени великой старицы. Золотой окладъ иконы и драгоценныя на ней цаты, осыпанныя яхонтами, изумрудами и алмазами, знаменуютъ пламенное къ ней усердіе народа Русскаго. Она носитъ названіе Феодоровской, потому что сперва поставлена была въ деревянной церкви Великомученика Феодора Стратилата, Княземъ Костромскимъ Василиемъ, сыномъ Великаго Князя Владимірскаго, Св. Георгія Всеволодовича, въ 1216 году. Икона явилась Кня-

зю, во время его ловли, въ чащѣ лѣса; но прежде была мѣстною въ удѣльномъ Городцѣ, какъ признали ее въ послѣдствіи жители сего города, разореннаго Монголами: такимъ образомъ древность ея восходитъ до отдаленныхъ временъ. Соборъ сооруженъ въ 1250 году, на память дня ея обрѣтенія, во имя Успенія Богоматери, тѣмъ же Княземъ Василиемъ, съ придѣльною церковію Феодора Стратилата, алтарями къ сѣверу, какъ гласитъ мѣстное преданіе, по направленію того мѣста, гдѣ явилась икона. Но хотя великолѣпно украшенъ соборъ, мало въ немъ сохранилось древности, послѣ жестокаго пожара въ исходѣ минувшаго столѣтія, и совершенно въ новомъ вкусѣ выстроенъ подлѣ него другой теплый соборъ Богоявленія: весьма странно видѣть, въ такой смежности, противоположное направленіе обоихъ храмовъ. Все лѣтописное дѣяніе, избранія на царство и нареченія Михаила, изображено стѣннымъ писаніемъ въ паперти древняго собора, и это зрѣлище уносило воображеніе мое въ вѣка давноминувшіе, къ самому событію, здѣсь совершившемуся.

Владыка пригласилъ меня въ свою кафедральную обитель, и я поспѣшилъ туда вслѣдъ за нимъ, чтобы тамъ насытить душу свою воспоминаніями, съ которыми столь тѣсно связана слава Церкви и отечества; обитель сія искони какъ бы указана была для великаго событія. Здѣсь, на устьѣ рѣки Костромы, икона Священномученика Ипатія и Апостола Филиппа, который нѣкогда окрестилъ вельможу Царицы Еѳіопской, явилась иному именитому язычнику, Мурзѣ Чету, когда плылъ онъ вверхъ по Волгѣ, со всѣми своими людьми, изъ утѣснѣв-

шей его Орды, и заболѣлъ отъ долговременнаго плаванія. Здѣсь получилъ онъ исцѣленіе и, подобно царедворцу Евѳопскому, о коемъ упоминается въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, размыслилъ: «се вода, что возбраняетъ ми креститесь»? (Дѣян. VIII 36. 57) по послѣдующія слова: «вѣрую Сына Божїя быти Иисуса Христа» исповѣдалъ только въ Москвѣ, предъ лицомъ великаго Святителя Петра Митрополита и Великаго Князя Юанна Калиты. Отъ сего Мурзы Чета произошелъ родъ Годуновыхъ, много украсившій обитель, созданную ихъ предкомъ: ибо благодарный Мурза основалъ, на мѣстѣ явленїя иконы, деревянную церковь, во имя Живоначальной Троицы, въ которую увѣровалъ, съ предѣлами святыхъ Ипатїя и Филиппа, ради коихъ увѣровалъ. Когда же угрожало Москвѣ страшное нашествїе Царевича Эдигея, правнукъ Калиты, Великій Князь Василїй Димитріевичъ, временно нашелъ себѣ пристанище въ стѣнахъ Ипатіевской обители и оставилъ свое великокняжеское мѣсто, на память ея соборной церкви. Могъ ли онъ предвидѣть, что это княжеское мѣсто сдѣлается царскимъ, и что на немъ будетъ провозглашенъ Царемъ всея Руси юный Михаилъ? Какъ объяснить такое случайное стеченіе обстоятельствъ, если не указанїемъ самаго Промысла на нѣкоторыя избранныя имъ мѣста, для совершенїя въ нихъ великихъ событїй?

Преосвященный блюститель сей царственной обители благоволилъ самъ указать мнѣ, вѣренныя его духовной стражѣ, лѣтописные храмы, со всѣми ихъ сокровищами, и оживилъ своимъ присутствїемъ іерархическія воспоминанїя святаго мѣста. Онъ ввелъ меня сперва въ Троицкїй

соборъ, гдѣ совершилось нареченіе юноши-Царя, столь трогательно описанное въ современной лѣтописи, когда «Божіимъ изволеніемъ и умоленіемъ всего освященнаго Собора, и отъ всего царскаго Синглита и отъ всего войска и отъ всего народнаго множества всякихъ чиновъ государства, избранъ бысть на Московское государство, Царемъ и Государемъ благовѣрный и благородный Великій Государь Михаи́лъ Феодоровичъ, въ лѣто 1613». Есть ли гдѣ-либо, въ скрижаляхъ исторіи, избраніе подобное сему, единодушіемъ избирателей всей земли Русской и непорочною избраннаго и святостію сана бѣдствовавшихъ его родителей? Ничего не можетъ быть и краснорѣчивѣе словъ лѣтописи, которая излилась прямо изъ сердца самого дѣйствителя, Келаря лавры Сергіевой, Аврамія Палицына, и такъ даже записано въ хартіяхъ обители. Подобно драгоценнымъ покровамъ, на конхъ вышиты перлами имена вкладчиковъ, вся лѣтопись пронизана, какъ бы жемчугомъ, слезами, какія невольно исторгала та многотрудная, но вмѣстѣ славная година для Руси.

Архіепископъ Рязанскій Феодоритъ и съ нимъ два Архимандрита, Чудовскій и Новоспасскій, и сей Келарь Аврамій, великій двигатель великихъ дѣлъ, и родственныи избранному бояринъ Шереметевъ, со многими чинами государственными, посланы были отъ всей земли Русской, умолить на царство юношу неопытнаго, но чистаго отъ всѣхъ крамолъ междуособныхъ, какъ подобало быть родоначальнику новой отрасли Царской. Какіе же залого, какое слово убѣжденія, дано имъ было не только въ уста, но и въ руки: ибо предвидѣлось упорное отреченіе отъ потрясеннаго бурями престола Шуйскихъ и

Годуновыхъ?—Священная икона Успенія преблагословенной Владычицы, которую написалъ Святитель Петръ Митрополитъ, окрестившій основателя той обители, гдѣ укрывался избранный Царь, и другой образъ самаго Чудотворца Петра, съ его сопрестольниками Алексіемъ и Іоною, взятые изъ Успенскаго собора, гдѣ долженъ былъ вѣнчаться Михаилъ:—опять случайное будто бы сближеніе, лицъ и дѣяній давноминувшаго, съ мѣстностію имѣвшаго совершиться событія!

Трогательное и вмѣстѣ величественное зрѣлище должно было представиться взорамъ, 14 Марта 1613 года, когда изъ противоположнаго Костромѣ, Новаго Селища, на разсвѣтѣ, стало переправляться черезъ Волгу торжественное посольство, съ чудотворными иконами, а на встрѣчу ему спустилось изъ города, также въ ризахъ священныхъ, съ крестами и хоругвями и образомъ Θεодоровской Богоматери, все духовенство Костромское; крестнымъ ходомъ оно направилось къ устью рѣки и потомъ вдоль берега къ обители Платіевской, куда плыло на ладьяхъ посольство. И вотъ, на встрѣчу имъ, выходитъ другой крестный ходъ иночествующихъ изъ святыхъ воротъ, въ сопровожденіи будущаго Царя и его матери инокини, которые только что укрылись въ крѣпкихъ стѣнахъ, отъ злоумышленниковъ Польскихъ, и не подозревали, что ихъ ради все сіе торжество. Сколько умиленной простоты въ этомъ отроческомъ невѣдѣніи предстоявшей славы, и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько упованія на силу Божию, совершающуюся въ немощи человѣческой, по словамъ Апостола, со стороны шедшихъ поклониться невѣдомому отроку, предъизбранному на царство!

Входятъ въ соборную церковь Живоначальной Троицы, съ иконами и крестами; всѣ ожидаютъ молитвъ къ Господу Богу, но вмѣсто того духовный Соборъ и царскій Сингльтъ обращаются съ моленіемъ къ отроку и къ матери его старицѣ, отъ имени всего Христіанства земли Русской: «дабы великая Государыня пожаловала бы благословила сына своего, благороднаго Государя Михаила Ѳеодоровича, Царемъ и Государемъ на Московское государство, и онъ бы самъ благовѣрный Государь милость показалъ и прошенія бы ихъ пожаловалъ, не презрѣлъ.» И что же?—вмѣсто благодарности, мать и сынъ и слышать не хотятъ о такомъ прошеніи; безмолвныя слезы—отвѣтъ ихъ на многочасовое моленіе всего Сингльта и Собора. «Много прежде бывшихъ Царей поругаемы были, а нынѣ и чуждую землю познали» восклицаетъ наконецъ опытная семейными бѣдствіями старица: «мое же чадо, младо суще, недоумѣетъ управлять среди умноженія людскихъ злостей; молю васъ, не лишите меня единороднаго чада!» Ей представляется на мысль и тяжкій плѣтъ бывшего супруга, могущій одѣлаться еще болѣе горькимъ въ Польшѣ, отъ возвеличенія его сына; и сынъ также рѣшительно отвергаетъ предложенное ему царство, ради любви къ родителю.

Видитъ Архіепископъ безуспѣшность труда своего и всѣхъ съ нимъ пришедшихъ, но не отчаявается одолѣть, залогомъ Божественнымъ, человѣческое упорство: онъ беретъ на руки икону Владычицы, писанную Петромъ Митрополитомъ, Келарь же Аврамій—икону Чудотворцевъ Московскихъ, при предстоіиціи и образа Ѳеодоровской Божіей Матери, и оба, Святитель и Келарь, пове-

лительнымъ гласомъ Церкви, говорятъ инокини Марей: «впждь благовѣрная Государыня, инока Марѳа Ивановна, и благовѣрный Государь Михаилъ Феодоровичъ, чего ради шествовала съ нами толкиій путь пречистая и чудотворная икона и великіе Святители Христовы! и если вы доселѣ не преложились на милость, то хотя ради чудотворнаго образа всѣхъ Царицы и Богоматери и великихъ ради Святителей, не можете преслушаться, но сотворите повелѣнное вамъ отъ Бога, ибо воистину вы отъ Бога избраны, и не прогнѣвайте всѣхъ Владыку и Господа.» Таковъ сильный глаголь Церкви, доступный только православному сердцу, и таковъ былъ ему отвѣтъ, изъ глубины потрясеннаго сердца великой инокини, которая со многими слезами обнявъ сына, какъ бы передала его, изъ материнскихъ своихъ объятій, Матери Спаса всѣхъ человѣковъ, и подведя къ честной ея иконѣ, сказала: «се тебѣ, о Богомати Пречистая! въ руки твои, Владычице, чадо свое предаю, да яко же хочешь устроивши ему полезное и всему Православному Христіанству.» Многое иное, присовокупляетъ лѣтопись, изрекла она, со многими слезами, предъ образомъ Богоматери, и такъ даровала она сына своего, благовѣрнаго Государя Михаила Феодоровича, Царемъ на Московское государство; всѣ же возрадовались и все множество народа, пришедшаго изъ Костромы съ женами и съ дѣтьми, проливали обильные источники слезъ. Можно ли вообразить себѣ что-либо трогательнѣе?—Любовь родительская, любовь къ роднѣ, любовь къ Церкви, все здѣсь сілетъ въ полномъ блескѣ.

Тогда, продолжаетъ лѣтопись, возложили на Государя

пречестный крестъ Господень, принадлежавшій иѣкогда великому Императору Константину, и, пріявъ въ руку царскій жезлъ, возсѣлъ онъ на стулъ Царскомъ, то есть на томъ великокняжескомъ мѣстѣ, которое какъ бы нарочно оставлено было въ обители сыномъ Донскаго, и нареченъ бысть Богомъ избранный, благовѣрный, благородный Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ. Архіепископъ же Ѳеодоритъ, со всѣмъ Синодломъ и Соборомъ, и всѣ православные Христіане, съ великою честію ему поклонились до земли. Не напоминаетъ ли это совершенно библейскаго нареченія отрока Іоаса Царемъ Іудовымъ, внутри Соломонова храма, по гласу Первосвященника Іодая, который спасъ его подъ сѣнію святилища, отъ руки злостивой Гоолип, избившей все его семейство? Не разъ Священная исторія повторялась и на скрижаляхъ нашего отечества: ибо тотъ же Духъ Божій руководилъ старымъ и новымъ Израилемъ.

Архіепископъ Ѳеодоритъ совершилъ торжественную литургію, съ полнымъ соборомъ, и пѣлъ благодарственный молебенъ Богоматери, о многолѣтнемъ здравіи Царскомъ, о мирѣ и тишинѣ всего царства Христіанскаго. Потомъ Богомъ дарованный Самодержецъ вышелъ изъ церкви, нося въ рукѣ царскій жезлъ, почитаемый отъ всего Синодла, воинства и народа и, пробывъ тутъ не многіе дни, двинулся въ путь, съ матерію великою шюкинею и всѣмъ синодломъ и воинствомъ, къ царствующему граду Москвѣ. Радостное событіе совершилось на память преподобнаго отца нашего Венедикта и, поелику присутствовала при нареченіи чудотворная икона Мате-

ри Божіей Феодоровскія, учреждено было, для незабвенной памяти великаго дня, праздновать сей чудной иконѣ 14 Марта въ Костромскомъ соборѣ, что и донинѣ совершается: ибо Церковь Православная не забыла, въ теченіе столькихъ вѣковъ, ни единого изъ торжествъ своихъ, которыя иногда стираются изъ памяти гражданской; въ самой службѣ церковной есть воспоминаніе славнаго событія: «Благознаменитъ бысть Израилю день оный, въ оный же, рукою Моисеа, отъ горькія работы во блаженную свободу людіе Божіи превоздахуся: сице и намъ радостей нарочитѣй сей праздника нашего день, яко днесь, рукою Великаго Князя и Государя Михаила Феодоровича, отъ Костромскихъ предѣловъ возсіявшаго, вся страны отечествія нашего умирить еси, Господи, да въ мирѣ глубочѣ прославляемъ благодѣянія и чудеса твоя.»

«Прійдите вся Россійскія вѣрныхъ собори, воспойте днесь съ нами Господеви пѣснь Богокрасную, прославляюще благодѣянія и щедроты его, да мы сими выпу наслаждающеся, непрестанно хвалимъ, благословимъ и величаемъ Спасителя нашего, изъ глубины души вопіюще къ нему: о Владыко всѣхъ прещедре и всесильне, не претай и нынѣ продолжати къ намъ древнія оныя твоя милости, сохраняя, Божественнымъ твоимъ промысломъ, багрянородное потомство великаго онаго мужа: ему же въ день сей скиптры Россійскаго царствія вручилъ еси, да подъ сѣвію онаго въ мирѣ и тишинѣ живуще, непрестанно съ Рождшею тя величаемъ.»

Вотъ какъ трогательно воспоминаетъ Православная Церковь совершившееся подъ сѣвію ея событіе, которое

было спасительно для всей Россіи, не только въ минувшемъ, но и на будущія времена. Поприщемъ для него служила смиренная обитель иноковъ и даже самый храмъ ея; дѣйствателями большею частію были иноки: Архіепископъ Рязани, Келарь лавры Сергіевой, великая старица Марѳа и сынъ грядущаго Патріарха, и цѣлый Соборъ духовенства; залогамъ же и свидѣтелями ихъ—чудотворныя иконы; но дѣйствіе все было внушаемо свыше, а люди служили только орудіями; все отзывалось неземнымъ въ этомъ умирительномъ зрѣлищѣ, которому едва ли можно обрѣсти что-либо подобное. Пусть, чуждающаяся преданій церковныхъ, гражданственность, обнаженная всей своей отечественной святости, укажетъ намъ хотя на одинъ примѣръ свѣтской исторіи, подходящій къ сему Царскому всенародному нареченію, которое скромно начпнается крестнымъ ходомъ въ обитель и оканчивается славнымъ утвержденіемъ Дома Романовыхъ, на престолѣ едва ли не полвселенной.

Храмъ Живоначальной Троицы, въ коемъ происходило нареченіе Михаила, основанъ былъ при послѣднемъ Царѣ изъ Дома Рюрикова, но въ послѣдствіи перестроенъ при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, потому что алтарная стѣна его разсѣлась отъ сильной бури; однако сохранился прежній видъ его, и оба придѣла, во имя Св. Платія и Апостола Филиппа и Ангела Царскаго Михаила Маленна. Надпись на стѣнѣ свидѣтельствуетъ, что послѣднее его освященіе совершилось уже при Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, въ 1684 году. Внутри святилища доселѣ стоитъ рѣзное царское мѣсто, присланное самимъ Михаиломъ, въ память его возведенія на царство, и на

сей царственной каедрѣ слушала литургію Великая Екатерина, когда, плывши Волгою въ Казань, остановилась воздать подобающее чествованіе родственной обители.

Память Михаила сохранилась и въ благолѣпномъ украшеніи мѣстныхъ иконъ Живоначальной Троицы, которыя писаны были еще при Царѣ Ѳеодорѣ, усердіемъ боярина Дмитрія Годунова; братъ его, Царь Борисъ, обложилъ чеканнымъ золотомъ одну изъ трехъ иконъ Св. Троицы, а шуринъ его, Царь Ѳеодоръ, устроилъ надъ нею драгоценный вѣнецъ, какъ о томъ свидѣтельствуется надпись. Михаилъ же Ѳеодоровичъ, на память заключенія Шведскаго мира, приложилъ къ сей чудотворной иконѣ, своеручно, три золотыя монеты, съ клеймомъ Короля Карла IX. Видно было, что сердце юнаго Царя лежало къ той обители, гдѣ обрѣлъ онъ спасеніе и царство; онъ хотѣлъ сдѣлать ее какъ бы живою лѣтописью царственныхъ своихъ успѣховъ. Имъ пожертвована въ придѣльную церковь своего Ангела, ея храмовая богатая икона и другая, умиленія Божіей Матери, которая была сперва запрестольною: быть можетъ, такъ названа она потому, что предъ иконою Владычицы умилилась его мать, великая инокиня, отпустивъ сына на царство. Умиленно смотритъ и Пречистая Дѣва на своего Предвѣчнаго Младенца, и на сей же доскѣ изображены всѣ Ангелы семейства Романовыхъ: Ѳеодоръ и Ксенія (это были мірскія имена родителей Михаила), и его собственный Ангелъ, Малеякъ, а сверху образъ Св. Троицы и лѣвки Св. Ипатія, Апостола Филиппа и Мученика Прокла, на память ихъ явленія основателю Мурзѣ Четугу. Та-

кимъ образомъ одна сія икона заключаетъ цѣлую лѣтопись монастыря, и по ея богатому украшенію видно, что она была въ большомъ уваженіи. Не менѣ замѣчательны вклады Годуновыхъ въ ризницѣ, которые много жертвовали въ обитель своего предка, бывшую усыпальницею ихъ рода.

Теплая церковь Рождества Богоматери построена въ минувшемъ столѣтіи, но при ней четверогранная низкая колокольня, съ наружною живописью по стѣнамъ, носитъ отпечатокъ древности. Ограда, сооруженная бояриномъ Димитріемъ Годуновымъ, расширена была почти на версту, въ 1642 году, Царемъ Михаиломъ, и, въ память его торжественнаго выхода, устроены были въ сей новой оградѣ врата между башень, лицомъ къ западу на Ярославскую дорогу; прежнія же Св. врата находились въ противоположной восточной стѣнѣ, лицомъ къ Костромѣ, и они служили выходными на Іорданъ, потому что съ этой стороны протекаетъ рѣка. Теперь имѣютъ намѣреніе обновить ихъ, на средивъ бывшихъ Архіерейскихъ покоевъ, и устроить надъ ними церковь преподобнаго Венедикта, въ память для нареченія Царскаго.

Но внутри старой ограды сохранился еще одинъ памятникъ смиреннаго жительствова Микхаила: это его келіи въ двухъярусномъ домѣ, расписанномъ шахматами съ лицевой стороны, по подобію Сергіевой трапезной церкви въ Лаврѣ. Прежнее каменное крыльцо уже отломано; но еще уцѣлѣли восемь покоевъ со сводами и низкими окнами, во вкусѣ теремовъ, шесть по лѣвую сторону стѣней и два служебные по правую. Преданіе гово-

рять, что Царь Михаилъ велѣлъ украсить ихъ стѣнную живописью и тамъ были изображены: пареченіе его на царство, прощаніе съ Костромою, плаваніе по Волгѣ и торжественное вступленіе въ Москву. Теперь нѣтъ и слѣдовъ сей живописи: потому что келліи нѣсколько разъ были поновляемы, но хорошо бы возстановить картины минувшаго; во всякомъ случаѣ, дорого для Россіи то, что уцѣлѣло сіе первоначальное гнѣздо, отколѣ съ такою славою воспарилъ птенецъ орлій, и крылами осѣнилъ разросшееся подъ нимъ царство во всѣ страны свѣта.

На обратномъ пути, изъ обители Ипатіевской, посѣтилъ я грустное пепелище знаменитаго нѣкогда монастыря Богоявленскаго, который всегда былъ украшеніемъ Костромы и даже мѣстомъ спасенія для жителей, по своей укрѣпленной оградѣ. Основаніе его восходитъ до XV вѣка, и наши Державные всегда бывали благосклонны къ сей обители. При Царѣ Іоаннѣ заложенъ ея величественный соборъ, во имя Богоявленія, какъ изсѣчено на камнѣ у входа въ храмъ: «Во дни благочестиваго и благовѣрнаго Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Руси, по благословенію Макарія Митрополита всея Руси, и во дни Царевнчей Іоанна и Θεодора, лѣта 7067, мѣсяца Апрѣля въ 23 день, заложена бысть сія церковь Святаго Богоявленія, Игуменомъ Исаіею и же о Христѣ съ братіею, совершена же бысть сія церковь лѣта 7073, при томъ же Игуменѣ Исаіи». Великолѣпное зданіе, въ два яруса, съ широкими крытыми папертями, примыкаетъ къ теплому, не менѣе обширному храму Срѣтенія Господня и трехъ

Святителей, и достойно время Иоанна. Храмъ сей видѣлъ въ стѣнахъ своихъ Царя Михаила, когда онъ своею рукою привѣсилъ Угорскій червонецъ къ храмовой иконѣ Богоявленія; по его волѣ устроена была нынѣшняя обширная ограда, и сынъ его Царь Алексій пожаловалъ десять пушекъ для защиты монастыря. Драгоценно и другое воспоминаніе: въ смутную эпоху Самозванцевъ, иноки Богоявленскіе лучше хотѣли погибнуть мученическою смертію, нежели присягнуть второму Лжедмитрію; въ синодикѣ монастырскомъ записаны имена избіенныхъ: трехъ Иеромонаховъ—Трифилія, Макарія и Савватія, Иеродиакона Авногена и простыхъ монаховъ—Варлаама, Діонисія, Іова, Кирилла, Максима, Іосафа и Гурія: имена ихъ дороги для исторіи; гробы мучениковъ подъ сводами собора, въ открытомъ склепѣ, гдѣ погребался родъ Салтыковыхъ, давнихъ благодѣтелей обители. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій послалъ отъ себя утѣшительную грамоту Игумену Арсенію, ради того разоренія, какое претерпѣлъ монастырь отъ злодѣевъ. Не достаточно ли такихъ воспоминаній для его сохраненія? Еще одинъ мученикъ, за вѣрность законнымъ своимъ Государямъ, почіетъ тутъ же въ родовой усыпальницѣ: это стольникъ Феодоръ Салтыковъ, убитый стрѣльцами на Красномъ крыльцѣ, во время ихъ возмущенія, при малолѣтныхъ Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ.

Доселѣ скорбитъ православный народъ о недавнемъ запустѣннѣ древней обители, и грустно посѣщаетъ обширный монастырскій дворъ, усѣянный остатками бури пожарной. Богомольцы восходятъ на высокія крыльца, чтобы посмотрѣть сквозь окна внутрь храмовъ, еще

не лишенныхъ своей святости, или входятъ въ открытый склепъ Салтыковыхъ, гдѣ находятся и гробы избитныхъ за Царя мучениковъ-якоковъ. Послѣ пожара еще болѣе умножилось усердіе гражданъ къ чудотворной иконѣ Божіей Матери Смоленской, написанной на стѣнѣ; она уже однажды сохранилась посреди пламени, въ 1779 году, и тѣмъ привлекла къ себѣ вниманіе народное; теперь же, уцѣлѣвъ вторично во время пожара, истребившаго пристроенную къ ней церковь, еще болѣе сдѣлалась предметомъ общаго благоговѣнія. Миѣ показывали икону Спасову надъ главными воротами монастыря; деревянный кивотъ ея уцѣлѣлъ, хотя пламя опалило стѣпу подъ самымъ деревомъ.

Недалеко отъ запустѣвшей обители, поставлень, на лучшемъ мѣстѣ города, посреди главной его площади, бронзовый памятникъ простому званіемъ поселянину, который превзошелъ славою многихъ именитыхъ и сдѣлался украшеніемъ своей родины, Ивану Сусанину. Близко это имя сердцу Русскому, столь же сладко ему звучащее, какъ и родныя имена Минина и Пожарскаго! Нужно ли напоминать Христіанскій подвигъ его самоотверженія: какъ пожертвовалъ своею жизнію для спасенія избраннаго Царя, къ которому былъ и прежде привязанъ, потому что почиталъ въ юномъ Михаилѣ своего природнаго владѣльца? Сусанинъ былъ родомъ изъ села Домнина, принадлежавшаго издавна Дому Романовыхъ. Поляки, узнавъ о избраніи Михаила на престолъ царскій, послали своихъ убійцъ, чтобы однимъ ударомъ сокрушить всѣ надежды земли Русской; но Господь отклонилъ руку вражію, допустивъ иной чистой жертвѣ

удостоятся вѣнца мученическаго, для спасенія невиннаго отрока, которому готовился вѣнецъ царскій. Уже злодѣи были недалеко отъ своей цѣли, когда промыломъ Божиимъ утратили дорогу, въ дремучихъ лѣсахъ Костромскихъ. Сусанинъ встрѣтился имъ въ чащѣ лѣса и, проникнувъ коварный ихъ замыселъ изъ лукавыхъ вопросовъ, тогда же обрекъ себя на жертву за своего владыку. Онъ послалъ малолѣтнаго сына предупредить будущаго Царя и его мать внокиню, объ угрожавшей имъ опасности, а самъ вызвался вести кратчайшею дорогою злоумышленниковъ, въ село Домнино.

Совершенно смерклося, когда, посреди глубокаго снѣга и непроходимаго бора, разгадали они наконецъ великодушную хитрость своего проводника. «Ты обманулъ насъ!» съ яростію воскликнули враги, устремившись на беззащитнаго Сусанина. «Вы сами себя обманули,» спокойно отвѣчалъ имъ мученикъ, «неужели думали вы, что я выдамъ вамъ своего Государя?» Такой отвѣтъ былъ бы записанъ на древнихъ скрижаляхъ Греціи и Рима; но онъ весьма просто исторгся изъ устъ православнаго крестьянина, какъ бы весьма обыкновенное слово, которому, вѣроятно, и самъ онъ не зналъ цѣны, по своему глубокому смиренію. За словомъ слѣдовало дѣло: никакія пытки не могли вынудить страдальца указать дорогу злодѣямъ; истощивъ надъ нимъ всю свою ярость, они сами сдѣлались жертвою стужи и голода въ безвыходныхъ лѣсахъ; а юный Михаилъ успѣлъ укрыться въ обитель Ипатіевскую. Туда перенесено было и тѣло мученика, и тамъ ежегодно совершалась по немъ торжественная панихида; но теперь, къ

сожалѣнію, неизвѣстенъ его гробовой камень. Спасенный имъ Царь пожаловалъ своею грамотою семейство погибшаго, дочь его и зятя, за кровь и за терпѣніе отца ихъ, повелѣвъ освободить отъ повинности все ихъ потомство, и даровалъ имъ полдеревни, гдѣ они обитали, съ обильными землями; грамоту сію утвердила подписью своею Императрица Екатерина II. Теперь же благодарное потомство соорудило памятникъ великому мужу: онъ представленъ на колѣняхъ, предъ изваяннымъ ликомъ Царя Михаила, какъ бы совершая за него свою предсмертную молитву, и на бронзовомъ основаніи памятника изображенъ самый подвигъ.

Чѣмъ болѣе разсуждаешь о геройскомъ самопожертвованіи Сусанина, тѣмъ глубже и глубже раскрывается корень того священнаго чувства, которое произрастило столь великолѣпные плоды. Оно не основано на какомъ-либо суетномъ помыслѣ человѣческаго воздаянія, но прямо истекаетъ изъ той завѣтной любви каждаго Русскаго къ своему природному Царю, которое свойственно Славянской крови и всасывается съ млекою матери, доколѣ не сдѣлается личнымъ убѣжденіемъ взрослого. Здѣсь «какъ?» и «почему?» не объяснимы, такъ какъ не требуетъ объясненія и естественное влеченіе родителей къ дѣтямъ и дѣтей въ родителямъ: чувствуется, любится, — довольно! Не вникая въ разбирательство самой его природы, можно однако спросить: почему же чувство сіе свойственнѣе племени Славянскому, нежели прочимъ? ибо теперь современный опытъ блистательно доказалъ намъ, что не предстоитъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Коренную причину сего душевнаго

свойства должно искать въ патриархальномъ направленіи народнаго духа Славянскаго и преимущественно Русскаго племени, въ которомъ свято хранятся семейныя начала общественнаго образованія. Это замѣчено даже иностранцами, хотѣвшими выикнуть въ нашъ бытъ и характеръ, а не взывать, по обычаю, о варварствѣ и невѣжествѣ нашемъ; теперь явно избличено, на чьей сторонѣ болѣе истиннаго просвѣщенія; готическое зданіе средней Европы рушится, когда, напротивъ того, Славянскія племена стоятъ твердо и поддерживаютъ собою падающій Западъ.

Семейное сіе начало, восходя постепенно по безчисленнымъ ступенямъ, олицетворяется наконецъ въ Державной особѣ Отца-Государя сей многосложной семьи Русской, котораго и не умѣетъ иначе назвать народъ, какъ простодушнымъ именемъ «*батюшки-Царя*». Будучи поставленъ такъ высоко, во главѣ почти Вселенской имперіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по чувству народному, кажется столь близкимъ каждому малѣйшему члену его необъятнаго семейства, что всѣ на него одного уповаютъ, какъ на свое земное Провидѣніе, называя его *надеждой-Государемъ*. Ему одному хотятъ повѣрить свои сердечныя нужды и тайны, и отовсюду стремятся съ дальнихъ предѣловъ имперіи, чтобы ему лично вручить свои жалобы или просьбы, а часто только и для того, чтобы на него посмотреть. Сколько тутъ есть умилятельно-высокаго, патриархальнаго, хотя и вовсе не загаданнаго для какого-либо Западнаго общества, которое создано и образовалось совершенно на другихъ феодальныхъ началахъ.

Замѣчательно, до какого высокаго самопожертвованія, за своего законнаго Государя, достигла въ простомъ поселянинѣ Христіанская любовь, которой научила его Церковь словами самаго Спасителя: «больши же сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя!» (Юан. XV, 13). Тутъ двигателемъ было не какое-либо умственное разбирательство взаимныхъ отношеній и законныхъ правъ Государя надъ своими подданными, но безотчетная, высокая любовь, безъ которой, по словамъ Апостола, всё прочія добродѣтели, сколько бы ни были онѣ громки, суть только «мѣдь звѣнящая и кимвалъ бряцающій» (1 Кор. XIII, 1). Господь нашъ Иисусъ Христъ ставитъ оскудѣніе сей любви предзнаменованіемъ кончины міра: ибо не можетъ существовать міръ, не только нравственно, но и вещественно, безъ сей согрѣвающей его духовной стихіи, и мы видимъ предъ собою разрушеніе царствъ, въ которыхъ она уже погасла. Любовь вообще, во всѣхъ высокихъ ея стремленіяхъ, семейныхъ и государственныхъ, обыкновенно гаснетъ вмѣстѣ съ вѣрою, чему опять служить намъ горькимъ свидѣтелемъ Западъ, достойный названія темпаго, не смотря на мнимый его свѣтъ: тамъ уже какъ бы закатилось солнце правды и оттолѣ вѣшняя тьма, или кромѣшняя по выраженію Евангельскому, стремится духовно облекать міръ. «Сынъ же человѣческой пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли?» спрашивалъ самъ Господь своихъ учениковъ (Лук. XVIII. 8). Какой страшный вопросъ и какъ страшно видѣть, что нравственное разрушеніе уже обозначается, съ утратою сей второй животельной стихіи человѣчества; по еще намъ остается утѣ-

шительная надежда о сохраненіи обѣихъ, и вѣры и любви, подъ сѣвію Православія.

О ДОСТОИНСТВѢ ЦАРЕЙ ПРАВОСЛАВНЫХЪ.

Почему же собственно Православцы искреннѣе могутъ любить своего Государя?—Отвѣтъ на это весьма простъ: потому что, безъ сего чувства любви, они бы не могли быть истинно Православными, хотя бы и величались такимъ названіемъ: ибо что такое Православный?—это тотъ, кто право слѣдуетъ ученію Церкви; а чему учить Церковь Православная?—«Бога бойтесь, Царя чтите» (1 Петра 11, 17). «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога, и существующія власти отъ Бога учреждены». Если Апостолъ Павелъ говоритъ это о языческихъ Кесаряхъ, отъ которыхъ и самъ въ послѣдствіи пострадалъ, что же сказалъ бы онъ о Христіанскихъ? Достаточно, для обличенія непокорныхъ, того, что пишетъ онъ далѣе въ посланіи къ Римлянамъ: «посему противящійся власти противится Божіему постановленію, а противящіеся подвергнутся осужденію: ибо начальники не страшны для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться начальства?—дѣлай добро и получишь отъ него похвалу: ибо начальникъ есть слуга Божій тебѣ на добро; если же дѣлаешь зло, бойся, ибо не напрасно меч носить; онъ Божій слуга, грозный отмститель дѣлающему злое, и потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители, которые тѣмъ самымъ зани-

маются. Итакъ отдавайте всякому что должно: кому подать—подать, кому оброкъ—оброкъ, кому страхъ—страхъ, кому честь—честь». (Рим. XIII. 1—7).

Не вполне ли изображены здѣсь всѣ обязанности подданныхъ, не только къ своему Государю, но даже и къ поставленнымъ отъ него властямъ? и могутъ ли внимающіе сему ученію, во святыняхъ храмовъ, не повиноваться Слову Божию, во всей простотѣ души своей, если они дѣйствительно Православны? Если же кто-либо вздумалъ бы, лицемѣрно, объяснять по своему заповѣдъ божественную, испытывая, что подобаешь отъ насъ Кесарю?—онъ услышитъ обличительный голосъ самого Господа Фарисеямъ: «воздадите убо яже Кесарева Кесареви и яже Божія Богови» (Луки XX. 25). И конечно тѣ, которые вѣруютъ, по словамъ Апостола, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ «есть сіяніе славы Отчей и образъ его существа» (Евр. 1. 3), будутъ послушны его гласу и покоряться Царямъ земнымъ: ибо и они носятъ на себѣ образъ Божій, какъ избранные Богомъ, для управленія созданными отъ него человѣками. Искренняя, благоговѣйная любовь къ сему царственному образу Божию на землѣ, необходимо исполняетъ сердце тѣхъ, которые сами въ себѣ уважаютъ божественный образъ, по коему вначалѣ сотворенъ человѣкъ: чувствуя собственное свое достоинство, они тѣмъ паче благоговѣютъ предъ Царскимъ, воздавая по заповѣди божественной: «ему же честь—честь».

Достоинно вниманія, что Православный Христіанинъ, какъ бы въ засвидѣтельствованіе того, до какой степени онъ уважаетъ достоинство своего Государя, даетъ ему и

одинаковыя наименованія съ Владыкою небеснымъ: ибо также къ нему относить и высреннее титуло Царя и умиленное—Отца. Поистинѣ, въ этомъ случаѣ, безъ какой-либо отвлеченной мысли, но просто отъ избытка сердца проглаголали уста, и трогательное изреченіе обратилось въ навѣкъ. Въ противоположность сему родственному, присвому названію Отца, какъ торжественно и не доступно обычному сближенію высреннее титуло Царя!—Оно показываетъ, что умѣющіе искренно, съ дѣтскою простотою любить своего Государа, умѣютъ и благоговѣть предъ нимъ: ибо сердечное ихъ чувство, проникнутое глубокимъ уваженіемъ, нисколько не умаляетъ въ ихъ глазахъ высокаго предмета ихъ любви. Титуло сіе прямо взято изъ Библии; оно также кратко, какъ всѣ тѣ имена или вѣрнѣе сказать звуки, которыми выражались ближайшіе сердцу и мыслямъ предметы, начиная съ имени Божія. Архистратигъ небесныхъ силъ Михаилъ названъ Царемъ у Пророка Даніила (XII): такъ священно сіе наименованіе, взятое какъ бы съ небеснаго образца; видно, что первоначальный корень его на Востокѣ, отколѣ истекли всѣ начала общественныя и отколѣ посѣтилъ насъ Востокъ свыше, т. е. самъ Господь. Тамъ оно преимущественно освящено вѣрою, и у насъ Церковь Православная связала Царей и народъ такими духовными узами, которыхъ не въ силахъ расторгнуть мудрованія человѣческія.

Она освятила лице Царя духовнымъ помазаніемъ того священнаго мѹра, которое еще въ Ветхомъ Заветѣ возливалось на главу Царей, Первосвященниковъ и Пророковъ, и давало имъ знаменательное названіе Христа Го-

сподня или Помазанника, отъ Греческаго слова *хрисма*, т. е. помазаніе. И такъ это уже не есть простое начальство, которое Западъ признаетъ въ своихъ властителяхъ; нѣтъ, это есть вмѣстѣ и владычество, свѣше даруемое; и Церковь, свято охраняя сіе священное достоинство, возглашаетъ даже, въ недѣлю Православія, знаеому тѣмъ, которые дерзнутъ помыслить, что не Божественнымъ Промысломъ царствуютъ Православные Цари и не получаютъ при помазаніи особеннаго дарованія Духа Святаго, для прохожденія своего великаго званія. Вотъ какъ важно, не только въ церковномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи, сіе торжественное Богослуженіе Сборнаго воскресенія первой недѣли великаго поста, которое однакожь многіе, по невѣдѣнію, осуждаютъ, жалуясь на немилосердное будто бы и несвойственное Церкви проклятiе. Они не разумѣютъ, что Греческое слово *анаѣма*, собственно *отлученіе*, не означаетъ клятвы, а только отчужденіе тѣхъ, которые, не исполняя условій Православнаго общества, сами себя чрезъ то сдѣлали чуждыми ему, прежде даже нежели оно ихъ отъ себя отсѣкло. Не то же ли всегда дѣлаетъ всякое гражданское общество, съ явными нарушителями своихъ коренныхъ постановленій? Церковь же не останавливается на одномъ отлученіи произвольно отпадшихъ отъ нея членовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ милосердствуетъ о нихъ, и молить Господа о ихъ обращеніи на путь истинный. Съ одной стороны, она слѣдуетъ строгой заповѣди самаго Господа, о тѣхъ, кои преслушаютъ Церковь (Матѣ. XVIII, 17), и употребляетъ даже самое изреченіе Апостола Павла: «но и аще мы, или Ангелъ съ не-

бесе, благовѣстити вамъ паче еже благовѣстихомъ вамъ, аваема да будетъ» (Галат. I, 8); съ другой же стороны, Церковь, съ нѣжностію матери, заботится и объ отпадшихъ, внушая имъ истинное ученіе, и объ оставшихся въ ея лонѣ, дабы не увлеклись злымъ примѣромъ. Для сего обличаетъ предъ ними, всеародно, тѣ разрушительныя начала, которыя потрясаютъ всѣ основы благосостоянія человѣческаго, начиная съ вѣры въ Бога и во святую Церковь его, посредницу между Богомъ и людьми, и оканчивая обличеніемъ дерзающихъ возставать на Помазанниковъ Божіихъ и сомнѣваться въ дарованной имъ благодати, для управленія ввѣреннаго имъ царства. Вотъ истинное Христіанское основаніе благосостоянія государственнаго, которое мы видимъ въ нашей Православной Церкви; и потому такъ прочно стоитъ на сихъ началахъ Царство, котораго подданные чтутъ Христа Господня, въ лицѣ своего Помазанника-Царя: ибо однажды присягнули ему въ неколебимой вѣрности, по гласу Святой Церкви.

Какимъ образомъ Церковь, съ благоговѣнною заботливостію, охраняетъ достоинство царское, такъ равно и Православный Царь, въ свою чреду, охраняетъ властію, свыше ему данною, Православную Церковь отъ всякаго вѣшняго безпорядка или насилія: ибо онъ носитъ, въ отношеніи Церкви, еще другое священное званіе, — ея природнаго Защитника и Покровителя. Это самое болѣе и болѣе скрѣпляетъ узы его, не только съ Церковію но и съ народомъ: ибо Православные, видя въ немъ ревностнаго блюстителя общей матери своей Церкви, сами проникаются тѣмъ живѣйшею любовію къ его священ-

ному лицу, которое такъ тѣсно связано со всѣмъ, что только есть близкаго и святаго ихъ собственному сердцу. Вотъ почему вѣрные сыны Православной Церкви, не по имени только, а по искреннему исповѣданію, преимущественно предъ другими, должны быть исполнены благоговѣйной любви къ своему природному Государю.

И въ этомъ случаѣ, какъ равно и въ другихъ, Православіе составляетъ златую средину между напряженнымъ ученіемъ Римской Церкви и ослабленнымъ Протестантовъ. Первая постоянно отвлекаетъ вниманіе Духовенства и народа къ духовной Главѣ, пребывающей внѣ государства, которая не связываетъ воедино всѣ члены его между собою, хотя и служитъ символомъ единства, и даже иногда нарушала, ради собственныхъ видовъ, священную связь Церкви и народа съ Государемъ, произвольнымъ разрѣшеніемъ данной ему присяги. Съ другой стороны, испуганные такими дѣйствіями Протестанты, когда отдѣлились отъ общенія съ Церковію Римскою, думали оградить неприкосновенность правъ своихъ Государей, объявивъ каждого изъ нихъ духовною Главою своего отдѣльнаго общества, ибо не разумѣли въ чемъ состоитъ истинная сила достоинства Царскаго. Они могли такъ поступать потому только, что, уничтоживъ у себя Іерархію церковную и самое таинство священства, безотчетно смѣшали свѣтское съ духовнымъ, а между тѣмъ сами похитили у своихъ Державныхъ святость помазанія церковнаго. Теперь мы видимъ на Западѣ горькія послѣдствія сего извращеннаго порядка, тогда какъ на Востокѣ сохранилось истинное понятіе о достоинствѣ Царскомъ.

Церковь Православная, Соборная, въ полномъ смыслѣ сего слова, признающая Главою своею единого Христа Бога, по духу правилъ Вселенскихъ Соборовъ, чуждается самодержавія духовнаго, которое вовлекло Римскую Церковь въ уравненіе всѣхъ высшихъ степеней іерархическихъ, предъ единою выспревнюю каведрою своего Первосвященника; напротивъ, она отчетливо воздасть каждой степени церковной подобающую ей почеть, и въ то же время, чуждая недоумѣній Протестантства, съ заботливостію освящаетъ единственное достоинство Царское, не слиявая онаго съ многообразными степенями церковными, «духовное излагая духовно» по словамъ Апостола (1 Кор. 11, 13). Она высоко возноситъ лице помазанниковъ Божіихъ, своихъ защитниковъ, благоговѣя предъ священною Главою царства, на которую излилось благодатное муро древнихъ Царей Израилевыхъ, по глаголу самаго Бога Пророку своему Самуилу, о избранномъ на царство Давидѣ: «наполни рогъ твой елеемъ и азъ ти покажу, яже совершиши, и помажеша ми, его же ти реку». (1 Царствъ XVII, 2, 3).

Когда же такимъ образомъ освященъ и превознесенъ Богомъ избранный Государь, дѣло Церкви есть: свято блюсти не только собственный долгъ въ отношеніи Самодержца, но и крѣпкій союзъ его съ народомъ, непрестанно напоминая ему клятву вѣрности и угрожая страхомъ отлученія за нарушеніе присяги. Это совершенно противное тому, что мы видимъ на Западѣ, и потому мы не встрѣчаемъ тамъ нигдѣ той чрезвычайной любви, какую питаетъ Православной народъ къ своимъ Православнымъ Государямъ, подобну тѣлу, неразрывно

связанному, жизненнымъ жилами, съ своею главою. Чувство сіе не измѣняло ему и въ самыя тяжкія години испытаній: ибо все безропотно переносилъ онъ, какъ бы слѣдствіе гнѣва Божія за свои грѣхи: таковъ плодъ духовнаго воспитанія Церкви, которая ни въ чемъ не отклонялась отъ заповѣди Божественной и не вмѣшивалась въ мірское тамъ, гдѣ ей не подобало.

Если раскроемъ скрижали отечественной исторіи, мы увидимъ на каждомъ шагу истину сего событія, повторяющуюся отъ временъ Равноапостольнаго Владиміра и до нашихъ: вездѣ Церковь сочувствуетъ Царству и сиротствуетъ вмѣстѣ съ народомъ, когда нѣтъ законнаго Государя, какъ то было въ тяжкую эпоху, предшествовавшую избранію Михаила, гдѣ она явилась первымъ двигателемъ сего спасительнаго дѣла. Какая Церковь въ мірѣ можетъ намъ выставить что-либо подобное мученическимъ лицамъ нашихъ первыхъ трехъ Патріарховъ, пострадавшихъ столько же за Церковь, сколько и за царство? Многострадальный Іовъ, за вѣрность юному законно вѣнчанному Царю, насильственно извлеченъ изъ самой святыни храма и, въ рубищѣ, съ безчестіемъ сосланъ въ заточеніе, гдѣ слѣпнетъ отъ горя. Гермогенъ, посреди разгрома цѣлаго царства и бури Самозванцевъ и нашествія Польскаго, одинъ во главѣ всѣхъ, стоитъ за права святой Руси и умираетъ съ голода, потому что не хочетъ умолкнуть, сзывая вѣрныхъ сыновъ къ спасенію отчизны; и вотъ наконецъ Филаретъ, отъ самаго корня освящающій саномъ своимъ новое величественное древо Царское, девять лѣтъ томится въ темницѣ Польской, чтобы только не уступить, постыднымъ догово-

ромъ, ни одного участка родной земли, надъ кою уже властвуетъ сынъ его Царь!

Здѣсь остановимся и скажемъ только: умилительно видѣть, какъ столь необъятное тѣло всея Руси, столько изъязвленное, въ теченіе многихъ лѣтъ, внутренними крамолами безначалія, внезапно исцѣляется, чрезъ одно избраніе царственной Главы, хотя и отроческой! До такой степени все въ немъ благорасположено, и вещественно и духовно, къ тому необходимому единству, которое одно только можетъ содержать, въ нераспадающейся цѣлости, всѣ части исполинскаго государства!—Такъ нравственное начало любви, глубоко вкорененное Церковію въ православномъ народѣ, къ священному лицу своихъ Государей, всегда спасало и спасать будетъ святую Русь, доколѣ сохранится въ ней ея животворящая стихія—Православіе.

V.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ.

Мрачна и лѣсиста дорога отъ Костромы къ Нижнему, до переправы черезъ Волгу подъ Кинешмой; но тутъ, въ полномъ великолѣпіи, отърывается опять царственная рѣка, и едва ли есть много подобныхъ по красотѣ мѣстъ, на всемъ долгомъ ея теченіи. Широко извивается она

между лѣсистыхъ горъ, по которымъ разсѣяны богатые селы и барскія усадьбы; бѣлая Кинешма, при устьи малой рѣчки, красуется въ долинѣ своими храмами, довольно многочисленными и великолѣпными для уѣзднаго города. Мимо ея скользятъ безчисленные паруса восходящихъ и нисходящихъ судовъ и, при малѣйшемъ вѣтрѣ, кипятъ подъ ними сердитая рѣка, издали угрожая сѣдыми валунами, ибо здѣсь она уже чувствуетъ свою силу и тѣшится своимъ разгуломъ; съ нимъ только можетъ сравниться веселый разгулъ ея прибрежныхъ жителей, въ ихъ роскошномъ привольи или приволжьи: здѣсь оба выраженія однозначащи.

Отъ Кинешмы до Юрьева-Повольскаго, по нагорной сторонѣ, лежитъ живописная дорога, пересѣкаемая глубокими оврагами; очаровательная видами, которые открываются какъ только она приблизится къ рѣкѣ. Одну изъ такихъ чудныхъ мѣстностей представляетъ пустынь Макарьевская, привыкшая къ вершинѣ горы, которая господствуетъ надъ всею Заволжскою окрестностью. Вечеръ не позволилъ мнѣ полюбоваться мѣстоположеніемъ Юрьевца; но оно должно быть живописно, потому что по ту сторону рѣки величественная обитель дополняетъ красоту береговыхъ видовъ. На разсвѣтѣ встрѣтился я опять съ Волгою, подъ Балахною, и увидѣлъ ее еще въ большемъ величійи подъ Нижнимъ. Тамъ уже, какъ данницу, пріемлетъ она другую, ничѣмъ ей не уступающую рѣку, если только сама въ нее не впадаетъ, или быть можетъ, изъ обѣихъ, совершенно равныхъ по силѣ и теченію рѣкъ, составилаь та, которую едвали не отъ сего лишь мѣста слѣдовало называть Волгою. Такъ или

нѣтъ, но чудно для глазъ это сляніе двухъ исполиновъ, массою водъ своихъ образующихъ какъ бы рѣчное море, если только можно такъ выразиться, и оно все уставлено судами вокругъ завѣтнаго мыса, обозначающаго устье. Вдали, надъ этой роскошной картиною природы, высится дѣло рукъ человѣческихъ, весь Нижній-Новгородъ, какъ бы въ противоположность своего имени, раскинутый по скату горы; а на краю его, надъ самою пучиной только что слившихся рѣкъ, зубчатый многобашенный Кремль вѣнчаетъ священную гору, гдѣ сокушлено, отъ первыхъ дней Нижняго, все что было близко его сердцу: тамъ и святыня его соборовъ съ гробами родныхъ Князей, и бывшее ихъ жилище, на мѣстѣ коего величественно возстаютъ нынѣ Царскія палаты.

Тамъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ начальника губерніи, ожидалъ меня отрадный пріютъ, и новымъ изумленіемъ поражены были взоры, когда изъ оконъ съ верху открылся мнѣ, въ обратномъ порядкѣ, тотъ же очаровательный видъ, которымъ я любовался съ низу, когда подѣзжалъ къ городу. Опять представилось рѣчное море Волги и Оки, но еще въ бѣльшемъ великолѣпіи, потому что я могъ, съ этой высшей точки, слѣдовать за ихъ теченіемъ, внизъ и вверхъ, на многіе десятки верстъ и видѣть всю необъятную равнину, облагодѣтельствованную ихъ двойнымъ теченіемъ; она усѣяна была не только селами, но и городами; кругомъ на горизонтѣ бѣлѣлись ихъ дальніе соборы и колокольни, которые все столпились надъ берегами обѣихъ рѣкъ, какъ бы жаждущіе прохладныхъ струй. У ногъ моихъ кипѣли не одніи ихъ шумныя волны, но и вся торговля Востока, Азии и Евро-

пы, олицетворенныхъ разнородными племенами на полуостровѣ ярмарки, который обросъ лѣсомъ мячть, въ полномъ значеніи этого слова. Еще видно было, какъ издали тянулись, или шли на всѣхъ парусахъ, новыя суда къ той же обширной пристани, гдѣ должна была рѣшиться судьба многихъ тысячъ, удачею или неудачею ихъ купли, и отозваться глубоко во внутренности Азии: такъ знаменательно было это зрѣлище не только въ существеномъ, но и въ нравственномъ отношеніи.

Любуясь картиною мѣстности, вспомнилъ я поэтическую легенду, о слияніи Оки и Волги, которую въ дѣтствѣ слышалъ, на томъ же мѣстѣ, и удержалъ въ своемъ воображеніи. Говорятъ, что въ первые дни мірозданія, когда еще только устремились воды въ пустынный бѣгъ свой, какъ жизненные жилы пробужденной земли, Волга и Ока, съ равными силами, потекли на предстоящее имъ поприще и хотѣли помѣриться быстротою бѣга. Три дня бѣжали онѣ по безпредѣльной равнинѣ, не уступая въ теченіи одна другой; но въ третью ночь утомленная Ока, на краткое время задремала подъ навѣсомъ утесовъ, проснулась и вотъ предъ нею уже разостлалась ея соперница, бурными волнами примкнувъ къ самымъ утесамъ и преградивъ ей дальнѣйшій путь. Съ бѣшенствомъ бросилась въ нее отчаянная Ока и потонула въ ея холодныхъ объятіяхъ, но еще не скоро слились ея блѣдныя волны съ Волжскою синевою и доселѣ отличаются онѣ отъ водъ ея соперницы: такъ украсило народное преданіе разноцвѣтное ихъ теченіе при самомъ устьи.

Вечеромъ того же дня, послѣ воскресной всенощной, посѣтилъ я Епископа Нижегородскаго Іакова и насладил-

ся духовною бесѣдою сего добраго Пастыря, который оставилъ по себѣ благую память, во время, долгаго имъ управленія епархіею Саратовскою. Онъ самъ милостиво предложилъ мнѣ, посѣтить на другой день свою любимую Печерскую обитель и прочіе монастыри Нижняго, не смотря на предстоявшій ему трудъ соборнаго служенія. На слѣдующее утро совершалась память Макарія Желтоводскаго, который искони осѣнилъ покровомъ своимъ знаменитую ярмарку. Она началась подъ стѣнами его обители, когда, въ избѣжаніе частыхъ наслій, Великій Князь Василій Іоанновичъ, отецъ Грознаго, запретилъ купцамъ Русскимъ ѣздить на лѣтнее торжище въ Казань; и послѣ перенесенія ярмарки въ Нижній продолжаютъ, по давнему, освященному временемъ преданію, прибѣгать къ его молитвамъ, собирающіеся со всѣхъ странъ свѣта на это великолѣпное торжище. Въ благословенномъ отечествѣ нашемъ, каждому мѣсту какъ бы предназначенъ свой угодинокъ Божій, дабы освятить его и осѣнить молитвами, не престающими и по блаженной кончинѣ.

Сей преподобный Макарій, называемый Унженскимъ и Желтоводскимъ, по двумъ имъ основаннымъ обителямъ, былъ родомъ изъ Нижняго и однимъ изъ первыхъ постриженниковъ Святителя Діонисія Суздальскаго, который основалъ обитель Печерскую на подобіе Лавры Кіевской. Избѣгая славы человѣческой, ибо скоро было обращено вниманіе братіи на его подвижническую жизнь, Макарій удался изъ Нижняго, и на берегу Волги, учредилъ малую обитель во имя Богоявленія; она и теперь извѣстна подъ именемъ Макарьевской пустыни, недалеко

отъ Юрьевца-Повольскаго. Но и тамъ не успокоился подвижникъ, и желая все большаго уединенія, поселился гораздо ниже по Волгѣ, у предѣловъ Казанскихъ, на такъ-называемымъ желтыхъ водахъ; онѣ получили названіе святаго озера, отъ множества въ нихъ окрещенныхъ язычниковъ, потому что Мордва, Черемисы, Чуваши и самые Татары стали со всѣхъ сторонъ стекаться къ старцу, обращаемые еще прежде словъ, проповѣдію его святой жизни. Тамъ основалъ онъ малое братство около церкви, сооруженной имъ во имя Живоначальной Троицы. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, при вторженіи въ Россію Царя Казанскаго Улу-Махмета, новая обитель Макарія была раззорена Татарами, братія погибла подъ мечемъ варваровъ и самъ онъ уведенъ въ Казань, въ числѣ прочихъ плѣнниковъ. Однако и тамъ святая жизнь его изумила враговъ, и властитель Казанскій не только отпустилъ его на свободу, но съ нимъ вмѣстѣ, какъ бы въ даръ ему, еще до сорока семействъ Христіанскихъ: до такой степени истинная добродѣтель, при содѣйствіи благодати Божіей, смиряетъ самыхъ ожесточенныхъ.

Возвратясь на опустошенное свое пенелище, онъ предалъ землѣ тлѣнные останки избѣнныхъ братій, коихъ могила еще видна близъ нынѣшняго алтаря соборнаго, и, по совѣту Царя, не смѣлъ болѣе останавливаться на столь опасномъ рубежѣ. Макарій удалился въ предѣлы Костромскіе; тамъ на рѣкѣ Унжѣ построилъ третій монастырь, въ которомъ окончилъ долгій подвигъ осмидесяти-трехъ-лѣтней жизни. Нетлѣнные мощи его обрѣтены были при Патріархѣ Филаретѣ. Обитель Желтоводская вызвана изъ заустѣнія, двѣсти лѣтъ спустя послѣ

кончины блаженнаго ея основателя, убогимъ Муромцемъ Алексіемъ, который получилъ исцѣленіе отъ явившагося ему во снѣ Макарія и принялъ отъ него заповѣдь обновить его пустынь; онъ это исполнилъ уже въ санѣ иноческомъ, подъ именемъ Авраамія, и съ помощію уважавшихъ память Преподобнаго, въ 1624 году, соорудилъ сперва деревянныя церкви на мѣстѣ прославленномъ молитвою старца. Въ скоромъ времени убогая обитель украсилась каменными храмами, и знаменитая ярмарка, собиравшаяся по ея сосѣдству, много способствовала къ благолѣпію ея святилищъ. Когда же въ нынѣшнемъ столѣтіи она перенесена была въ Нижній, благословеніе перваго ея покровителя сопутствовало ей и на новое, болѣе удобное мѣсто, избранное для сея великолѣпной складки товаровъ всего Востока.

Торжественно и вмѣстѣ трогательно было видѣть, послѣ служенія Архіерейскаго въ нижнемъ соборѣ Всемилюстиваго Спаса, крестный ходъ всего духовенства, съ хоругвями и всѣми чудотворными иконами Нижняго Новгорода, вокругъ острова, образуемаго каналами, на коемъ расположена ярмарка. Память преподобнаго Макарія, 25 Іюля, есть урочный день для всѣхъ стекающихся на это торжище, потому что если кто не займетъ до сего дня прежней своей лавки, тотъ уже теряетъ на нее право и она передается другому: оттого всѣ непременно являются къ празднику и, по чувству набожности, врожденному въ сердцѣ каждаго Русскаго, съ благоговѣніемъ участвуютъ въ крестномъ ходѣ, который молитвенно обтекаетъ гостиные ряды, гдѣ должна рѣшиться участь ихъ торговли; онъ останавливается для литіи на четы-

рехъ сторонахъ ярмарки, и еще въ центрѣ ея, предъ домомъ военначальника. Не одни Русскіе православные участвуютъ въ этомъ всенародномъ молебствіи; многіе иновѣрцы и самые Магометане, увлекаясь духовнымъ зрѣлищемъ, невольно благоговѣютъ предъ святынею и хотя безотчетно раздѣляютъ молитву, имъ чуждую.

ПЕЧЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Послѣ скромной трапезы на своемъ уединенномъ подворьи, Преосвященный взялъ меня съ собою въ Печерскую обитель, гдѣ часто отдыхаетъ отъ пастырскихъ заботъ, въ безмолвіи пустынномъ. Мы ѣхали сперва по гребню Волжскаго откоса, гдѣ разводится общественное гульбище, великолѣнное по своимъ видамъ; оттолѣвъ пзъподъ горы, на высоту 36 сажень и на разстояніи версты, недавно проведены чистыя струи родниковъ на средину городской площади, и тѣмъ оживленъ весь верхній городъ и самый Кремль, нуждавшіеся въ водѣ; съ малыми средствами сдѣлано многое. Ревностнымъ стараніямъ нынѣшняго начальника губерніи обязанъ Нижній-Новгородъ симъ благодѣтельнымъ устройствомъ; едва повѣрили глазамъ своимъ граждане, когда заструились предъ нами живые воды фонтана. Крутою дорогою спустились мы къ пустынной обители Печерской, которая смиренно припнула, подъ навѣсомъ вѣковыхъ своихъ деревьевъ, къ песчаному берегу Волги, какъ будто опять угрожаетъ ей натискъ нависшей горы и осадка непрочной почвы, скользящей въ рѣку.

Не тутъ дѣйствительно ископалъ свою первоначальную пещеру, на подобіе Кіевской, святой выходець Лавры Діонисій, который усвоилъ завѣтное имя Печерской новой своей обители. Мѣсто его начальныхъ подвиговъ доселѣ ознаменовано часовнею, за двѣ версты отъ нынѣшняго монастыря, и тамъ еще уважается, окрестными жителями, память нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, конхъ цѣлы гробы и тѣлеса. Оно было оставлено въ 1596 году, когда внезапно ночью, на 18 Іюля, придвинулась къ Волгѣ гора, поросшая лѣсомъ, и засыпала зданіе обители отъ сего страшнаго землетрясенія; однако ивоки успѣли спастись и даже вынесли чудотворныя иконы и драгоценную утварь. Тогда указано было Архимандриту Печерскому Трифону, по волѣ благочестиваго Царя Θεодора Іоанновича, то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ новая обитель и даже всѣ зданія устроены царскою казною.

Могъ ли предвидѣть столь бѣдственное раззореніе первоначальной своей пустыни блаженный Діонисій, который заботился съ такою любовію о ея распространеніи, когда посвященъ былъ Св. Алексіемъ Митрополитомъ во Епископа Суздалью и Нижнему-Новгороду? Много испыталъ онъ скорбей, въ теченіе труженнической долгой жизни, ибо съ кончиною святаго своего рукоположителя сдѣлался игралищемъ церковныхъ смуть. На него указывалъ преподобный Сергій чудотворецъ Великому Князю Донскому, какъ на достойнаго преемника Святителя Алексія; но Димитрій, ослѣпленный расположеніемъ къ духовнику своему, Новоспасскому Архимандриту Митю, предпочелъ его великому Діонисію и даже гнѣвался на Владыку, когда онъ, строгій блюститель чина церков-

наго, не соглашался рукоположить Митяя во Епископа, потому что это было бы нарушеніемъ собственныхъ правъ Митрополита. Опасаясь угрозъ раздраженнаго Митяя, Діонисій хотѣлъ бѣжать въ Царьградъ на судъ Патріаршій, но къ нему была приставлена стража отъ Великаго Князя, и только поручительство святаго Сергія избавило его изъ-подъ надзора. Въ одномъ только погрѣшилъ великій мужъ Церкви, по малодушію или по желанію возстановить порядокъ, — онъ воспользовался данною ему свободою и тайно уѣхалъ въ Царьградъ, вопреки поручительства Сергіева, но, онъ и былъ видимо наказанъ, за нарушеніе даннаго имъ слова, ибо хотя и снискалъ милость Патріаршую и возведенъ былъ въ санъ Архіепископа, но уже никогда не могъ достигнуть высшей степени, ему предназначенной какъ по личной его добродѣтели, такъ и по благословенію Святителя Алексія.

Архимандритъ Пимень восхитилъ санъ Митрополита въ Царьградѣ; воспользовавшись внезапною смертію Митяя, онъ подписалъ на свое имя грамоты великокняжескія; когда же, впоследствии, Донской изгналъ Пимена, какъ недостойнаго, и будучи недоволенъ тѣмъ, что другою Митрополитъ Кипріанъ прислалъ противъ его желанія, обратилъ взоры на Діонисія, иное нечаянное препятствіе удержало его вступить на предназначенное ему поприще. Еще прежде, Архіепископъ Суздальскій, уже обмеченный довѣренностію В. Князя, приглашенъ былъ Новгородскимъ Владыкою Алексіемъ для разсѣянія опасной ереси Стригольничковъ, которая начинала распространяться въ Новгородѣ и Псковѣ, и онъ успѣлъ обратить многихъ, пастырскимъ словомъ. Исполненный при-

знательности къ столь великому подвигу, Довской вятязь послалъ его, съ грамотою своею, въ Царьградъ къ Патріарху Нилу, прося его возвести Діонисія на Митрополию Всероссійскую, и Патріархъ исполнилъ его желаніе; но на обратномъ пути, княжившій въ Кіевѣ Владиміръ Олгердовичъ Литовскій, остановилъ новаго Владыку, потому что признавалъ Архипастыремъ одного лишь Кипріана: это было какъ бы нѣкое наказаніе, за давнее нарушеніе даннаго имъ слова преподобному Сергію, которое уже забыто было Великимъ Княземъ. Діонисій окончилъ въ Кіевѣ многострадальное свое поприще подъ стражею, которой избѣжалъ пѣкогда въ Москвѣ. Казалось, Господь не хотѣлъ оставить неочищеннымъ на землѣ и малѣйшаго его проступка, чтобы полною славою облечь его въ своемъ небесномъ царствіи; онъ былъ погребенъ въ пещерахъ, гдѣ долго спасался отшельникомъ, но во свидѣтельство его оправданія предъ горящимъ судилищемъ, видящимъ тайныя помышленія сердца, петлѣніемъ просіяли его мощи, и Церковь совершаетъ память его 26 Іюля, какъ одного изъ великихъ Отцевъ своихъ.

Еще одинъ подвижникъ, изъ учениковъ Святителя Діонисія, вышелъ изъ его обители, вмѣстѣ съ преподобнымъ Макаріемъ Желтоводскимъ: это святой Архимандритъ Суздальскій Евѣмій, мощи коего почиваютъ въ прославленномъ имъ монастырѣ древняго Суздаля; здѣсь же, въ бывшей его Печерской обители, церковь во имя его надъ вратами встрѣчаетъ входящихъ, а на противоположной оконечности монастыря другая, малая церковь, напоминаетъ о соученикѣ его Макаріи. Соборный храмъ Вознесенія Господня, высокій, окруженный

папертію, во вкусѣ зодчества первыхъ временъ Романовыхъ, обновлялся усердіемъ нынѣшняго Владыки; съ малыми средствами рѣшился онъ вызвать изъ заустѣнія сію древнюю обитель, приписанную темерь къ его Архіерейскому дому, и радовалось сердце, видя тщаніе добраго Пастыря о молитвенномъ убѣжищѣ Діонисіевѣ, Макаріевѣ и Евѣиміевѣ. Онъ полагалъ все свое упованіе на милость Божію, не предвидя много помощи; лучшая его надежда была на общую помощницу всѣхъ обителей своего отечества, но преждевременная ея кончина горько разрушила сію надежду; а между тѣмъ дѣло Божіе растеть, и мало по малу обновляется обитель, потому именно, что это есть дѣло Божіе.

Мы взошли въ теплую церковь Успенія Богоматери, отчасти уже исправленную, которая сооружена была при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Патріархѣ отцѣ его, и поклонились тамъ древнимъ иконамъ Печерской Божіей Матери и Вознесенія Господня, современнымъ началу обители. Въ соборной палаткѣ еще не совсѣмъ разобрана была замѣчательная бібліотека, которая могла бы совершенно истребиться, если бы возлюбившій мѣсто сіе Пастырь не обратилъ на нее особеннаго вниманія. Много можно будетъ извлечь для мѣстной исторіи изъ ея актовъ и сборниковъ; на одной изъ книгъ увидѣлъ я подпись Лжедмитрія, подарившаго ее настоятелю, назначенному отъ него въ обитель. Возстановленіемъ Печерскаго монастыря, пришедшаго въ совершенный упадокъ, преосвященный Іаковъ соорудитъ себѣ вѣчный памятникъ и окажетъ великую услугу Церкви и отечеству; онъ уже составляетъ подробное ея описа-

ніе, вмѣстѣ съ житіемъ святаго основателя, которое не обрѣтается въ рукописяхъ, хотя лице его весьма извѣстно по исторіи.

Владыка пригласилъ меня отдохнуть не много въ настоятельскихъ келліяхъ. Съ терассы ихъ открывается очаровательный видъ на Волгу и Заволжье: это мѣстоположеніе напоминаетъ Выдубицкій монастырь подъ Кіевомъ, съ тою разницею, что тамъ Днѣпръ, а здѣсь Волга. Хотя болѣе дикости въ природѣ Кіевской, нежели въ окрестностяхъ Нижегородскихъ, но обѣ царственныя рѣки одинаково близки сердцу Русскому: стольже сладко звучитъ ему плескъ Днѣпровской волны, какъ и Волжской, когда разбиваются онѣ о песчаные берега, и весьма понятно, что отшельнику Печерскому отрадно было такое напоминаніе, когда онъ избралъ для себя мирное уединеніе въ сей новой пустыни.

Я спросилъ у Владыки: «не жалѣеть ли онъ о-прежней своей епархіи?» и онъ отвѣчалъ мнѣ: «я привыкъ къ моей Саратовской паствѣ въ продолженіе многолѣтняго управленія ею, и ко мнѣ привыкла моя паства, такъ что намъ весьма грустно было разставаться и доселѣ не расторглась наша духовная связь; но епархія была совершенно новая, вовсе не устроенная для архіерейскаго жительства и безъ воспоминаній священныхъ. Здѣсь же, при самомъ вступленіи въ предѣлы Нижегородскіе, меня обвѣяло чѣмъ-то родственнымъ, старинною Русскою, и встрѣтила древняя святыня, чрезвычайно сладкая для сердца; здѣсь я какъ бы попалъ на слѣдъ прежнихъ отшельниковъ и святыхъ Архипастырей. Хотя не сохранились у насъ нетлѣнныя ихъ мощи, потому что три

Печерскихъ подвижника почиваютъ отъ насъ далеко, однако память ихъ благаго подвига осталась намъ, какъ благовоніе мвра въ храминѣ муроварца. Вы видѣли какъ тихо и уединенно мое городское жилище, укрытое густымъ садомъ отъ суеты житейской, и я очень доволенъ, что бывший Архіерейскій домъ въ Кремлѣ уступленъ подѣ Царскія палаты, болѣе свойственныя тому открытому мѣсту. Здѣсь же, въ Печерской пустынѣ, наслаждаюсь я любимымъ уединеніемъ: оно особенно для меня сладко во дни постовъ, и тутъ провожу я часы свободные отъ дѣлъ по управленію епархіею. Мы, Епископы, прежде всего монахи, и потому, сколько можно должны исполнять наши монашескіе обѣты, во главѣ коихъ стоятъ постъ и молитва».

И дѣйствительно молитва непрестанно бываетъ на устахъ сего строгаго ревнителя житія иноческаго, которымъ подаетъ онъ благой примѣръ своей паствѣ, памятуя древнихъ своихъ предмѣстниковъ и прочихъ великихъ свѣтильниковъ земли Русской. «Конечно здѣсь думаете вы успокоиться однажды, отъ пастырскихъ трудовъ вашихъ?» спросилъ я Владыку и, сквозь его безмолвную улыбку, видно было, что я отгадалъ тайную любимую мысль; но прежде еще предстоитъ окончить начатое имъ обновленіе обители, ибо тогда только будетъ упрочена она для мирнаго уединенія.

Послѣ краткаго отдыха Владыка предложилъ мнѣ посѣтить и другіе монастыри Нижняго, и мы съ большимъ трудомъ поднялись на гору, заслонившую отъ міра Печерскую пустынь. Слѣдуя по окраинѣ города, достигли мы, у бывшей Московской заставы, женскаго монасты-

ря Крестовоздвиженскаго, который недавно перенесенъ туда, на городское кладбище, отъ берега Волги, потому что тѣснота и шумъ мимоходящихъ судовъ развлекали безмолвіе инокинь. Одна благочестивая настоятельница, Доровея, предприняла сіе богоугодное дѣло, другая не менѣ ревностная, Вѣра, понынѣ управляющая обителию, довершила. Она встрѣтила во вратахъ Владыку, со всѣми сестрами, и показала ему новый придѣльный храмъ честнаго Креста, готовящійся къ освященію. Утѣшительно было видѣть благолѣпіе святилища, устроеннаго малыми средствами, единственно по усердію Игуменни и тѣхъ, коимъ она умѣла внушить свою ревность къ святинѣ; благодареніе Богу, не оскудѣваетъ назидательный примѣръ сей въ православномъ отечествѣ нашемъ. Слышу, что предполагаемое освященіе совершилось и было весьма торжественно.

Посѣтивъ всѣ монастырскія церкви, мы направились къ мужеской Благовѣщенской обители и должны были опять спуститься къ рѣкѣ, внутри самаго города, но уже на сей разъ болѣе устроеннымъ путемъ, по такъ-называемому Похвалинскому сѣзду, который прорѣзанъ въ сердцѣ горы. Нельзя не подивиться исполнскимъ работамъ, которыя въ недавнее время совершены были въ Нижнемъ, послѣ благодѣтельнаго для него посѣщенія Государя Императора, въ 1834 году; съ тѣхъ поръ онъ быстро поднялся и сталъ на степень лучшихъ городовъ нашихъ. Царскія палаты и соборъ, три взѣзда на недоступныя дотолѣ горы, Волжскій откосъ съ его садомъ и водопроводы, о коихъ прежде и не смѣли помыслить, все внезапно явилось и оживило древнюю сто-

лицу Князей Суздальскихъ, которою оканчивались съ этой стороны предѣлы Руси; не много далѣе уже начинались враждебныя Орды, столь долго тяготѣвшія на рубежѣ нашемъ.

Памятникомъ сей грустной эпохи остался и монастырь Благовѣщенскій, на берегу Оки. Онъ былъ основанъ Святителемъ Алексіемъ, при его возвращеніи изъ Орды, куда ходилъ исцѣлить супругу Ханскую Тайдулу; чудо имъ совершенное утвердило Христіанство. Какъ знаменательно такое событіе для отечества нашего, и потому особеннаго вниманія достоинъ монастырь, сохранившій память спасительнаго для насъ подвига. Не оттого ли и посвященъ онъ Благовѣщенію, что Святитель проповѣдалъ въ Ордѣ многимъ плѣвленнымъ отпущеніе и лѣто Господне благоприятно? Князь Борисъ Васильевичъ Суздальскій и Нижегородскій, славный въ лѣтописяхъ своей области, содѣйствовалъ угоднику Божию въ сооруженіи обителя, но уже не осталось и слѣдовъ ихъ первоначальной церкви. Можно однако предполагать, что малыя пещеры, надъ конями есть церковь Святителя Алексія, сохранились отъ того времени, если еще ему не предшествовали, и вѣроятно были виною избранія мѣста сего для обителя. Замѣчательно пещерное начало двухъ монастырей Нижегородскихъ, современныхъ другъ другу, потому что Святитель Алексій рукоположилъ Епископа Діонисія. Нынѣшній соборъ временъ Царя Алексѣя Михайловича; но въ немъ есть сокровище, превосходящее древностію многія святыни на Руси: это есть чудотворная икона Корсунской Божіей Матери, писанная въ Греціи въ 993 году, какъ яв-

ствуеѣтъ изъ подписи, и вѣроятно данная вкладомъ въ новую обитель отъ ея основателя, посѣтившаго Царьградъ. Письмо ея высокаго Византійскаго стиля, и древность дороже украшеній, а между тѣмъ едва ли многимъ она извѣстна и въ самомъ Нижнемъ. Въ числѣ замѣчательныхъ предметовъ должно упомянуть о черномомъ собственноручномъ описаніи, Патріархомъ Гермогеномъ, явленія иконы Казанскія Божія Матери: неизвѣстно по какому случаю рукопись сія хранится въ монастырѣ, но прилично было бы имѣть съ нея копію и въ Казанскомъ соборѣ сѣверной столицы.

Съ прибрежнаго холма, на коемъ стоитъ обитель, мы любовались живописнымъ теченіемъ Оки и велколѣпною ярмаркою, которая вся, какъ на планѣ, видна была по ту сторону рѣки, и ея длиннымъ мостомъ, оживленнымъ народною струею, и тысячами столпившихся вокругъ судовъ; потомъ спустились къ часовнѣ, принадлежащей монастырю, надъ тѣмъ источникомъ, гдѣ трапезовалъ Святитель Алексій, на пути въ Орду и обратно. Сколько заботливыхъ думъ должны были тѣсниться въ душѣ благаго Пастыря, на этомъ мѣстѣ, когда еще предстоялъ ему дальній опасный путь въ столицу Ханскую, и сколько радостныхъ чувствъ наполняли его душу, когда, возвращаясь, срѣтаемъ былъ здѣсь опять на родной землѣ! Теперь источникъ Алексіевъ проведенъ во внутрь часовни и, наполняя въ ней глубокую чашу, постоянно струится изъ сей кувели, на подобіе живописнаго источника, какъ его изображаютъ на иконахъ Царьградскихъ:—мысль весьма счастливая и ея исполненіе соответствуетъ изящной часовнѣ, въ

Византійскомъ вкусѣ, недавно сооруженной надъ священнымъ ключемъ. Когда Владыка вышелъ изъ часовни, его обступила толпа народная, потому что тутъ, по сосѣдству моста, бываетъ наибольшее стеченіе. Всѣ устремились просить благословенія своего Пастыря, и зрѣлище было весьма умилительное: казалось опять Алексій отдыхалъ у своего источника, по возвращеніи изъ Орды, и опять встрѣчали его, какъ благодѣтеля, радостные жители Нижняго. — Такъ не измѣняется взаимное духовное расположеніе пастырей и пасомыхъ, въ нашемъ отечествѣ, и настоящее непрестанно отзывается у насъ минувшимъ.

КРЕМЛЬ И ЕГО СОБОРЫ.

Мы поѣхали въ Кремль по береговой великолѣпной улицѣ, которая могла бы служить украшеніемъ для столицы; дома ея принадлежатъ отчасти знаменитымъ владѣльцамъ, Голицынымъ, Строгоновымъ и другимъ боярскимъ участникамъ этого всемірнаго торжища, потому что здѣсь ихъ конторы и складочныя анбары. Но лучшимъ украшеніемъ улицы служить великолѣпная церковь Рождества Богоматери, построенная Строгоновыми подлѣ бывшаго ихъ жилища, въ началѣ XVII вѣка. Она во вкусѣ Московской Успенской церкви, что на Покровкѣ, и тѣхъ храмовъ, которыми славится Ярославль: красный цвѣтъ зданія соотвѣтствуетъ витіеватымъ его украшеніямъ, полугреческимъ, полувенетіанскимъ, и весьма жаль, что теперь оставленъ такой родъ зодчества; высокая тераса, на которой стоитъ церковь, много

придаетъ легкости ея восточной массѣ. Внутреннее убранство не уступаетъ наружному: замѣчательны двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, которыя, какъ гласитъ преданіе, заказаны были придворному живописцу, Петромъ Великимъ и, во время отсутствія его за границу, тайно куплены Строгоновыми: за что подверглись они Царскому гнѣву.

«Знаете ли, что у насъ, кромѣ Печерской обители, есть и своя Почайна?» сказалъ мнѣ Владыка, когда мы поравнялись съ Казанскою церковію, противъ новаго великолѣпнаго подъема на Кремлевскую гору. «Такъ названъ былъ малый ручей, впадающій въ Оку; теперь онъ почти незамѣтенъ въ глубокомъ оврагѣ, по гребню коего устроенъ Зеленинскій взѣздъ. Князья наши не могли забыть роднаго ихъ сердцу Кіева; Долгорукій старался усвоить себѣ давно ожидаемую имъ область великокняжескую, повтореніемъ именъ ея городовъ, и здѣсь, Суздальскіе его потомки, любили давать названіе священныхъ урочищъ матери городовъ Русскихъ, сему крайнему тогда городу Русскому, за коимъ уже начиналась враждебная Орда. Почайна Владиміра и Печерская лавра Антонія и Θεодосія, сладко отозвались Нижнему и какъ бы освятили его дальніе предѣлы.»

Прежде нежели подняться въ Кремль, у нижнихъ Ивановскихъ воротъ его, мы посѣтили еще часовню, въ которой чествуется древняя икона Нерукотвореннаго образа Спасова, участвующая во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Высоко надъ часовнею, на верху горы, возвышалась двойная Димитріевская башня, служившая цитаделью. Башня сія спасла однажды городъ, когда въ послѣдніе

годы княженія Іоанна III, внезапно подступилъ мятежный Царь Казанскій, Махметъ-Аминь, съ Ордою Нагайскою, а въ Нижнемъ, гдѣ не ожидали нападенія, не было почти и войска. Славный воевода Хабаръ Симскій засѣлъ въ Кремль. Тогда Литовскіе плѣнники, сосланные въ Нижній, предложили воеводѣ спасти городъ, если обѣщаетъ имъ свободу; они направили единственную пушку, съ ними вмѣстѣ взятую въ плѣнъ, съ башни Димитріевой въ станъ непріятели, за оврагомъ на противоположную гору, и такъ удаченъ былъ первый выстрѣлъ, что онъ поразилъ тестя Махметъ-Аминя, Хана Нагайскаго, который пировалъ въ открытомъ шатрѣ своемъ. Всеобщій ужасъ объялъ Татаръ, еще не знавшихъ огнестрѣльнаго оружія: какъ громомъ пораженные, они бѣжали, и мгновенно разсѣялось пятидесятитысячное полчище Ордынское. Воевода съ гражданами соорудилъ, на мѣстѣ удачнаго выстрѣла, гдѣ стоялъ шатеръ Ханскій, церковь во имя Пророка Шліп громовержца, которая доселѣ существуетъ.

«По этимъ зубчатымъ стѣнамъ Кремля,» сказалъ мнѣ Владыка, «которыя еще основаны въ XIV вѣкѣ Вел. Княземъ, Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ, ежегодно совершаемо было, въ день Преполовенія, крестное шествіе; но за нѣсколько лѣтъ предъ симъ обрушилась малая часть нижней ограды вмѣстѣ съ церковію Св. Духа, отъ напора горныхъ ключей и, къ сожалѣнію, оставленъ этотъ древній обычай; теперь мы только до половины обходимъ Кремль, уже не по стѣнамъ, а по бульвару. Весьма бы желательно было однако возстановить

прежній порядокъ шествія по верху стѣнъ, какъ болѣе торжественный, и обнимавшій всѣ твердыни.»

Замѣчательна судьба сей Духовской церкви, которая уже не существуетъ и замѣнена домовою въ новомъ дворцѣ. Ее основалъ нѣкто Порфирій, переселенный сюда Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ, со многими выходцами Новгородскими, послѣ страшной казни ихъ родины. Онъ собралъ малое братство и умѣлъ споспѣвать довѣренность самаго Царя, который озаботился устройствомъ малой его обители, и ей благодѣтельствовали впослѣдствіи Цари Θεодоръ, Борись и первые изъ Романовыхъ. Потомъ она была приписана къ Архіерейскому дому, который стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго дворца, и знаменитый Епископъ Питиримъ, обратившій столькожъ раскольниковъ, посылалъ ихъ на увѣщаніе въ сію обитель; съ перенесеніемъ Архіерейскаго дома на нынѣшнее мѣсто, при Епископѣ Θεофанѣ въ 1762 году, утратилось благосостояніе и значеніе приписной обители, и она пришла въ совершенный упадокъ. Императоръ Павелъ отдалъ ее для богослуженія единовѣрцамъ, когда стали они обращаться къ Церкви, и даже наименованіе Духовскихъ сдѣлалось однозначущимъ съ единовѣрными. Когда же, въ нынѣшнее царствованіе, возникли великолѣпныя палаты Кремля, и церковь сія поступила въ придворное вѣдомство, единовѣрцамъ отдала была внутри крѣпости, у Ивановскихъ воротъ, другая древняя церковь Симеона Столпника, въ которой и доселѣ совершается ихъ богослуженіе; а между тѣмъ, послѣ перестройки старой Духовской церкви, ее постигло печальное паденіе. Черезъ сколько разнообраз-

ныхъ назначеній переходила сія начальная обитель ссыльныхъ Новгородцевъ!

Мы поднялись по крутому взѣзду, вдоль внутренней ложбины Кремля, на верхъ его площади, гдѣ стоятъ дворецъ и оба собора, и поворотили къ древнѣйшему изъ нихъ, мимо памятника, воздвигнутаго въ честь избавителей Россіи Минина и Пожарскаго. Девяностолѣтній старецъ, Протоіерей Архангельскаго собора встрѣтилъ въ дверяхъ Владыку, почтенными сѣдинами соответствуя глубокой древности сего великокняжескаго святилища. Здѣсь былъ дворецъ властителей Нижегородскихъ, потомковъ старшей линіи Мономаховой: первый Князь, основавшійся въ Нижнемъ, Константинъ Васильевичъ былъ внукомъ Андрея Ярославича, старшаго многоятежнаго брата святаго витязя Невскаго. Соборъ Архангеловъ, служившій для нихъ придворнымъ, вновь построенъ, въ 1359 году, сыномъ Константина, Княземъ Андреемъ Городецкимъ, послѣ страшнаго разоренія Нижняго-Новгорода Царевичемъ Ордынскимъ Арапшею; но первоначальная церковь сооружена была на этомъ мѣстѣ святымъ Великимъ Княземъ Владимірскимъ, Георгіемъ Всеволодовичемъ, который основалъ Нижній-Новгородъ въ послѣднихъ годахъ XII столѣтія, для того чтобы городокъ, срубленный имъ на устьѣ Оки, могъ служить защитою крайнихъ его предѣловъ, противъ Мордвы и Черемисъ. Память Св. Князя чувствуется донынѣ въ особомъ придѣлѣ внутри собора, сооруженномъ однимъ изъ позднѣйшихъ его потомковъ, изъ рода Долгорукихъ. Въ теченіе времени, по причинѣ бывшихъ пожаровъ, измѣнилась нѣсколько наружность храма, который былъ

обновляемъ при Патріархѣ Іоасафѣ, и потомъ при Архіепископѣ Питиримѣ, но нижняя часть вполне уцѣлѣла; шатровидный верхъ его, весьма оригинальный, доселѣ свидѣтельствуетъ о глубокой древности, и бывшая подзорная башня Князей, какъ бы приросшая къ собору и обращенная теперь въ колокольню, гласитъ о давноминувшемъ.

Мракъ и тѣснота внутри святилища проникаютъ душу тайнымъ благоговѣніемъ; мѣстный образъ Архистратига небесныхъ Силъ конечно старше собора, возобновленнаго Княземъ Городецкимъ; можно предполагать, что святой Князь Георгій даровалъ и первую храмовую икону въ сооружаемое имъ святилище. Съ обѣихъ сторонъ алтара привикли къ стѣнамъ гробницы Князей и Княгинь, имена коихъ даже не все извѣстны по лѣтописи Нижегородской; это быть можетъ потому, что они измѣняли мірскія имена свои на схимническія, дабы совершенно замолкла о нихъ молва человѣческая на грани вѣчности: надъ гробами начертаны имена Князей Іоанна, Василія, еще Іоанна, и вмѣстѣ съ ними Князей-инокъ Зосимы, Іоны-Зиновія, Петра-Василія и Вел. Княгини Припы. Кто были сіи, нѣкогда славные земли Нижегородской? вѣдаетъ Господь, воспріявшій имъ въ свои вѣчныя жилища; Церковь же ежедневно, въ своихъ молитвахъ, воспоминаетъ забытыхъ лѣтописью родственниковъ властителей сего мѣста.

Солнце уже садилось, когда мы вошли въ кафедральный соборъ Спасскій, бывший окончательною цѣлю нашего странствованія по церквамъ и обителямъ. Замѣчательна судьба сего святилища, вмѣстѣ древняго и новаго:

основанное первоначально въ 1225 году, при Св. Георгіи Владимірскомъ, оно было вновь построено первымъ Вел. Княземъ Нижегородскимъ Константиномъ Васильевичемъ, въ 1332 году; потомъ по ветхости разобрано при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, въ 1652 году, и новый соборъ, по образцу Успенскаго Московскаго, сооружень былъ на пятнадцать сажень къ сѣверу отъ прежняго; туда перенесли всѣ гробы Князей, но казалось, они хотѣли почивать на мѣстѣ прежняго своего покоя, освященномъ молитвою мвогихъ мужей праведныхъ. Трещины угрожавшія паденіемъ собору побудили Государя Императора воздвигнуть новое святилище, по древнему образцу, опять на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ первый соборъ Нижегородскихъ Князей, и туда перенести обратно, въ подземный склепъ, кости своихъ предковъ: старшая династія Князей Суздальскихъ была по женской линіи родоначальницею Дома Романовыхъ, потому что отецъ Царицы Анастасіи, бояринъ Никита Романовичъ Захарыинъ, имѣлъ въ супружествѣ дочь Князей Горбатовыхъ, Княжну Варвару Александровну, одну изъ послѣднихъ отраслей славнаго рода Суздальскаго, который угасъ вмѣстѣ съ Шуйскими.

Уже темно было внутри храма, но въ его завѣтномъ сумракѣ теплились одинокія лампы, предъ мѣстными иконами и другими древними залогами Нижняго Новгорода. Нерукотворенный образъ Спасовъ, колоссальнаго размѣра, на столпѣ предъ Архіерейскимъ мѣстомъ, перенесенъ изъ Суздаля Великимъ Княземъ Константиномъ Васильевичемъ, и съ тѣхъ поръ служить предметомъ благоговѣнія пароднаго. Современная ему малая икона

Одигитриі списана съ подлинника Цареградскаго, въ 1380 году, святымъ Архіепископомъ Суздальскимъ Діонисіемъ. Между позднѣйшею святынею привлекають вниманіе чудотворная икона Филиппа Митрополита и вкладный крестъ, съ частію животворящаго древа и святыхъ мощей, которые подарилъ собору Тихонъ Митрополитъ Казанскій въ минувшемъ столѣтіи, какъ уроженецъ сего мѣста, и харатейное Евангеліе 1404 года, принадлежавшее владѣтелямъ Нижняго.

«Хотя не имѣется въ соборѣ и обителяхъ Нижегородскихъ» сказалъ мнѣ Владыка, «цѣльныхъ мощей угодниковъ Божіихъ, какими славятся древніе города Русскіе, но тѣмъ не менѣе утѣшается здѣсь сердце благодатнымъ обиліемъ святыни, при одномъ возрѣніи на чудотворныя иконы, и ими можетъ похвалиться Нижній, наравнѣ съ прочими городами. Мнѣ особенно, пришедшему изъ новой епархіи, невыразимо сладко это духовное общеніе съ давноминувшимъ, которое еще такъ живо и свѣжо въ уцѣлѣвшей для насъ святынѣ. Весьма сожалѣю, что вы уже не застали здѣсь чудотворной иконы Оранской Божіей Матери; она приносится каждое лѣто съ большимъ торжествомъ, изъ ея пустыни, на память избавленія Нижняго отъ страшнаго мороваго повѣтрія, бывшаго въ XVII вѣкѣ; и теперь, при двукратномъ посѣщеніи тяжкой болѣзни холеры, многіе съ усердіемъ притекали къ сей иконѣ и благодатно было ея ослѣненіе для цѣлаго города.»

Владыка показалъ мнѣ, внутри олтаря, мраморный памятникъ послѣдняго Католикоса Грузіи, Антонія II, сына великаго Царя Ираклія, которому суждено было до-

полнить своимъ прахомъ, царственнымъ вмѣстѣ и святительскимъ, число державныхъ и преосвященныхъ, почитающихъ подъ сѣвнiю сего собора. «Могила его въ погребальномъ склепѣ» сказалъ мнѣ Преосвященный: «тамъ, между славными земли, найдете вы и гробъ простаго гражданина, но одного изъ величайшихъ сыновъ спасеннаго имъ отечества; здѣсь же въ соборѣ только обозначено мѣсто его могилы поставленнымъ надъ нею спискомъ со знамени его сподвижника, Князя Пожарскаго; тутъ же и тринадцать знаменъ, которыя прислалъ Александръ Благословенный, чтобы почитать прахъ великаго мужа, ибо и ему суждено было видѣть повторенiе событiй, ознаменовавшихъ эпоху Минина и Пожарскаго, и пепелъ Москвы и возрожденiе царства своего въ новой славѣ.»

Владыка остался въ соборѣ и отпустилъ меня съ Протоіереемъ въ погребальный склепъ именитыхъ земли Нижегородской. Нѣсколько зазженныхъ пучковъ свѣчъ вмѣсто факеловъ, освѣтили намъ сіе жилище смерти, ознаменованное славными могилами. Мы начали съ княжескихъ, какъ бы изучая, надъ прахомъ сильныхъ, мимотекущую славу ихъ владычества. Ничего не можетъ быть трогательнѣе такой замогильной лѣтописи, тамъ гдѣ смерть уравнила всѣ кровавыя вражды; самые ожесточенные недруги лежатъ вмѣстѣ, по родственному порядку, а не по взаимному влеченiю или отвращенiю ихъ сердца, ибо уже страхнули съ себя въ могильный прахъ всѣ честолюбивые замыслы, какъ и всѣ нужды и печали житейскія. Во главѣ всѣхъ первый Великій Князь Нижегородскій, внукъ мятежнаго Андрея Ярославскаго, Коц-

стантинъ Васильевичъ, который одинъ только, изъ всего своего рода, мирно совершилъ княженіе; онъ возвеличилъ младшее удѣльное княжество, достоинствомъ великаго, и сдѣлалъ его чрезъ то предметомъ зависти старшихъ въ родѣ и даже Великихъ Князей Московскихъ, которые въ то время возгосподствовали надъ всею землею Русскою. Съ нимъ его супруга Анна, Грековна, какъ называетъ ее весьма поэтически лѣтопись;—зная только, что она была рода царскаго Византійскаго, но не упомянувъ имени ея родителей, лѣтопись дала ей отчествомъ цѣлый народъ, вмѣсто одного державнаго.

Три именитые сына слѣдуютъ, въ погребальномъ порядкѣ, за могущественнымъ отцемъ: это болѣе другихъ мирный и потому менѣе славный, Князь Андрей Константиновичъ Городецкій, старшій братъ, княжившій въ соуднемъ Городцѣ и вѣроятно позже перенесенный въ родственную усыпальницу, дабы не быть разлученнымъ съ своими родителями; съ нимъ также его супруга Васса, послѣ которой уже нѣтъ другихъ женскихъ могилъ въ погребальномъ склепѣ.

Отсель уже начинаются воспоминанія бурныя. Вотъ славнѣйшее лице изъ всего рода Нижегородскаго, если только можно называть лицами—сущихъ въ могилахъ: это соперникъ и тестъ витязя Донскаго, Димитрій Константиновичъ, уже не только Великій Князь Суздальскій и Нижегородскій, но и на краткое время Всероссійскій, доколѣ однако благословеніе Святителя Алексія Митрополита не дало перевѣса отроку Московскому надъ превознесеннымъ, по ярлыку Хавовъ, Княземъ Суздальскимъ.

И какая превратность судебъ человѣческихъ! — этотъ самый отрокъ, возмужавъ и сдѣлавшись зятемъ Дмитрія, супругомъ его добродѣтельной дочери Евдокии, оградилъ тестя не только отъ нашествія ордъ Заволжскихъ, но и отъ внутреннихъ крамолъ. Отважный братъ его Борисъ, наскучивъ удѣломъ Городецкимъ, вытѣснилъ бывшего Великаго Князя изъ Нижняго, процвѣтавшаго торговлею при стеченіи двухъ великихъ рѣкъ. Миротворцемъ между братьевъ-Князей является старецъ Радонежскій преподобный Сергій; но его увѣщательное слово не дѣйствуетъ на честолюбца; онъ принужденъ употребить строгое слово запрещенія, отъ имени Святителя всея Руси, и страхомъ отлученія смиряетъ непокорнаго. Борисъ возвратилъ столицу Дмитрію, но еще горькая утрата предстояла испытываемому семейными бѣдствіями. Орда Заволжская внезапно взволновалась, съ Мордвою и Черемисою; Князья Русскіе выступили въ походъ противъ Царевича Ордынскаго Арашпа и потерѣли страшное пораженіе за рѣкою Пьяною, отъ разгульной безпечности ратныхъ; «за Пьяною люди пьяны,» гласитъ съ тѣхъ поръ пословица Русская. Но горько отозвалась она Нижнему, ибо едва процвѣтшій городъ онустошелъ былъ Арашпеею; еще горше отозвалась сердцу Дмитрія не только какъ Князю, но и какъ отцу, потому что въ числѣ пораженныхъ на рѣкѣ Пьянѣ, былъ любимый сынъ его Іоаннъ. Прахъ его положенъ подлѣ дѣдовскаго, въ томъ же соборѣ, въ ожиданіи отцовскаго, и отецъ сошелъ въ родную усыпальницу, семь лѣтъ спустя, въ 1384 году.

Очередь была за Княземъ Борисомъ, исчерпать ту ча-

шу горести, которую подносилъ къ устамъ братнимъ; но еще прежде старался онъ опять похитить наслѣдіе отцовское, у двухъ сыновей Димитрія, Василя Кирдяпы и Симеона. Борисъ овладѣлъ Нижнимъ, племянники бѣжали въ Орду и тамъ выпросили себѣ отчину у Хана, и опять выгналъ ихъ дядя. Казалось, уже твердо сидѣлъ Борисъ на престолѣ отчемъ и братнемъ; смерть Донскаго все измѣнила, и не только обрушился подъ нимъ шаткій престолъ, но и все княженіе Суздальское слилось съ Московскимъ, которому становилось опаснымъ на перепутья въ Орду. Нѣкогда отрокъ Димитрій опрокинулъ сильнаго соперника Димитрія Суздальскаго; теперь же юноша Василій, сынъ Донскаго, словомъ Халскимъ, стеръ съ лица земли Русской древнее независимое княжество; такъ превозмогла Москва силою первородства, хотя старѣйшинство было за поколѣніемъ Суздальскимъ! Но кафедра Святителей Московскихъ, украшенная Петромъ, Θεогностомъ и Алексіемъ, уже обратила къ Москвѣ вниманіе всея Руси. Василій еще шелъ изъ Орды; боярину его, съ посломъ Ханскимъ, объявили въ Нижнемъ Борису, что ни онъ уже, ни родъ его, не властвуютъ болѣе въ Низовой землѣ; Суздаль сдѣлался ему изъ удѣла мѣстомъ заточенія; онъ скончался тамъ, гдѣ не довольствовался княжить; но тѣло его перенесено было въ Нижній, въ родовую усыпальницу.

Василій и Симеонъ бѣжали изъ темницъ своихъ; послѣдній собралъ дружины Монгольскія и приступилъ къ Нижнему; онъ даже овладѣлъ имъ, но не устоялъ противъ войскъ Великокняжескихъ: супруга и дѣти его взяты были плѣнниками въ Москву, изъ земли Мордовской,

и онъ самъ принужденъ былъ просить себѣ пощады и хлѣба. Великій Князь простилъ его и сослалъ съ семьею на Вятку, гдѣ окончилъ дни свои; а братъ его Кирдяпа, долго скитавшійся по чужбинѣ, скончался невѣдомо гдѣ, испытавъ, по словамъ славнаго пѣвца Ада и Рая: «какъ солонъ хлѣбъ чужой и какъ крута дорога на чуждое крыльцо.» Оба однако удостоились погребенія княжескаго въ родномъ соборѣ; не позавидовалъ имъ въ сей почести дядя, лишившій ихъ родовой области; они леги рядомъ съ братомъ своимъ Иоанномъ, который погибъ за 30 лѣтъ предъ тѣмъ, въ битвѣ съ Царевичемъ Арацшею. Какъ не прозорлива печаль человѣческая! Сколько слезъ пролито было тогда о безвременной его кончинѣ, и не гораздо ли завиднѣе была она, посреди полной славы родительскаго дома, нежели горькая участь его братьевъ скитальцевъ, которые пережили все, и достояніе и славу! Съ ними вмѣстѣ отдыхаетъ отъ многихъ битвъ и подвиговъ ратныхъ, сынъ Бориса Иоаннъ, прозванный Тугимъ-лукомъ, по необычайной силѣ своей и ловкости натягать сіе оружіе; это былъ лучший витязъ тѣхъ воинственныхъ временъ, по свидѣтельству Курбскаго, опытности коего можно повѣрить. Тугой-лукъ успокоился съ предками въ 1448 году.

Старшій сынъ труженника Кирдяпы, Иоаннъ, уже служилъ въ Москвѣ Великому Князю и сопричтенъ къ сонму державныхъ усопшихъ Архангельскаго собора, а сынъ Туго-луковъ, Александръ, прозванный брюхатымъ, вступилъ въ родство съ домомъ Московскимъ, взявъ за себя дочь Великаго Князя, какъ будто Василій хотѣлъ загладить вину свою предъ его родомъ. Не было

отъ него отрасли, на многочисленное потомство возникло отъ племени Кирдяпы: именитые роды Шуйскихъ, Скопныхъ и Горбатовъ, которыхъ отрасль соединилась въ послѣдствіи съ домомъ Романовымъ; такъ перешло къ нимъ старѣйшинство Суздальское, соединившись въ лицѣ Анастасіи съ домомъ Московскимъ.

Послѣ гробовъ княжескихъ мы поклонились святительскимъ, и прежде всѣхъ гробу Митрополита Филарета, которымъ начинается рядъ Архіереевъ собственно Нижегородскихъ. Патриархъ Питиримъ, еще бывший тогда Владыкою Новгородскимъ, рукополагалъ благоговѣйнаго Филарета, который былъ извѣстенъ Восточнымъ Патриархамъ, Паисію и Макарію, во время ихъ проѣзда чрезъ Владиміръ, гдѣ служилъ Архимандритомъ. Онъ былъ, можно сказать, строителемъ втораго Спасскаго собора, который при немъ окончательно украшенъ, и самъ Филаретъ, опасаясь паденія стараго, перенесъ изъ него гробы Князей; но Святитель не звалъ, что и ему суждено, вмѣстѣ съ ними, быть перенесеннымъ на ихъ родное пепелище. Онъ присутствовалъ при вѣнчаніи Царей Іоанна и Петра, и на соборѣ Московскомъ противъ Пустосвята, и былъ другомъ Патриарха Іоакима, много потрудившагося о духовномъ образованіи своего отечества; но утомленный дѣлами правленія, Филаретъ смиренно избралъ себѣ мѣсто упокоенія въ обители святаго Макарія Желтоводскаго, гдѣ и окончилъ дни свои въ схимѣ, подъ именемъ Θεодосія.

Ученикъ его и преемникъ, Митрополитъ Павелъ, перенесъ тѣло его въ соборъ, въ основаніе кафедры, и самъ ее прославилъ своею благою жизнію; добродѣтели его

просіяли и при жизни и по смерти;—благочестивые жители Нижняго продолжают пѣть панихиды надъ гробомъ своего Пастыря, отъ самаго дня его смерти и понынѣ.

Еще одна гробница Архіерейская, между новѣйшими Юанна, Веніамина и Моисея, и послѣдняго Католикоса Антонія, привлекла мое вниманіе: это гробница знаменитаго мужа Церкви, Архіепископа Питирима, обратившаго словомъ своимъ и писаніемъ, во дни Петра Великаго и послѣ, до 80,000 раскольниковъ ввѣренной ему паствы. Будучи самъ, въ молодыхъ лѣтахъ, ослѣпленъ ихъ заблужденіями, онъ тѣмъ сильнѣе могъ дѣйствовать противъ раскола и не боялся вступать въ состязанія, потому что легко опровергалъ нетвердое ученіе, собственнымъ ихъ оружіемъ; оттого и обращались они тысячами къ свѣту истины, видя какъ умолкали предъ опытнымъ Пастыремъ мнимознающіе ихъ старцы. Его Пращица Духовная и доселѣ можетъ служить мѣткимъ орудіемъ, для опроверженія суетныхъ толковъ мнимой старины, которая гораздо новѣе древней истины Православія.

Вотъ какими великими усопшими богатъ погребальный склепъ Нижегородскаго собора; но тутъ есть еще одна гробница, болѣе другихъ замѣтная по своему памятнику и едва ли не всѣхъ замѣчательнѣе по внутреннему сокровищу, которое въ ней хранится: тутъ лежитъ Мишинъ, простой гражданинъ между Князей и Святителей, но спасшій всю землю Русскую. Изъ устъ грубаго, по видимому, мясника исторглась высокія рѣчи, записанныя въ современныя лѣтописи: «буде намъ похотѣть помощи Московскому государству, и то намъ не пожа-

лѣти животовъ своихъ, да не только животовъ своихъ, и дворы свои продавати и жены и дѣти закладывати, и бити челомъ, чтобы кто могъ вступился за Православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ.» Такія чувства возбуждаетъ пламенная любовь къ Православію и такія безсмертныя дѣянія проистекаютъ изъ этого священнаго чувства! И въ какую роковую минуту совершилось спасеніе?—когда уже все казалось погибшимъ, и послѣдніе воеводы, ради неуройства, отступили отъ полоненной Москвы, и великій исповѣдникъ Патріархъ Гермогенъ довершалъ въ темницѣ свое страдальческое поприще. «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства, а вы, окальные измѣнники, будете прокляты!» мужественно говорилъ онъ врагамъ, и оттолѣ, по словамъ лѣтописи, начаша его морити голодомъ и умориша его голодною смертію, и преда праведную душу свою въ руки Божіи. Тогда, по гласу Минина и возбужденнаго имъ Князя Пожарскаго, поднялась земля Низовая и за нею устремилась вся Русь, ко спасенію первопрестольной столицы.

Но, не по одному лишь произволенію человѣческому, совершилось великое дѣло. Правдивый лѣтописецъ, Келарь Авраамій, не смѣлъ утаить дѣлъ Промысла Божія, внезапно подвигшаго все сіе народное возстаніе. «Хочу вамъ повѣдати тайну сію, невѣдомо, отъ Бога или отъ человѣкъ», говоритъ онъ, «а въ забвеніе положити не смѣлъ, видя такую вѣру отъ Бога и постъ, яко же древле Ниневитяне въ велицѣ градѣ, егда прорече имъ Пророкъ Іона: аще ли не покаетесь, то вси погибнете; такожде и въ Московскомъ государствѣ, бывшу посту

три дни и три ноци, не токмо что старыя и юныя, но и младенцы, кои у сосцовъ матернихъ; не даваху бо имъ ясти, яко же многіе младенцы умираху съ того поста.» Постъ же сей наложенъ былъ не произвольно, но по видѣнію, о которомъ молва распространилась изъ Нижняго по всей Россіи, какъ изъ него возникло и дѣло ея спасенія. Весьма знаменательно было это видѣніе, записанное въ лѣтописи. Нѣкому человеку, по имени Григорію, спящему въ своей храминѣ, явился въ полночь необычайный свѣтъ, какъ будто снялся верхъ его храмины и предстали два свѣтлые мужа: одинъ сталъ у главы его, другой же сѣлъ на ложе и сказалъ ему, по манію перваго: «аще сіи человекы, во всей Русской землѣ, покаются и станутъ поститься три дни и три ноци, не токмо старыя и юныя, но и младенцы, и Московское государство очистится.» Предстоящій спросилъ опять сидящаго: «Господи, аще очистится, какое имя дася Царю?» и онъ отвѣчалъ: «поставятъ храмъ новый у Троицы на рву и положатъ хартію на престолѣ, на той же хартіи будетъ написано кому у нихъ быти Царемъ». (Такъ дѣйствительно и случилось, потому что на Троицкомъ подворьи, въ Кремлѣ надъ Неглиннымъ оврагомъ, произошло избраніе Михаила). Предстоящій опять спросилъ: «Господи, аще не покаются и не учнутъ поститься: что надъ ними будетъ?» и отвѣчалъ Господь: «аще ли не покаются и поститься не учнутъ, то вси погибнутъ и царство разорится.»

Чудное явленіе, которому не видно инаго примѣра, кромѣ какъ въ Библии и въ лѣтописяхъ Православнаго отечества нашего: всенародное покаяніе предшествуетъ

всенародному спасенію, и тогда воздвигаются свыше Архистратиги побѣдоносныхъ войскъ, которыми предводительствуетъ икона Богоматери. Какіе враги могутъ устоять противъ такого горняго ополченія, подвигагося за вѣру Православную и Святую Русь!

Тогда еще невѣдомо было новѣйшее наименованіе «отечества», едва ли не пришедшее къ намъ съ Запада, ибо оно болѣе выражаетъ гражданственное, нежели духовное образованіе государства, и не могло произойти отъ словъ «отчина» и «отчества» имѣющихъ у насъ совсѣмъ другое значеніе. Всѣ шли радостно биться за Святую Русь, за престольную Москву, за домъ Пресвятыя Богородицы: ибо земная родина была какъ бы только кивотомъ тѣхъ небесныхъ сокровищъ, которыя ей были вѣрены свыше, и потому мученичествомъ отзывалась сія священная рать, не столько за свое, сколько за Божіе на землѣ достояніе. Такіе воины, по словамъ Апостола «вѣрою побѣдиша царства, содѣяша правду, возмогоша отъ немощи, быша вѣрны во бранѣхъ, обратиша въ бѣгство полки чуждыхъ» (Евр. XI, 30—35). И вотъ, одинъ изъ предводителей сей рати почіетъ въ соборѣ Нижняго-Новгорода! Странное событіе: изъ года въ годъ, чрезъ два многознаменательныя для Россіи столѣтія, опять изъ Нижняго, какъ бы отъ гроба Минина, поднялось ополченіе, долженствовавшее идти на освобожденіе древней столицы, отъ полчищъ Западныхъ. Казалось, великій мужъ, и по смерти, одушевлялъ ратныхъ и сообщилъ жизненную силу, воздвигать всю землю Русскую, тому завѣтному ея участку, гдѣ была его родина и гдѣ доселѣ хранится драгоцѣнный прахъ его.

VI.

СЕЛО ЛЫСКОВО.

На разсвѣтѣ другого дня, я уже былъ на Казанской дорогѣ. За сто верстъ отъ Нижняго остановился я въ богатомъ селѣ Лысковѣ, чтобы посѣтить его знаменитаго владѣльца Князя Егора Александровича Грузинскаго. Онъ сынъ Царевича Александра и внукъ Царя Бакара, пришедшаго въ Россію, во дни Петра Великаго, съ отцемъ своимъ Царемъ Вахтангомъ-законодателемъ; оба принесли съ собою много святыни изъ бѣдствовавшаго отечества, обуреваемого тогда оружіемъ Персовъ и Турковъ. Еще съ дѣтства зналъ я маститаго старца и мнѣ любопытно было возобновить съ нимъ знакомство, послѣ моего путешествія въ Грузію, гдѣ я изучилъ исторію его славнаго рода Багратионовъ. Домъ сей происходитъ отъ Царя Пророка Давида, и это не какая либо суетная похвальба, но свидѣтельство лѣтописей Грузинскихъ, Греческихъ и Армянскихъ. Императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ о томъ въ X столѣтіи, и то же говоритъ, за пять вѣковъ до него, Мои-

сей Хорренскій, въ своемъ краснорѣчивомъ плачѣ объ Арменіи. Конечно ни одна изъ знаменитѣйшихъ фамилій Европы не можетъ похвалиться такимъ родословіемъ, не только по отдаленной древности, но и по отчетливому преемству лицъ, ибо почти все царствовали до Рождества Христова и послѣ, начиная съ IV вѣка. Миѣ хотѣлось также поклониться и той древней святынѣ, которая хранится въ домѣ Князя и въ многочисленныхъ церквахъ Лыскова, болѣе похожаго на городокъ, нежели на село.

Была и причина возвыстися Лыскову до такого цвѣтущаго состоянія, потому что отъ самаго начала Макарьевской ярмарки, въ XVI вѣкѣ, и до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ теченіе трехсотъ лѣтъ, она постоянно здѣсь существовала, напротивъ обители святаго Макарія Желтоводскаго, которая видна на другомъ берегу Волги; даже доселѣ, хотя и перенесена ярмарка въ Нижній, въ Лысковѣ совершается весь главный торгъ хлѣбомъ, и этому способствуетъ счастливое мѣстоположеніе, потому что въ полную воду барки могутъ прямо нагружаться хлѣбомъ, изъ обширныхъ хранилицъ, посреди самаго селенія. Величественный соборъ и семь другихъ церквей свидѣтельствуютъ однако, что жители, разбогатѣвшіе торговлею, не забыли воздать должной благодарности Господу, наградившему ихъ обиліемъ благъ земныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наслѣдственное благочестіе Князя Грузинскаго много поддерживаетъ это доброе чувство, въ его родовомъ помѣстьи, потому что до сихъ поръ восьмидесятилѣтній старецъ не опускаетъ ни одной службы, утренней и вечерней, въ круг-

лый годъ, и съ большимъ торжествомъ совершалъ всѣ церковные праздники. Такой назидательной примѣръ, постоянно въ теченіе столькихъ лѣтъ, конечно не можетъ не подѣйствовать на добродушныхъ поселянъ. «Князь нашъ такъ дѣлаетъ, и мы обязаны тоже дѣлать», говорятъ они. Вотъ необходимое слѣдствіе добраго примѣра, и какую тяжкую налагаютъ на себя отвѣтственность тѣ, которые смущаютъ совѣсть своихъ подчиненныхъ, равнодушіемъ къ Церкви.

Когда существовала ярмарка въ Лысковѣ, Князь былъ какъ бы природнымъ ея распорядителемъ и посредникомъ, въ случаяхъ несогласія между торгующими; онъ пользовался между ними большимъ вліяніемъ, и по тому чувству невольнаго уваженія, которое обыкновенно имѣютъ у насъ къ большому барину. Иногда Князь обращался и довольно круто съ людьми, вовсе ему не подчиненными, и съ заѣзжими жителями Востока; но всѣ предъ нимъ благоговѣли какъ бы предъ законнымъ судьей, и по старой привычкѣ обращались къ его суду, зная его справедливость. Бывали случаи весьма замѣчательные, когда однимъ ласковымъ словомъ или угрозою мирилъ онъ давно враждовавшихъ между собою, и обѣ стороны оставались довольны, по скорости и безпристрастію такой расправы.

Одинъ весьма знатный помѣщикъ пожаловался Князю, что управляющій, которому онъ далъ отъ себя полную довѣренность, лукаво или необдуманно, запродавъ весь его хлѣбъ, по несходной цѣнѣ, въ однѣ руки; между тѣмъ цѣны чрезвычайно возвысились, и онъ терпитъ большой убытокъ, а купившій не соглашается ни

на какія условія. Владѣлецъ Лыскова пригласилъ къ себѣ обоихъ, на очную ставку, и сперва, обратившись къ именитому своему пріятелю, объявилъ ему, что онъ кругомъ виноватъ и очень простъ, довѣривъ такое важное дѣло управителю. Купецъ уже торжествовалъ, но скоро смирилось его самодовольное чувство, когда въ свою очередь обратился къ нему Князь и, въ порывѣ сильнаго негодованія, сказалъ: «пріятель мой только простъ, а ты лукавъ, потому что чувствуешь свою неправду, основанную на его ошибкѣ, и хочешь ею воспользоваться: и такъ если ты сей часъ же не помирись, на предлагаемыхъ тебѣ условіяхъ, то я сгоню тебя съ моей земли со всѣмъ твоимъ хлѣбомъ;» и тотчасъ помирился испуганный купецъ, зная силу воли Князя, а между тѣмъ, хотя по видимому и не въ порядкѣ, но въ одну минуту устроилось это дѣло, справедливо и ни для кого не обидно.

Столь же оригиналенъ былъ отзывъ его, исполненный аристократическаго чувства и сознанія лѣтописной славы своего рода, когда потребовали отъ него документовъ о его происхожденіи. Князь послалъ только свое метрическое свидѣтельство, съ такимъ краткимъ отзывомъ: «что я сынъ Царевича Александра, сына Царя Бакара, внука Царя Вахтаага, видно изъ сей метрики, выше зри исторію Грузіи; еще выше зри Библию;» и онъ дѣйствительно могъ такъ сказать, потому что весь родъ его предковъ, до самаго дѣда, царствовалъ и записанъ въ исторіи его родины, и вмѣстѣ съ тѣмъ связанъ съ отраслію Царей Іуды, идущихъ отъ Давида, такъ что это

единственная генеалогія, которая можетъ назвать всѣхъ своихъ членовъ, начиная отъ Адама.

Я нашелъ осьмидесятилѣтняго старца еще въ полной силѣ, какъ будто годы не имѣли на него никакого вліянія; никто не повѣритъ что ему столько лѣтъ, видя свѣжесть его лица и съ какою бодростію онъ выстаиваетъ долгія церковныя службы. Съ любовію показалъ онъ мнѣ всѣ лучшіе храмы Лыскова, украшенные его усердіемъ, особенно изящный соборъ Вознесенія, недавно имъ сооруженный, посреди села, и подлѣ своего дома церковь Великомученика Георгія, его Ангела, одаренную великолѣпною ризницею. Изъ его зимняго жилища открылся мнѣ знаменитый монастырь Св. Макарія Желтоводскаго, и въ зрительную трубу я могъ ясно различить его церкви и башни. Теперь уже зданія въ немъ приходятъ въ ветхость и не чѣмъ ихъ поддерживать, потому что обитель оскудѣла послѣ перенесенія ярмарки въ Нижній, а между тѣмъ древнія стѣны ежегодно подмываются весеннимъ разлитіемъ Волги.

Мы должны были слушать всенощную, наканунѣ царскаго дня, въ главномъ соборѣ села Лыскова, празднующемъ Преображенію; онъ стоитъ на отдѣльномъ холмѣ гдѣ было прежнее жилище княжеское и даже малое укрѣпленіе, какъ бы городище. Служба совершалась соборно, въ богатыхъ облаченіяхъ и съ домашними пѣвчими Князя, такъ что и въ Нижнемъ не видалъ я подобнаго служенія. Все это занимало почтеннаго хозяина, который былъ какъ бы настоятелемъ всѣхъ церквей своего богатаго села, строго наблюдая за ихъ благочиніемъ и неопустительною службою: утѣшительно видѣть такую

заботу о святынь. После всенощной, я просилъ Князя показать мнѣ всѣ его сокровища духовныя, хранящіяся въ ризницѣ соборной, и Протоіерей съ клиромъ открылъ для меня въ алтарѣ всю святыню, принесенную въ Россію, царственными предками Князя. Весьма жаль, что при жизни Грузинскаго Протоіерея, который долго находился при соборѣ, не были переведены надписи, съ древняго церковнаго языка Грузинскаго, а теперь въ Лысковѣ никто не умѣетъ разбирать ихъ, и такимъ образомъ неизвѣстны названія многочисленныхъ частицъ мученическихъ.

Ихъ особенно много собрано въ такъ-называемомъ О-сонис-цхатѣ, или драгоцѣнномъ серебряномъ кивотѣ, осыпанномъ бирюзюю, который, въ видѣ нарамника Первосвященниковъ Іудейскихъ, носили на персяхъ духовники царскіе, въ походахъ предъ Царями Грузіи; но, вмѣсто именъ сыновъ Израилевыхъ, вставлены частицы мощей.

Между драгоцѣнною святынею еще хранится персть святаго Іоанна Предтечи, также въ богатомъ кивотѣ, осыпанномъ бирюзюю, и ручка Св. Анастасіи Римляныни, и часть мощей мученика Стефана новаго. Но главное сокровище всегда носить на себѣ Князь: это двѣ большія части животворящаго древа, сложенныя крестообразно, которыя прислалъ нѣкогда великій Императоръ Константинъ, чрезъ Патріарха Антиохійскаго Евставія, первому Христіанскому Царю Грузіи Миріану, когда обратился онъ проповѣдію Св. Нины. Крестъ сей вложенъ въ двойной кивотецъ, изъ конхъ внутренней великолѣпно осыпанъ крупными лазами, изумрудами,

жемчугомъ и бюрюзою, съ Грузинскою надписью, которую также не могутъ разобрать; но вѣроятно это молитва животворящему кресту, съ именемъ Царя, который его украсилъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности сего честнаго древа, потому что со временъ Царя Миріана, т. е. съ 325 года въ теченіе XV столѣтій, онъ переходилъ преемственно отъ Царя къ Царю, по праву первородства, будучи всегда носимъ на персяхъ, и по этому сохранился въ старшей линіи Карталинской, хотя послѣ Вахтаंगा-законодателя, удалившагося въ Россію, младшая линія Кахетинская наслѣдовала царство.

Опасаясь, чтобы такое, истинно царственное сокровище, не перешло въ частныя руки совершенно инаго поколѣнія, Князь намѣренъ былъ завѣщать животворящій крестъ сей въ соборъ Успенскій, гдѣ хранится и священный гвоздь отъ сего креста, принесенный предкомъ его, Царемъ Имеретинскимъ Арчиломъ, такъ какъ онъ уже уступилъ одно подобное сокровище, крестъ Св. Нины, Тифлисскому собору.

Между тѣмъ смерклось, и наступившая непогода умножила ночной мракъ. Гостепріимный владѣлецъ Лыскова предложилъ мнѣ у себя ночлегъ, и мнѣ отвели въ верхнемъ жилѣ обычный пріютъ для его посѣтителей. Три большіе портрета поразили меня при входѣ: Шаха Аббаса, одного изъ величайшихъ властителей Персіи, горько памятнаго Грузинъ, послѣдняго Католикоса Антонія, сына великаго Ираклія, и бывшаго Имеретинскаго Царя Арчила, который пять разъ возводимъ былъ на престолъ въ Кутаисѣ, и столько же разъ терялъ свое шаткое до-

стояніе. Этотъ отрывокъ Грузинской исторіи въ лицахъ, подъ кровомъ осьмидесятилѣтняго роднаго внука Царя Бакара, которымъ окончилась въ Грузіи старшая династія Карталинская, посреди внѣшнихъ бурь своего царства, и притомъ еще бурная ночь, при раскатахъ грома и блескъ молніи: — много было тутъ высоко-поэтического для меня, посѣтившаго колыбель Багратионовъ, у подошвы Арарата и Казбека, и ознакомившагося съ ихъ народными преданіями. Долго не могъ я заснуть, доколѣ наконецъ не усыпилъ меня однообразный шумъ ливня, бившаго въ окна, какъ убаюкивающей шепотъ природы надъ колыбелю дѣтей своихъ.

VII.

КАЗАНЬ.

Отъ Васильсурска, который сторожить на крутой горѣ устье быстрой Суры впадающей въ Волгу, напоминая именемъ своимъ отца покорителя Казани, погрузился я, на сто верстъ, въ вѣковыя дубравы Черемисскія, обозначающія предѣлы Казанской области. Долго служили онѣ, по нагорной сторонѣ Волги, завѣтнымъ забраломъ враждебному царству, отъ оружія возмужавшей Россіи, до-

колѣ не обогнули ихъ по водамъ ея ратныя ладьи и не проникли ихъ наконецъ воинскія дружины. Тогда открылись побѣдителямъ таинственныя гребница Черемисовъ, въ сердцѣ ихъ заповѣдныхъ лѣсовъ, и свѣтъ Христіанства мало по малу сталъ проникать во мракъ языческихъ дебрей, гдѣ разсѣяны были ихъ древесныя жилища. Но и доселѣ великолѣпны лѣса сіи, освѣжающіе путника тѣнію столѣтнихъ дубовъ своихъ и лиственницъ, какъ будтобы рука человѣческая еще не коснулась ихъ недоступнаго величія. Если и открываются кое гдѣ просвѣты въ очищенныя поляны, рѣдко однако разступаются зеленныя стѣны по сторонамъ столбовой дороги; гуще и гуще становятся лѣса, по мѣрѣ приближенія къ Чебоксарамъ, первому уѣздному городу Казанскому, который былъ заложенъ Святителемъ Гуріемъ, когда онъ плылъ въ свою новую епархію.

Послѣ роскошныхъ селеній Нижегородскихъ, гдѣ въ полномъ обиліи кипитъ привольная жизнь Русская, странно было внезапно видѣть себя какъ бы совсѣмъ въ иномъ государствѣ, по рѣзкому измѣненію быта народнаго, и слышать Финское нарѣчіе Черемисовъ, перемѣшанное съ Русскими словами. Но такъ необъятна матушка Россія, что еще до Казани, по ту сторону Волги, мнѣ предстояла опять одна разительная перемѣна народонаселенія Татарскаго, которое замѣнило собою Черемисское. За Чебоксарами измѣнилась и природа; опять обнажились равнины, и я пожалѣлъ о роскошныхъ дубравахъ Васильсурскихъ. Не доѣзжая Волги, издали показался мнѣ, на своемъ отдѣльномъ холмѣ, живописный Свіяжскъ. Бываютъ мѣста, указываемыя самою приро-

дою для извѣстной цѣли, и таково положеніе Свияжска: онъ былъ послѣднею ступенью, приблизившею насъ къ Казани, и уже не могла держаться долѣ твердыня Татарская, когда водрузилось здѣсь знамя Русское, возгосподствовавъ надо всею окрестностію при стеченіи Свіаги и Волги. Самъ Іоаннъ, въ первый неудачный походъ свой подъ Казань, избралъ, на обратномъ пути, круглую гору Свияжскую для новой крѣпости, будучи пораженъ обширностію видовъ, которые открывались съ лѣсистой вершины.

На слѣдующую весну Князь Серебряный, приплывъ Волгою къ устью Свіаги, привезъ съ собою дубовыя стѣны, срубленные въ лѣсахъ Устюжскихъ, и для болѣе прочной основы новой твердыни, готовую церковь во имя Рождества Богоматери и преподобнаго Сергія. Застучали сѣкиры на горной вершинѣ, оперенной лѣсомъ, и быстро обнажилось мѣсто для города, который возникъ въ короткій промежутокъ одного мѣсяца. Но почему же Церковь во имя Рождества Богоматери?— Это былъ памятный день битвы Мамаевой. Отчего же Радонежскій Чудотворецъ осѣнилъ новую твердыню?— Онъ первый указалъ для нее мѣсто, какъ нѣкогда посылалъ схимниковъ своихъ биться съ богатырями Мамаея. Еще прежде нежели пришло на мысль Іоанну устроить тутъ крѣпость, окрестные Черемисы уже слышали таинственный звонъ въ глуши заповѣднаго лѣса на верху холма; проникавшимъ въ его чащу являлся необычайный свѣтъ и нѣкій чудный старецъ съ кадиломъ въ рукахъ, обозначавшій еяміамомъ мѣсто будущей обители. Они рассказали свое видѣніе Царю, и Царь припадавшій

къ ракъ Чудотворца предъ каждымъ изъ своихъ ратныхъ подвиговъ, именемъ его хотѣлъ освятить храмъ, сооружаемый предъ покореніемъ Казани. Борисъ Годуновъ построилъ впослѣдствіи каменную церковь во имя Преподобнаго; но и доселѣ женская обитель въ Свіяжскѣ сохраняетъ въ стѣнахъ своихъ первоначальную дубовую церковь Іоанна, еще совершенно крѣпкую, какъ бы только что вырублена она въ лѣсахъ Устюжскихъ.

Другая, мужеская обитель, привлекла мое вниманіе въ Свіяжскѣ; тамъ почиваютъ мощи Святителя Германа, который наслѣдовалъ Чудотворцу Гурію, на кафедрѣ Казанской, и былъ уже избранъ Іоанномъ на митрополию всея Руси, но, за слово истины грозному Царю, заключенъ въ одной изъ обителей Московскихъ. Мощи его перенесены, при благочестивомъ Царѣ Θεодорѣ, въ Свіяжскую обитель, основанную имъ въ то время, когда Святитель Гурій открывалъ новую епархію въ землѣ, погруженной во мракъ язычества. Сей великій мужъ Церкви, происходившій отъ Князей Смоленскихъ, съ юныхъ лѣтъ постригся въ строгой и ученой тогда обители Святаго Іосифа Волоколамскаго, подъ руководствомъ святаго Гурія, бывшаго еще Игуменомъ, и тамъ имѣлъ случай слышать богословскіе уроки знаменитаго узника, Максима Грека. Избранный въ настоятели Старичкаго монастыря, онъ скоро уступилъ его Юву, будущему Патриарху, а самъ опять уединился въ любимые лѣса Волоколамскіе, доколѣ царская воля Іоанна не вызвала его, вмѣстѣ съ святымъ наставникомъ Гуріемъ, для просвѣщенія завоеваннаго царства. Тамъ, и въ санѣ Архимандрита Свіяжскаго и въ санѣ Архіепископа, многоплод-

но было его служеніе Церкви, и можетъ быть долго бы горѣлъ еще свѣтильникъ сей на свѣщникѣ Казани, если бы Царь не пожелалъ видѣть его въ столицѣ. Испуганный бесѣдою Святителя, онъ не дерзнулъ однако излить на него своей мести, хотя и не возвратилъ на кафедру, и два года спустя, еще разъ принужденъ былъ слышать отъ него искреннее слово, въ защиту другаго исповѣдника Филиппа Митрополита, котораго хотѣлъ осудить соборно, за его пастырское обличеніе. Когда безмолвствовали прочіе судіи, одинъ Германъ возвысилъ голосъ и сказалъ: «ни единыя вины не обрѣтаю въ семъ праведникѣ», и опять удержался отъ гнѣва Іоаннь, благоговѣя предъ святостію мужа. Вскорѣ скончался Германъ въ столицѣ, отъ мороваго повѣтрія, и былъ погребенъ при церкви Николы Мокраго, и только двадцать четыре года спустя, чтившіе его память перенесли петлѣнные останки въ созданную имъ обитель. Митрополитъ Гермогенъ, будущій Патріархъ и страдалецъ за отечество, совершалъ торжественное перенесеніе мощей его. Сколько великихъ именъ и событій связано съ памятію великаго мужа Церкви! Его фелонь, митра и пастырскіи посохъ, имъ самимъ выточенный изъ кости, еще хранятся при его ракъ.

Съ благоговѣніемъ поклонился я Святителю Герману, во время литургіи, въ созданной имъ Успенской церкви, и былъ утѣшенъ ласковымъ приѣмомъ почтеннаго старца, бывшаго однимъ изъ его преемниковъ на кафедрѣ Казанской, Архіепископа Владимира, который избралъ себѣ обитель Св. Германа, для мирнаго успокоенія отъ трудовъ пастырскихъ.

Нигдѣ не представлялась мнѣ менѣ величественною Волга, какъ при перевозѣ недалеко отъ Свияжска. Русло ея стѣснилось промежду песчаныхъ, низменныхъ береговъ, поросшихъ дикимъ кустарникомъ; горы отступили и однообразная равнина, съ перелѣсками, потянулась на двадцать верстѣ къ Казани. Но восточная сѣя Царица открылась вдали, въ полномъ великолѣпіи, съ своимъ бѣлымъ Кремлемъ и красною башнею Сумбеки, которая стала на краю бойницъ, какъ призракъ ея минувшей славы. Смѣшанное чувство гордости народной и утѣшенія духовнаго о покореніи нами сего остатка Золотой Орды, насъ угнѣтавшей, исполнило мое сердце при видѣ многочисленныхъ храмовъ, возвышавшихся изъ-за древнихъ Магометанскихъ бойницъ; радостно предавался я снмъ впечатлѣніямъ, по мѣрѣ приближенія къ городу, который окруженъ съ этой стороны воспоминаніями славной осады. Въ лѣво открылся на высотахъ монастырь Зилантовъ, память страшнаго богатыря и баснословнаго дракона, вошедшаго въ гербъ Казани, и мѣсто первой осадной ставки Юанна; далѣе, на берегу Казанки, могильная пирамида витязей Русскихъ, избіенныхъ во время осады, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла вторая ставка побѣдителя; оттолѣ услышалъ онъ грѣмъ паденія стѣнъ Казанскихъ, при Евангельскомъ возгласѣ: «да будетъ едино стадо и единъ Пастырь». Каналь Булака, нѣкогда соединялъ воды Казанки съ подгороднымъ озеромъ Кабана, и доселѣ напоминаетъ именемъ своимъ предмѣстіе Каира, столицы тысячи одной ночи. Подъ стѣнами Кремля поднялся я на гребень длиннаго холма, на коемъ стоитъ нашъ фантастическій городъ преданій

Восточныхъ, облеченный также воображеніемъ въ очарованныя краски тысячи одной ночи.

Дружескій пріемъ и отрадное уединеніе ожидали меня, по ту сторону города, въ такъ называемой Русской Швейцаріи, на дачѣ Начальника губерніи. Восточное лице и происхожденіе прекрасной хозяйки соотвѣтствовало поэтической мѣстности древней столицы Сумбеки, довершая пріятность впечатлѣній, какъ будто она сама привѣтствовала пришельца, въ прежней своей области. Тамъ посреди искреннихъ бесѣдъ и очаровательныхъ прогулокъ, по рощамъ и оврагамъ Швейцаріи, протекли для меня непримѣтно пять пріятныхъ дней, и это служило для меня отдохновеніемъ на крайней точкѣ моего путешествія; все мнѣ благопріятствовало: и красныя Іюльскіе дни, и теплыя лунныя ночи, какъ будто все соединилось для того, чтобы оставить во мнѣ пріятное воспоминаніе о Казани. Любилъ я на разсвѣтѣ, посреди утренняго благоуханія и тишины, выходить на крайній мысъ овраговъ, выдававшійся изъ рощи, и оттолѣ любоваться чудною картиною Казани и ея окрестностей. Царственный Кремль ея высился надъ обрывомъ рѣки, которая извивалась серебряною лентою по обширной равнинѣ; Зялятовъ монастырь и Кизическій уединенно стояли на своихъ высотахъ, по другую сторону Казанки, и очаровательна была противоположность сельской окрестной тишины съ громоносными вѣкогда бойницами Кремля. Вечеромъ приходилъ я опять, на тотъ же уединенный мысъ, наслаждаться тою же очарованною картиною, которой яркія краски смягчены были серебрянымъ свѣтомъ луны: подъ тонкимъ покрываломъ тумановъ будто

плавали всё предметы, но еще величественнѣе возста-валъ бѣлый призракъ Кремля и Сумбекиной башни, неразлучной съ воспоминаніями минувшаго. Казалось, весь олицетворенный Востокъ древнихъ Болгарскихъ Хановъ, и Батыя съ его Золотою Ордою, и Гиреевъ Крымскихъ, овладѣвшихъ престоломъ Казани, столчился на этой крайней грани своего владычества, и ихъ колоссальныя тѣни сливались въ ту безразличную бѣлую громаду Кремля, которая будто еще грозилась съ одинокаго утеса Казанки, но уже готовая обрушиться и навсегда.

На другой день моего приѣзда, меня ожидало еще одно утѣшительное свиданіе съ давно знакомымъ мнѣ Архіепископомъ Казани, и я посѣтилъ его въ отрадномъ уединеніи, живописномъ по виду, благозвучномъ по имени Іерусалима. Мѣсто сіе подарено было Императрицею Екатериною Митрополиту Веліамину, пострадавшему во время Пугачевского бунта, въ утѣшеніе за претерпѣнную клевету, и тамъ упокоились послѣдніе дни старца. Дѣйствительно, оно создано для успокоенія духовнаго: малый монастырь, прежде тутъ бывшій, обращенъ въ лѣтній архіерейскій домъ, гдѣ проводитъ время въ пастырскихъ заботахъ, любитель уединенія, преосвященный Григорій, вдали отъ городского шума. Но постоянный предметъ его отеческихъ заботъ—вся Казань, открывается предъ нимъ, въ чудной панорамѣ, по ту сторону роскошнаго озера Кабана. Ея Кремлевская святыня издали утѣшаетъ взоры Пастыря, исполненнаго благоговѣйной любви къ основателю своей кatedры, Святителю Гурію, и другу его Варсонофію; близокъ ему сей послѣдній и по тому чувству, что, какъ бы по слѣдамъ

его, перешелъ онъ, изъ родственной ему Твери на это новое духовное поприще. Трогательное съ нимъ прощаніе Тверской его паствы послужить залогомъ того, чего-можетъ ожидать отъ него Казанская.

Странно, что лѣтнее жилище Архіереевъ Казанскихъ было, во времена царства, усадьбою Магометанскихъ Муфтіевъ; должно полагать однако, что это самое послужило причиною основанія тутъ малой обители, для пребыванія духовныхъ Владыкъ покореннаго города. Еще доселѣ благоговѣетъ народъ къ гробницамъ своихъ Имамовъ, конхъ большіе камни, съ куфическими надписями, видны близъ вѣшнихъ воротъ и подлѣ самой церкви. Иногда приходящіе почтить память своихъ усопшихъ, хотятъ посмотрѣть и на Христіанскаго Пастыря Казани; онъ принимаетъ съ духовною простотою, которая дѣлаетъ его доступнымъ каждому, ибо сердце его лежитъ не только къ Православнымъ, но и къ чуждымъ ему по вѣрѣ, и всѣхъ бы желалъ обнять онъ, какъ чадъ своихъ во Христѣ Иисусѣ, подражая въ томъ великимъ своимъ предшественникамъ Гурію, Герману и Варсонофію. Послѣ долгой назидательной съ нимъ бесѣды, я поѣхалъ въ городъ, вдоль живописнаго озера, чтобы тамъ, въ стѣнахъ Кремля, воздать должное поклоненіе Первопрестольнику Гурію и Святителю Варсонофію, которые положили начало спасенія Казани, и доселѣ ее соблюдаютъ своими молитвами.

По главной Воскресенской улицѣ, пролегающей вдоль гребня Казанскаго холма, вѣхалъ я въ Спасскія ворота Кремля, напоминающія собою Тайницкія, что въ Москвѣ, и освященныя Церковію во имя Нерукотвореннаго образа

Спасова. Вездѣ на Святой Руси тотъ же неизмѣняемый образецъ ея священныхъ преданій, не только въ храмахъ, но и въ самыхъ твердыхъ: икона Спасова сторожитъ главный входъ, надворотная церковь осѣняетъ входящихъ; далѣе, на противоположномъ концѣ узкаго Кремля, есть Водяныя или Иорданскія ворота, для крестныхъ выходовъ на рѣку, въ торжественные дни Богоявленія, Преполовенія и Всемилостиваго Спаса. Есть и обитель Спасская у главныхъ воротъ, чтобы молитва и благословеніе иноковъ встрѣчали и провожали, въ преддверіи заѣтной твердыни, которая заключаетъ въ себѣ драгоценнѣйшую святыню города; кафедральный соборъ, какъ самый кивотъ въ коемъ она хранится, поставленъ въ безопаснѣйшемъ мѣстѣ Кремля, подлѣ жилища Царскаго, тамъ гдѣ уже оканчивается холмъ крутымъ обрывомъ надъ рѣкою. Въ стѣнахъ Казанскаго Кремля, какъ бы въ заѣтной оградѣ Московскаго, тѣмъ же теплымъ чувствомъ любви къ отечеству согрѣвается сердце, при повтореніи близкихъ ему предметовъ.

СВЯТИТЕЛЬ ГУРІЙ.

Если новою, великолѣпною пристройкою трапезы, измѣненъ наружный видъ древняго Благовѣщенскаго собора, то по крайней мѣрѣ сохранились стѣны самаго храма, основанныя Св. Гуріемъ на иждивеніе Царя Іоанна, гдѣ самъ Святитель приносилъ безкровную жертву о спасеніи своей паствы:—утѣшительно такое воспоминаніе! Сохранилась подъ соборомъ и тѣсная келлія, въ которой любилъ онъ уединяться для молитвы, какъ бы въ пе-

церѣ. Самый праздникъ Благовѣщенія, въ кафедральномъ соборѣ вновь просвѣщенной земли, свидѣтельствуесть о той единственной цѣли, какую избралъ себѣ благой Пастырь и передалъ преемникамъ своей кафедры, на послѣднихъ развалинахъ Золотой Орды. Но когда сохранилась столь живо память великаго Святителя, въ самыхъ его предначертаніяхъ и церковь имъ сооруженная, — грустно помыслить, что по небрежности тѣхъ, коимъ ввѣрена была сія священная стража, не уцѣлѣли только нетлѣнныя останки самаго Святителя и пламя прикоснулось святому тѣлу, которое невредимо возвратила земля чрезъ многіе годы. Не на великаго Святителя падаетъ печальная тѣнь сего событія, но на безпечныхъ хранителей святыни, если какъ злато искушаемое въ горнилѣ, подвергся онъ и послѣ блаженной своей кончины, огненному испытанію, коего не избѣжали и останки Мучениковъ первыхъ вѣковъ Христіанства.

Вся жизнь сего пламеннаго подвижника Православія была какъ одно всесозженіе Господу, котораго возлюбилъ онъ паче всего краснаго въ мірѣ, и ея начало есть какъ бы повтореніе библейскихъ страницъ о праведномъ Іосифѣ. И онъ, одаренный необычайною красою, проходя самъ отъ благородныхъ родителей, поступаетъ въ услуженіе къ сильному Князю, и поставленъ начальствовать надъ всѣмъ его домою; и онъ, сдѣлавшись предметомъ страсти его нечестивой жены, мужественно преодолеваетъ искушеніе, но ради цѣломудрія терпитъ клевету и, подобно Іосифу, свергнутъ въ темницу; въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ бы уже умершій, забытъ онъ людьми, но не забытъ Богомъ, выдающимъ втайнѣ его добро-

дѣтель. Какъ же проводилъ время въ темницѣ невинный узникъ?—Онъ упросилъ одного изъ друзей своихъ, который его не оставлялъ, приносить ему вмѣсто пищи все нужное для письма и, въ свободное отъ молитвы время, писалъ азбуки для дѣтей, а деньги, выручаемыя за ихъ продажу, велѣлъ раздавать нищимъ, не почитая себя въ числѣ ихъ. Что дивнаго, если благодать Божія видимо посѣтила наконецъ исполнителя заповѣдей Христовыхъ и раскрыла ему, чуднымъ образомъ, двери темницы, какъ нѣкогда Апостолу Петру? Онѣ сами отверзлись по исполненіи двухъ лѣтъ, когда уже всѣ почитали его умершимъ, и никѣмъ невидимый вышелъ, чтобы заключиться въ другую вольную темницу, въ обитель иноковъ, строжайшую того времени, Іосифа Волоколамскаго. Еще живъ былъ тогда святой основатель, и самъ постригъ достойнаго послушника Гурія, который вскорѣ заступилъ его мѣсто, но столь же скоро и отказался отъ настоятельства, потому что душа его жаждала только уединенія и молитвы. Однако молва о его добродѣтеляхъ достигла до слуха царскаго; Іоаннъ, тогда еще ревнитель благочестія, вызвалъ строгаго отшельника для управленія монастыремъ Селижаровымъ въ Тверской епархіи, и возлюбивъ его духовную бесѣду, никого инаго не хотѣлъ избрать на открываемую имъ епархію Казанскую, близкую его сердцу, потому что самъ покорилъ невѣрное царство. Онъ избралъ ему и двухъ благочестивыхъ сподвижниковъ, Архимандритовъ Германа и Варсонофія, которые должны были основать обители въ Казани и Свіяжскѣ, и вмѣстѣ съ нимъ проповѣдывать слово истины.

Не менѣ ихъ великій, описатель житія сихъ трѣхъ подвижниковъ, Гермогенъ Митрополитъ Казанскій, и впоследствии Патріархъ и страдалецъ за вѣру, говоритъ: что два раза, по два жребія, клали на престолъ Успенскаго собора, при избраніи Гурія, и два раза падалъ на него жребій, такъ что Царь и Митрополитъ и весь Соборъ купѣ воздали славу Богу: «яко избра Богъ мужа преподобна и свята новопросвѣщаемому граду Казани». Въ присутствіи семидесяти шести духовныхъ лицъ совершилось рукоположеніе Гурія, и новому Владыкѣ подчинено было царство Казанское и окрестные его улусы, градъ Свияжскъ съ нагорною его стороною, Васильгородъ и вся Вятская земля, съ титуломъ Архіепископа, втораго по степенн Іерархической. Ревностный Іоаннъ опредѣлилъ для содержанія новой епархіи десятину доходовъ покореннаго царства, и повелѣлъ всѣмъ Архіереямъ сдѣлать въ пользу ея пожертвованіе деньгами и хлѣбомъ; впоследствии же писалъ еще къ Святителю Гурію, чтобы обо всемъ къ нему обращался, общія удовлетворять по прежнему всѣ его просьбы.

Какъ благоразумно и назидательно наставленіе данное Архіепископу, для управленія новою паствою, которую еще надобно было приобрѣсти изъ тьмы язычества! Царь внушалъ ему: ласкою приучать къ себѣ невѣрныхъ, приводить ихъ къ крещенію любовію, а не страхомъ или неволею, крестить только тѣхъ, которые изъявляютъ добровольно желаніе креститься, и лучшихъ изъ крестившихся держать и наставлять въ Христіанствѣ въ своемъ домѣ; другихъ отсылать для обученія въ монастыри, обращенныхъ же и научившихся часто призывать къ своей

трапезѣ и угощать; если кто нибудь изъ необращенныхъ придетъ съ просьбою, угощать у себя и таковыхъ и убѣждать къ принятію Христіанства, кроткою и умиленною бесѣдою «безъ жестости», не отсылать отъ купели крещенія и тѣхъ, которые прибѣгнутъ къ ней, подвергшись какой нибудь винѣ гражданской, и по крещеніи, въ случаѣ невозможности держать ихъ въ Казани, отсылать къ самому Царю; по просьбѣ невѣрныхъ брать на поруки, даже обреченныхъ на казнь, и которыхъ можно, держать въ Казани, другихъ отсылать къ Царю, съ просьбою за осужденныхъ. Наконецъ Царь повелѣвалъ Св. Гурію, даже самому, безъ всякой просьбы со стороны невѣрныхъ, ходатайствовать предъ гражданскимъ судомъ за тѣхъ изъ нихъ, которые подвергнутся легкимъ винамъ, и всѣми обычаями, какъ возможно, людей къ себѣ пріучать».

Умилительно чптать, въ житіи Св. Гурія, какимъ образомъ, по устроенію самаго Царя, совершилось отправленіе въ путь Святителя, со всѣми его сослужителями, для открытія новой епархіи. 26 Маія 1555 года, Митрополитъ Макарій пѣлъ соборный молебенъ въ храмѣ Успенія Богоматери, въ присутствіи Царя и двухъ его братьевъ, и со всѣмъ духовенствомъ и множествомъ народа, провожалъ изъ Кремля, Св. Гурія. Предъ Флоровскими вратами, что нынѣ Спасскія, еще однажды совершено молебствіе, и новый Владыка окропиль основаніе Покровскаго собора, недавно заложеннаго въ память покоренія того царства, куда онъ шелъ святительствовать. Тутъ принялъ отъ него послѣднее благословеніе Царь и простился Гурій съ братією своею

духовною, напутствованный благословеніями Владыки Макарія. Многочисленныя ладьи приготовлены были на Москвѣ рѣкѣ, и все соборное шествіе Казанское поплыло къ Симоновой обители, гдѣ служилъ послѣднюю въ Москвѣ литургію Святитель Гурій, ибо оттолѣ собственно должно было начаться его страствованіе по водамъ. На другой день пустился онъ въ дальнѣйшій путь; во всѣхъ прибрежныхъ селеніяхъ и городахъ дѣлаемы были ему торжественныя встрѣчи, по предписанію Царя, и въ каждомъ говорилъ онъ поучительное слово. Вступивъ въ предѣлы своей епархіи, назнаменовалъ онъ мѣсто новому городу Чебоксарамъ, обойдя его со крестами и, въ полотняной церкви, совершилъ первую литургію тамъ, гдѣ положено основаніе Введенскому собору. Также обошелъ онъ крестнымъ ходомъ и стѣны Свіяжска, и Кремль Казанскій, прежде нежели водвориться на своей кафедрѣ, и въ день прибытія, 18 Іюля, заложилъ для нее соборный храмъ: — столь духовно было начало Казанской епархіи.

Первымъ дѣломъ Св. Гурія, при учрежденіи кафедры, было основаніе трехъ обителей: Спасской въ Кремлѣ, Зилантовой и Свіяжской, ибо онъ зналъ по опыту, что ничто столько не утверждаетъ вѣры Христіанской въ новопросвѣщаемой странѣ, какъ жизнь подвижническая иноковъ и образованіе духовное юношества при монастыряхъ. Посему и обратился къ Царю, прося его снабдить новыя обители средствами къ содержанію, «дабы старцамъ не было нужды, собственными руками орать землю, сѣять сѣмена снѣдаемыя и собирать ихъ въ жатвицы гнѣющія, но да орютъ сердца, сѣютъ сло-

веса Божія и собираютъ души въ жилища вѣчныя, для наслѣдія царства небеснаго и благъ вѣчныхъ.» Уразумѣлъ Христіанское прошеніе Святителя уважавшій его Царь и, исполнивъ все его желанія, писалъ ему въ отвѣтъ: «о какъ бы счастлива была Русская земля, если бы все Владыки были таковы, какъ преосвященный Макарій, ты, и Діонисій.»

Еще при жизни Святителя Гурія, училища монастырскія принесли обильную жатву, просвѣщеніемъ многихъ тысячъ Магометанскихъ дѣтей; онъ самъ ежедневно подвизался въ дѣлѣ проповѣди, не пропуская ни одной литургіи, безъ истолкованія слова Божія; ему охотно внимали уважавшіе и любившіе его жители Казани, ибо въ немъ дѣйствительно видѣли Пастыря и отца нищихъ, утѣшителя въ скорбяхъ и заступника сирыхъ противъ всякаго насилія. Самъ же онъ, проходя съ такою заботливостію свое высокое поприще, не оставлялъ и прежнихъ подвиговъ иноческихъ обители Волоколамской, и всегда памятовалъ скорбную темницу, гдѣ провелъ два тяжкіе года своей юности; онъ устроилъ себѣ тѣсную келью, подъ сводами придѣльной церкви Бориса и Глѣба, и тамъ проводилъ ночи въ молитвѣ. Такое напряженіе силъ тѣлесныхъ и душевныхъ разстроило наконецъ его крѣпкое сложеніе; трехлѣтняя болѣзнь была вѣстницею приближающейся кончины, но недугъ тѣлесный не ослабилъ мужественной души; на рукахъ приносили старца въ храмъ и, сидя, продолжалъ онъ поучать народъ. Предузнавъ часъ своей кончины, Святитель призывалъ друга своего, Архимандрита Варсонофія и, принявъ отъ его руки схиму,

скончался 4 Декабря 1364 года, послѣ десятилѣтняго управления паствою Казанскою.

Онъ завѣщалъ погребсти тѣло свое за олтаремъ Спасской обители, и, другъ его исполнилъ свято повелѣнное пастыремъ. Бояринъ Іоаннъ Застолбскій устроилъ часовню надъ его гробомъ, и тутъ же похоронилъ сына своего Нектарія, инока юнаго годами, но созрѣвшаго подвигами; самъ онъ, отходя въ вѣчность, уже подъ схимою, съ именемъ Іюны, просилъ положить себя подлѣ близкихъ ему по сердцу усопшихъ. «Вѣрую, говорилъ старецъ, молитвамъ Святаго, ибо онъ обѣщаль, что и о насъ умолитъ Бога.» Погребальная сія часовня приняла въ послѣдствіи и тѣло Святителя Варсонофія, когда возвратился онъ съ Тверской своей каѳедры въ прежнюю обитель, и сдѣлалась такимъ образомъ сокровищницею святыхъ мощей; двадцать лѣтъ спустя, когда предположено было расширить соборный храмъ Преображенія, въ монастырѣ Спасскомъ, Митрополитъ Гермогенъ обрѣлъ въ 1596 году нетлѣнныя тѣлеса обоихъ Святителей. «Тогда, говоритъ въ житіи ихъ будущій Патріархъ, сказано было о томъ моему смиренію. Принесши, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, безкровную жертву Господу Богу, мы пошли въ монастырь и поклонились гробамъ преподобныхъ отецъ Гурія и Варсонофія. Вскрывъ гробы, увидѣли то, чего не ожидали: рака Святаго была полна благоуханнаго мура, мощи его какъ губа носились поверхъ; нетлѣніемъ одарилъ Богъ честное и многотрудное тѣло, какъ то всѣ видятъ и нынѣ: только верхней губы немного коснулось тлѣніе; прочіе же члены были цѣлы».

«Я, недостойный, многогрѣшною рукою моею коснулся святаго тѣла, осязавъ ризы, въ которыхъ онъ былъ погребенъ, и онѣ были весьма крѣпки. Попытался съ силою потянуть и мантию его и прочія погребальныя одежды, но онѣ были крѣпче новыхъ. Во главахъ у преподобнаго Гурія лежалъ Греческій клубукъ вязаный, который, по сказанію учениковъ Св. Варсонофія, былъ дѣланъ преподобнымъ для Гурія и, по смерти Святителя, положенъ недоконченнымъ въ возглавіе его гроба. Мы соборнѣ осмотрѣли этотъ клубукъ и, взявъ одну прядь изъ него, едва могли ее преторгнуть, потому что она была крѣпче новой. Мы перелили благоуханное честное муро въ новый сосудъ, и православные Христіане, пользуясь тѣмъ муромъ, непрестанно получали исцѣленіе».

«Дивясь неизреченному челоуѣколюбію Божию, продолжаетъ Митрополитъ Гермогенъ, мы со слезами и радостію пропѣли надгробныя пѣсни надъ преподобными отцами и поставили ихъ поверхъ земли, дабы всѣ приходящіе видѣли ихъ и, дивясь славили Бога, прославляющаго Святыхъ своихъ, и цѣловали съ вѣрою святыхъ и честныхъ мощи ихъ. Два же монаха, Іона и Нектарій, кои имѣли несомнѣнную вѣру къ святому Гурію и, по своему желанію, были положены съ нимъ въ одной гробницѣ, и они также почтены были многимъ нетлѣніемъ. Пропѣвъ и надъ ними надгробныя пѣсни, мы предали ихъ землѣ. О всемъ же этомъ возвѣстили писаніемъ Государю Царю Самодержцу, Великому Князю Феодору Іоанновичу и Святѣйшему Іову Патріарху Московскому и всея Россіи, съ Арсеніемъ Архимандритомъ той же честной обители, и святыи Царь и святыи Патріархъ и

весь Царскій синклитъ и множество благочестивыхъ воздали славу Богу».

По волѣ Царской устроенъ былъ придѣлъ, во имя Святителей Гурія и Варсонофія, при соборной церкви Преображенія, и тамъ поставлены мощи обонхъ, связанныхъ между собою узами духовной дружбы, какъ вѣкогда святые Іерархи Василій и Григорій Богословъ. Митрополитъ Казанскій Матвей перенесъ въ 1620 году мощи Св. Гурія въ соборъ Благовѣщенскій, гдѣ была его каеэдра, по благоговѣйному желанію, дабы сей женихъ церковный и преемникъ Апостольскаго престола видимъ былъ тамъ всею паствою; во время перенесенія чудное благоуханіе сопутствовало шествію церковному. Службу Чудотворцу Гурію составилъ Святитель Димитрій Ростовскій, подобно ему прославленный въ ликахъ Святыхъ, и написалъ для него похвальное слово, достойное обонхъ. Во время страшнаго пожара, 1742 года, святыя мощи вынесены были не только изъ собора, но даже изъ Кремлевскихъ стѣнъ; но въ 1815 году, другой страшный пожаръ повредилъ ихъ цѣлость, ибо онѣ оставлены были въ пылающемъ храмѣ и загорѣлась рака. Однако собраны ихъ драгоцѣнные останки для благоговѣйнаго чествованія и, вмѣстѣ съ ними, хранятся въ соборѣ другіе священные залогн Святителя: риза его и келейныя святцы и, Евангеліе, подаренное другомъ его Варсонофіемъ, написанное въ Твери еще въ XV вѣкѣ, и дубовый костыль и часть его гробовой доски. Но кромѣ того, каждое мѣсто въ храмѣ освящено его молитвеннымъ потомъ и священная стопа его прикасалась къ каждой плитѣ соборнаго помоста. «Вѣруемъ, восклицаетъ Св. Ди-

митрій Ростовскій, яко толико угодилъ Богу своимъ подвигомъ, елико и святые Мученики своими страданіями, ибо житіе его было повседневное мученичество и каждая капля его пота была благоприятна Господеву, якоже и капли крови за Христа проліянныя; равныя бо честности есть потъ трудолюбца, любви ради Христовой плоть свою по вся дни умерщвляющаго, и кровь Мученика, единымъ часомъ умирающаго, понеже равную отъ Бога приѣмлютъ благодать и цѣлебную силу».

ДВОРЕЦЪ СЪ КРЕМЛЕМЪ.

Изъ кафедральнаго собора перешелъ я въ новый дворецъ Царскій, великолѣпно воздвигаемый подлѣ храма, во вкусѣ Византійскомъ и соотвѣтственно красотѣ мѣста. Какъ счастлива царственная мысль: украсить дворцами знаменитѣйшіе города обширной Имперіи, подобно Нижнему и Казани, чтобы возвысить ихъ достоинство. Чудный видъ открывается, изъ оконъ жилища Царскаго, на быструю Казанку, которая въ этомъ мѣстѣ огибаеть дугою крутой холмъ Кремля, и на дальнее ея теченіе по широкой равнинѣ, оживленной предмѣстіями города. Вдали сверкаетъ на солнцѣ, какъ бы змѣиною чешуей, царственная Волга и помаваетъ мачтовый лѣсъ ея барокъ. Какова же должна быть весенняя картина, когда все это Казанское поле поемлется водою и обращается въ море, покрытое судами, подплывающими къ самому городу?—Изъ влажной равнины возстають только, какъ оазисы въ пустынѣ, погребальная пирамида Русскихъ и нѣскольکو разсѣянныхъ зданій, а на краю

весеняго моря многобашенная обитель Зилантова и Кизическая, подъ ея живописною рощею, красуются на высотахъ, недоступныя стремленію волнъ, которыми поглощено теченіе Казанки у подошвы Кремля.

Старая двухъярусная церковь, вѣроятно первыхъ временъ завоеванія, примыкаетъ къ дворцу; своды ея отчасти обрушились отъ покатоности мѣста, но зодчество носить отпечатокъ Византійскій и вполне соотвѣтствуетъ новымъ палатамъ Царскимъ, съ которыми будетъ соединена. Неизвѣстно кому праздновало давно опустѣвшее святилище; можно предполагать однако, что если въ Москвѣ основанъ былъ, въ память взятія Казани, соборъ Покрова Богоматери, такъ какъ въ этотъ день сдѣланы были всѣ распоряженія къ прѣступу, то, конечно, и въ Казани соорудили при самомъ началѣ храмъ во имя Покрова, тѣмъ болѣе, что кафедральный праздновалъ Благовѣщенію. Желательно, чтобы обновляемая церковь получила и прежнее наименованіе. Нѣкоторые предполагаютъ, что на этомъ мѣстѣ стояла главная мечеть Царей Казанскихъ, и это весьма вѣроятно, по смежности бывшаго ихъ дворца; легко быть можетъ, что и самая церковь вначалѣ передѣлана изъ мечети, и отъ того такъ ветхи ея стѣны; можно думать, что и принадлежащая къ ней красная колокольня передѣлана изъ Татарской башни, потому что и доселѣ она носить имя Сумбекпной, въ память послѣдней Царицы Казанской, хотя однако зодчество болѣе отзывается вкусомъ Московскимъ, нежели Татарскимъ. Преданіе народное любитъ украшать старые памятники какимъ нибудь славнымъ именемъ, и обыкновенно избираетъ его

изъ послѣдней эпохи своей славы, дабы оно ближе говорило сердцу и крѣиче связывало настоящее съ минувшимъ. Сумбеккина башня есть какъ бы Палладіумъ Казани, драгоценный для ея жителей, равно Христіанскихъ и Магометанскихъ, ибо время стерло на немъ слѣды чуждой вѣры, ради общаго воспомнанія древней славы царства.

КРАТКАЯ ЛѢТОПИСЬ КАЗАНИ.

Но отколѣ царство сіе, обломокъ Золотой Орды, распавшейся на три, Казанскую, Астраханскую и Крымскую?—Это наслѣдіе славнаго нѣкогда царства Болгарскаго, противъ котораго издавна воевали Князья наши: Равноапостольный Владиміръ, и Андрей Боголюбскій, и Всеволодъ Великій, доколѣ не стерлось оно подъ бурнымъ стремленіемъ Ордъ Монгольскихъ. Еще видны къ югу, на берегахъ Волги, за полтораста верстъ отъ Казани, обширныя развалины нѣкогда знаменитыхъ Болгаръ или каменнаго града, гдѣ сосредоточивалась торговля Арабская и Славянская, и гдѣ также прославились наши Христіанскіе мученики, Авраамій и Феодоръ, подъ мечемъ Магометанъ.

На обломкахъ царства Болгарскаго основалось Казанское, но не скоро возмужало, ибо и послѣ Монголовъ держались еще, до временъ Тамерлана, потомки древнихъ Хановъ племени Арабскаго, въ обновленныхъ стѣнахъ Болгаръ; но опустошительное нашествіе завоевателя Самаркандскаго все истребило, и уже навсегда. Между тѣмъ, за сорокъ верстъ отъ нынѣшней Казани,

возникла старая, которой начало облечено баснословными рассказами: тутъ и двухглавый драконъ Зилантъ, пожвращающій вмѣстѣ злакъ полей и чловѣковъ, и мощный чародѣй, убивающій его своими чарами, и путевой котель Ордынскаго завоевателя, падающій въ рѣбу и дающій ей и новому городу свое названіе Казани: неизвѣстно только лице основателя. Называютъ его Саинъ-Ханомъ, и одни хотятъ видѣть въ немъ сына Батыева, другіе самаго страшнаго завоевателя, по титулу почетному Сагина, который носилъ Батый.

Дотолѣ не было страшно Россіи змѣнное гнѣздо Зиланта, шивѣвшее только въ своихъ предѣлахъ, и не разъ нападала на него изъ Вятки вольница Новгородская, возбуждая его жало. Великій Князь Суздальскій Дмитрій, соперникъ Донскаго, и самъ Донской витязь и сынъ его Василій, съ успѣхомъ наступали на слабую Казань, и опустошали самый городъ, за грабежи беспокойныхъ его жителей; походъ Василіевъ положилъ какъ бы конецъ старой Казани, ибо съ тѣхъ поръ молчать о ней лѣтописи, но горько отозвался походъ сей сыну его Темному. При дѣтяхъ послѣдняго Хана Болгарскаго, Амни— в Алтынъ-Бекахъ, которые спаслись отъ Тимура, исчезаетъ старое урочище Казани и возникаетъ новое, прославленное воинскимъ духомъ ихъ преемника Улу-Махметъ-Хана. Бѣглець Ордынскій, изгнанный своимъ братомъ, смиренно просилъ себѣ зимовья на берегахъ Оки у союзника, Великаго Князя Московскаго, но Темный, опасаясь его усиленія, сталъ тѣснить пришельца и возбуждалъ его мщеніе. Измѣна выдала Хану войско Московское, которое разсѣялось предъ горетію Ордынцевъ; не

ослѣнились однако своимъ успѣхомъ пришелецъ и удалился внизъ до Волгѣ, ибо чувствовалъ, что не можетъ утвердиться стопа его на землѣ Русской; онъ искалъ себѣ болѣе прочной основы въ предѣлахъ Болгарскихъ и укрѣпилъ новую Казань. Отовсюду стали стекаться къ нему, трепетавшіе дотолѣ имени Русскаго, Болгары, Монголы и Черемисы, и быстро возрасла Казань, вскорѣ затмившая славу Сарая, ослабѣвшей столицы Золотой Орды: «И преиде, говоритъ краснорѣчивая лѣтопись наша, царская слава и честь и величество Большія Орды, престарѣя матери Ордамъ всѣмъ, на преокаянную дщерь, младую Казань, и паки возрасте царство и оживе, яко древо умершее отъ зимы, и наставшей веснѣ и возсіявшу солнцу и обогрѣвшу, отъ злаго древа, отъ Златя Орды, злая сія вѣтвь произыде Казань и отъ нея горькій плодъ.»

Надъ Василіемъ Темнымъ разразился первый ударъ могущества Казаискаго, которое потомъ въ теченіе цѣлаго вѣка тревожило Россію. Улу-Махметъ, внезапно овладѣвъ Нижнимъ, подступилъ къ Суздалью; ночью напали Татары на безпечный станъ Русской и самъ Великій Князь сдѣлался ихъ добычею; но вскорѣ Царь отпустилъ царственнаго плѣнника за богатый выкупъ, услышавъ о возмущеніи Казани; онъ погибъ подъ мечемъ старшаго сына Мамутека, который овладѣлъ его престоломъ. Братья убійцы, Якубъ и Касимъ, бѣжали въ Россію, и Темный далъ имъ въ удѣлъ городокъ Мещерскій на Окѣ, который доселѣ извѣстенъ подъ именемъ Касимова. Мамутекъ не былъ страшенъ Россіи; отрокъ Іоаннъ, сынъ Темнаго, отразилъ его ватаги въ предѣлахъ Му-

ромскихъ. Новый искатель царства Казанскаго явился изъ улусовъ Волжскихъ, Ибрагимъ Ханъ, пасынокъ обрусѣвшаго Касима, и взаимное опустошеніе пограничныхъ областей ознаменовали закоснѣлую вражду Русскихъ и Татаръ, во все продолженіе царствованія великаго Іоанна; самъ онъ двинулся однажды съ войскомъ противъ Казани, но возвратился, занятый болѣе собраніемъ воедино всей земли Русской; на Вяткѣ продолжались частыя стычки вольницъ обоихъ народовъ. Однако, если не лично Іоаннъ, то его дружина спустилась Волгою до Казани, ворвалась съ огнемъ и мечемъ въ предмѣстіе города, и вызвала Татаръ на новое кровопролитіе въ нашихъ предѣлахъ. Братъ В. Князя явился опять подъ стѣнами, и вынудили Ибрагима заключить миръ, къ которому давно уже склоняла его мать, вдова Царя Касимовскаго. Всѣ плѣнные Русскіе были освобождены и обширные предѣлы Пермскіе сдѣлались достояніемъ Іоанна, который тяжело налегъ съ Сѣвера на Ордынское царство, смиряя за-Камскіе грабежи; Воевода Русскій Образецъ былъ грозою Казани.

Смерть Ибрагима накликала новыхъ враговъ Россіи, ибо престолъ его сдѣлался наслѣдіемъ Гиреевъ Крымскихъ. Орда Нагайская провозгласила Царемъ Алей-Хана, сына Ибрагимова, но соперникомъ его былъ Махметъ-Аминъ, котораго честолюбивая мать, Нурь-Султанъ, послѣ смерти Царя Касимовскаго, вступила въ бракъ съ сильнымъ Менгли-Гиреемъ Крымскимъ. Вел. Князь, по дружбѣ къ Хану, держалъ сторону его пасынка и далъ ему въ удѣлъ Каширу до воцаренія въ Казани. Сила Іоаннова превозмогла. Вскорѣ Алей-Ханъ впалъ въ руки

Князя Данила Холмскаго, подступившаго къ его столицѣ; она присягнула новому Государю Болгарскому, по титулу принятому Великимъ Іоанномъ; Махметъ-Аминь уже царствовалъ какъ данникъ Россіи, а его соперникъ посланъ въ заточеніе на Бѣло-озеро, сдѣлавшееся мѣстомъ ссылки Хановъ. Какой чрезвычайный оборотъ дѣлъ человѣческихъ! Давно ли первый Іоаннъ Московскій принужденъ былъ ходить въ дальнюю Орду, на поклоненіе Хапамъ, и отецъ новаго Государя Болгарскаго не былъ ли еще самъ поставленъ на царство Мурзой Ордынскимъ и потомъ плѣнникомъ въ Казани? И вотъ уже Россія дастъ ей отъ себя Царей и свергаетъ непокорныхъ! Но царствованіе Мехметъ-Аминя бурно было для его области, тревожно для Россіи, и нѣсколько разъ падалъ онъ съ своего шаткаго трона, измѣняя своему благодѣтелю Іоанну.

Мурзы Казапскіе не прощали ему подданства Россіи; вызванный ими изъ Орды Мамукъ-Ханъ овладѣлъ Казанью, и стольже скоро былъ свергнутъ; но они уже не хотѣли имѣть Царемъ бѣжавшаго въ Россію Махметъ-Аминя, и просили себѣ у Іоанна брата царскаго, Абдуль-Летифа, другаго пасынка сильнаго Менгли-Гирея. Согласился Вел. Князь, но, пославъ Князя Холмскаго воцарить одного брата, утѣшилъ другаго богатымъ удѣломъ за утраченное царство. Недолго властвовалъ и Абдуль-Летифъ; возмечтавшій о независимости, онъ былъ сосланъ въ то же горькое заточеніе Бѣлозерское; опять воцарился Махметъ-Аминь, и на сей разъ измѣнилъ. Вдова Алей-Хана, овладѣвшая его сердцемъ, возбудила его противъ Россіи, и внезапно ограбилъ онъ купцовъ

Русскихъ, на знаменитой ярмаркѣ, которая каждое лѣто сзывала въ Казань богатѣйшихъ промышленниковъ Сибири и Востока: многіе погибли, другіе проданы въ неволю или разсажены по темницамъ; золото Русское блистало на пирахъ царскихъ и богатило Казань. До 60.000 Татаръ и Нагайцевъ ринулись въ предѣлы наши и осадили Нижній, гдѣ съ горстью храбрыхъ засѣлъ славный Воевода Хабаръ Симскій, но одинъ счастливый выстрѣлъ съ городской башни, поразивъ Хана Нагайскаго, разсѣялъ все сіе скопище.

Великій Іоаннъ скончался, не успѣвъ наказать Махметъ-Амня, и чувствительно стало отсутствіе мощной руки, державшей кормило. Стотысячное войско Русское, съ успѣхомъ подступившее къ Казани, обращено было въ бѣгство по неосторожности вождей; на полѣ Арскомъ ликовала своя побѣда Махметъ-Амнь, когда внезапно изъ него опять нахлынули дружины Русскія, подъ предводительствомъ брата Великокняжескаго, разсѣяли безоружныхъ и могли бы ворваться вмѣстѣ съ нимъ въ Казань; но роскошная добыча обольстила побѣдителей: развлеченные ею, они забыли, что ликуютъ въ станѣ враговъ; на разсвѣтѣ толпы ихъ со всѣхъ сторонъ напали на шумныхъ отъ вина, гнали ихъ до судовъ; погибли два именитые Воеводы, Палицкій и Курбскій, и только на судахъ могли спастись остальные войска. Хитрый Махметъ-Амнь, предвидя висѣвшую надъ нимъ грозу, самъ просилъ мира, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ Русскихъ и присягнулъ Василію, какъ нѣкогда великому его отцу. По вліянію Крымскаго двора, брату его Абдуль-Летифу данъ былъ удѣлъ, и ихъ мать Нуръ-Салтанъ

сама прїѣзжала мирить сыновей своихъ съ Вел. Княземъ; но уже смертная болѣзнь постигла обоихъ, и Царь Казанскій, умирая, просилъ себѣ въ преемники младшаго брата Саибъ-Гирея.

Опытный Василій не могъ согласиться на воцареніе питомца Крымскаго, котораго поддерживали сильные Ханы, искавшіе утвердить свое владычество надъ Казанью. Великій Князь избралъ воспитаннаго въ Россіи Шихъ-Алея, изъ рода Царевичей Астраханскихъ, который владѣлъ удѣломъ Касимовскимъ, и народъ, вмѣстѣ съ новымъ Царемъ, обязанъ былъ клятвою въ вѣрности Государю Московскому. Опять закипѣло негодованіе вельможъ Татарскихъ, за преданность властителя ихъ Россіи; происки Крымскіе вознѣтали пламя бунта и внезапное появленіе Саибъ-Гирея рѣшило участь Шихъ-Алея. Заключенный сперва въ темницу, въ рубищѣ былъ отпущенъ развѣнчаный Царь, и опять пострадали куницы Русскіе отъ непостоянства дѣлъ Казанскихъ. Почетно встрѣченъ былъ на границѣ и въ Москвѣ бывший властитель; между тѣмъ, оба Гирея, изъ Казани и Крыма, явились съ полчищами подъ Коломною, все предавая огню и мечу, и уже приближались къ Москвѣ, но, услышавъ о убіеніи Нагайцами стараго Хана Менгли-Гирея, бѣжали обратно каждый въ свои предѣлы. Напрасно новый Ханъ Крымскій, Саидъ-Гирей, просилъ помилованія у Великаго Князя для своего родича Казанскаго; Василій послалъ бывшаго Царя Шихъ-Алея, съ многочисленною дружиною къ Казани, и велѣлъ заложить на перепутыи городъ Васильсурскъ. Испуганный Саибъ прибѣгнулъ къ покровительству Султана Турецкаго: оно было отвергнуто Ва-

силіемъ, и мятежникъ бѣжалъ, услышавъ о приближеніи законнаго Царя съ многочисленнымъ войскомъ. Царственный бѣглець оставилъ въ городѣ племянника, юнаго внука Менгли-Гиреева, Сафа-Гирей, который и былъ провозглашенъ Царемъ. Бездѣйствіе Русскихъ и гибель судовъ нашихъ на Волгѣ, въ засадѣ Черемисской, спасли на сей разъ Казань и утвердили юнаго Крымца на шаткомъ престолѣ.

Мирное посольство явилось къ Василию, прося о признаніи новаго ихъ Царя, съ обѣщаніемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ, но недолго продолжался миръ. Между тѣмъ Вел. Князь, ограждая купцовъ своихъ отъ частаго насилія, не велѣлъ имъ ѣздить для торга въ Казань и учредилъ на Волгѣ, близъ обители Макарьевской, новую ярмарку, которая доселѣ процвѣтаетъ; скоро перешли къ ней богатства Казани, ибо главные пушные товары были Русскіе и наиболѣ привлекали купцовъ Восточныхъ; это нанесло тяжкій ударъ благосостоянію Татарскаго царства. Возмущавшій Сафа-Гирей сталъ укрѣплять Казань и оскорбилъ посла великокняжескаго. Начались опять военныя дѣйствія подъ самымъ городомъ; полки наши воспользовались нечаяннымъ пожаромъ деревянныхъ стѣнъ, чтобы воротиться въ укрѣпленія; но хотя и бѣжалъ Сафа-Гирей, они не взяли самага Кремля. Однако послы Татарскіе явились съ повинною въ станъ Русской и, по ихъ просьбѣ, братъ прежняго Царя Дженъ-Алей былъ возведенъ на царство, ибо Казанцы не хотѣли болѣе повиноваться слабому Шихъ-Алею.

Недолго царствовалъ преданный Россіи Дженъ-Алей; прояски Сафа-Гирей, котораго поддерживалъ братъ его

Саибъ, уже властвовавшій въ Крымѣ, были виною смерти юнаго Царя, измѣнически убитаго своимъ народомъ. Тяжко было для правительства Русскаго узнать, что и Шихъ-Алей, взысканный милостями Вел. Князя, входилъ также въ тайные переговоры съ Ордою, завидуя возвеличенію брата; Царя Касимовскаго сослали на Бѣло-озеро, но вскорѣ испросилъ онъ прощеніе царственнаго отрока Іоанна, когда водворился опять въ Казани Сафа-Гирей, женившись на прекрасной вдовѣ убіеннаго имъ Царя, Сумбекѣ, дочери Мурзы Нагайскаго Юсуфа. Онъ приобрѣлъ чрезъ нее сильную помощь Орды Нагайской и Астраханской и, пользуясь внутренними смутами малолѣтства Іоаннова, громилъ своими набѣгами предѣлы Русскіе. Слабо отражали его нападенія, которымъ содѣйствовала и Орда Крымская, доколѣ наконецъ разбитіе Саибъ-Гирей и миръ, который онъ вынужденъ былъ просить у Россіи, не поколебалъ довѣренности Казанцевъ къ своему Царю. Провѣдавъ, что подданные хотятъ выдать его Іоанну, Сафа-Гирей бѣжалъ, и вторично возведенъ былъ на его престолъ Шихъ-Алей. Уже на сей разъ не льстилъ онъ себя сладкими надеждами о независимости и не радовался престолу, на который взошелъ только по волѣ Іоанпа. Презираемый народомъ, бѣжалъ какъ только услышалъ, что Сафа-Гирей съ своими Нагайцами уже на Камѣ.

Преданіе говорятъ, что Царевна Горшанда, сестра Махметъ-Аминя, славившаяся чародѣйствомъ, явно предсказывала о скоромъ паденіи Казани и о несчастной участи Сафа-Гирей, которому всегда была враждебна, но не хотѣлъ ей вѣрить выходецъ Крымскій, надѣясь на силы

союзниковъ. Потоками крови думалъ онъ утвердиться на царствѣ и почетные Мурзы пали отъ руки его; большая часть ихъ бѣжала въ Россію. Самъ Іоаннъ, уже возмужавшій, подвигся въ походъ противъ Казани; но еще не ударилъ часъ ея, и неудаченъ былъ походъ Царскій отъ ненастья; однако военныя дѣйствія не прекращались зимою и лѣтомъ, до самаго паденія враждебнаго царства. Не пережилъ его Сафа-Гирей: нетрезвый убитъ до смерти, оставивъ послѣ себя юную вдову и младенца Утремишь-Гирея правителями потрясеннаго царства, которое не могла спасти и мужеская рука. Мурза Нагайскій Юсуфъ сдѣлался душою правленія, возбуждалъ дочь свою искать помощи у Орды; но уже Іоаннъ подступилъ къ Казани и осадилъ ее, не смотря на лютые морозы.

Тогда Юсуфъ предложилъ Царю выдать дочь свою за Шихъ-Алея и тѣмъ утвердить престолъ за сыномъ Сафа-Гирея; но уже Іоаннъ видѣлъ, что одно только совершенное покореніе Казани можетъ исцѣлить сію непрестанно растравляемую язву Россіи. Однако и на сей разъ ненастье и оттепель, прекращая подвозы съѣстныхъ припасовъ, принудили Царя отложить до времени конечный приступъ; но чтобы еще болѣе стѣснить враждебную твердыню, онъ основалъ, близъ устья Свіаги, крѣпость Свіажскую и тѣмъ показалъ, что уже не оставалось болѣе никакой надежды для независимости Казани. Царь потребовалъ выдачи Сумбеки и ея сына, и принятія Шихъ-Алея, и не смѣли ему прекословить Казанцы. Съ плачемъ, посреди всенароднаго плача, спустилась изъ своего завѣтнаго Кремля развѣчанная Царица, на рѣку Казанку, и далѣе поплыла Волгою на чужбину,

гдѣ ожидали ее почести царскія и просвѣщеніе вѣроу Христовой; самъ Іоаннъ былъ воспріемникомъ царственной матери и ея младенца, окрещеннаго подъ именемъ Александра.

Третій и послѣдній разъ воцарился Шихъ-Алей и 60,000 плѣнниковъ Русскихъ, уже состарѣвшихся въ Казани, возвратились на родину; однако, желая угодить своему народу, дерзнулъ онъ требовать нагорной стороны Волги, давно принадлежавшей Россіи, и возбудилъ негодованіе Іоанна. Между тѣмъ, видя ненависть, какую питали къ нему вельможи, злодѣйски умертвилъ 70, изъ самыхъ почетныхъ на торжественномъ пиршествѣ; ярость народная воспламенилась противъ него до высшей степени. Ему оставалось только отказаться отъ престола, и онъ готовъ былъ это исполнить въ угожденіе Іоанну, но по тайному угрызенію совѣсти, не хотѣлъ предать ему изъ своихъ рукъ царство, и тѣмъ помрачить свое имя предъ народомъ Магометанскимъ, уже довольно безславное въ Казани. Временное правительство Русское мирно вступило въ городъ, и воеводы, Князь Микулинскій и Адашевъ, уже готовились принять присягу отъ народа, когда внезапно распустили молву, будто Русскіе хотятъ умертвить всѣхъ Татаръ, и вспыхнулъ общій мятежъ въ стѣнахъ буйнаго города. Воеводы отступили въ ожиданіи повелѣнія Царскаго; Казанцы же, видя, что имъ предстоитъ конечная борьба, на жизнь и смерть, послали въ Орду Нагайскую себѣ за помощію и призвали на престолъ Царевича Астраханскаго Эдигера. Ему было суждено быть послѣднимъ Царемъ Казанскимъ, а потомъ, подъ Христіанскимъ именемъ Сямеона, быть по-

перемѣнно Царемъ Тверскимъ и чернецомъ Соловецкимъ, и уже слѣпымъ пережить всѣ смуты Самозванцевъ.

Въ третій разъ двинулся, со всею ратною силою, Іоаннъ, и пала предъ нимъ Казань! . . . Давно уже такія силы не были предводительствуемы воеводами столь именитыми, подъ начальствомъ самаго Царя. Черемисское посольство встрѣтило его на пути съ покорностію; радостно увидѣлъ онъ созданный имъ Свіязскъ, но послѣ пиршества остался ночевать подъ шатрами, чтобы примѣромъ возбудить войско. Напрасно, до начала битвъ, бывший Царь Казанскій Шихъ-Алей думалъ склонять къ миру родственнаго ему Эдигера: горькій отвѣтъ былъ вѣстникомъ неизбежнаго кровопролитія: «все готово, ждемъ васъ на пирь,» и пиршество смерти началось подъ стѣнами Казани. Тридцать тысячъ Татаръ и столько же Нагайцевъ составляли послѣднюю защиту царства Казанскаго; наѣздникъ Князь Япанча безпрестанно тревожилъ, изъ сосѣднихъ лѣсовъ и отъ Арскаго городка, царскія дружины. Іоаннъ велѣлъ передовому отряду занять Арское поле, по ту сторону города, правому крылу берегъ Казанки, лѣвому стать выше на устья Булака, Шихъ-Алею на кладбищѣ, и это было приличное мѣсто Царю, пережившему свое царство. 28 Августа 1551 года обложена Казань. Шатеръ Іоанна разбитъ на мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зилантова обитель; молебствіемъ одушевилъ онъ воиновъ: торжественны были церковныя гимны, подъ знаменіемъ Креста въ виду угасающей луны Ислама. Никакія препятствія уже не могли одолѣть рѣшимости Царя. Буря разбила суда и разнесла припасы; онъ послалъ за новыми, не только въ Свіязскъ, но и въ Москву, а так-

же и за теплой одеждой, чтобы зимовать, если нужно. Начались кровавые стычки, стоявшая жизни многим богатырям Татарскимъ, но духъ осажденныхъ не упалъ; подкатили страшные туры подъ ихъ твердыни и со всѣхъ бойницъ открылась пальба во внутрь города, гдѣ уже не было прикрытія; тогда, по условленному знаку изъ крѣпости, наѣздникъ Яванча сталъ отвлекать осаждающихъ частыми нападеніями, доколѣ однажды самъ, завлеченный въ засаду, не погибъ со всею своею ватагой.

Еще разъ предложилъ Іоаннъ помилованіе непокорнымъ чрезъ плѣнниковъ, которыхъ выставилъ подъ стѣнами города: ожесточенные пустили въ нихъ вмѣсто отвѣта стрѣлы. Тогда начались подкопы, чтобы пресѣчь осажденнымъ тайный выходъ ихъ на рѣку. Первый взрывъ Муралеевой башни произвелъ ужасъ въ городъ; Русскіе уже ворвались въ проломъ, но отчаяніе Казанцевъ на сей разъ превозмогло мужество нашихъ. Источникъ горькой воды внутри города замѣнилъ рѣчную воду осажденнымъ. Новый исполинскій туръ, противъ царскихъ воротъ, превышавшій всѣ твердыни, угрожалъ Кремлю; жажда и болѣзни томили осажденныхъ: они хотѣли лучше умереть, нежели сдаться. — Это была послѣдняя борьба Исламизма съ Христіанствомъ въ предѣлахъ нашихъ. 30 Сентября еще одинъ ужасный взрывъ обрушилъ стѣны и террасы, и казалось уже пробилъ роковой часъ Казани, но ей еще оставалось два дня жизни. Только послѣ Покрова Богоматери должна она была пасть къ ногамъ Іоанна. Въ день сей, накануне приступа, исполненіемъ Христіанскаго долга, вожди и дружины при-

готовились къ послѣдному бою. На разсвѣтѣ 2 Октября всѣ воеводы уже стояли на мѣстахъ, ожидая громоваго взрыва, вѣстникомъ битвы, и вотъ, какъ бы по гласу Евангельскому: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь» обрушились стѣны Казани. Слышалъ и видѣлъ ихъ паденіе Царь изъ своего молебнаго шатра и, приобщившись тѣла и крови Господней, самъ въ доспѣхахъ ратныхъ, подъ хоругвию нерукотвореннаго образа Спасова, устремился одушевить воиновъ къ побѣдѣ.

Отчаянный бой на стѣнахъ: наши рвутся сквозъ проломъ и трупами устилаютъ рвы. Уже побѣдители внутри Кремля и обступили дворецъ царскій, гдѣ отчаянно бьется Эдигеръ, послѣдній властитель, окруженный всѣмъ дворомъ своимъ и гаремомъ. Но вотъ внезапное смятеніе въ рядахъ храбрыхъ: они рѣдѣютъ и обращаютъ тылъ; уже Казанцы гонятъ ихъ изъ воротъ Кремлевскихъ; но во вратахъ встрѣчаетъ ихъ побѣдоносный Царь съ хоругвию въ рукахъ. Его явленіе рѣшаетъ все! Напрасно, въ послѣднемъ порывѣ бѣшенства, стремятся на Царскую дружину, уже не простые воины, но Мурзы и Муллы, предводимые своимъ духовнымъ главою: князья ихъ обращаются на нихъ самыхъ;—престало ихъ царство. Послѣдній оплотъ его, дворецъ Царя, не въ силахъ удержать его паденія. Какъ Сардапаль Вавилонскій, во всемъ блескѣ своего царственнаго сапа, со всѣми своими женами, взшедшій на костеръ, чтобы не предаться въ руки Персовъ, такъ и здѣсь Царь Эдигеръ, окруженный всею восточною красою своего гарема, объятый пламенемъ горящаго дворца, мужественно ожидаетъ послѣдняго часа; но собственные его подданные,

потерявъ за него всякую надежду, извлекають Царя своего изъ пылающихъ палатъ и предають его Русскому Царю; сами они хотять еще биться до послѣдней капли крови и падаютъ почти всѣ, въ стѣнахъ города и его окрестностяхъ.

Послѣднее явленіе этой страшной картины—торжественный входъ Царя въ покоренный городъ, дымящійся пепломъ развалинъ, усѣянный трупами. Христіанскій побѣдитель плачетъ надъ трупами враговъ и молитвою освящаетъ мѣсто; во вратахъ Арскихъ водружаетъ онъ хоругвь, возглашаетъ хвалу живымъ витязямъ, общаетъ поминовеніе падшимъ; разрѣшенные узники къ нему взываютъ: «ты насъ избавилъ отъ ада!» Въ одинъ день сооружена и освящена обыденная церковь Спасова, и крестъ Господень оттолѣ уже на всегда осѣнилъ бывшее царство Исламово.

Такъ вся лѣтопись царства Казанскаго, въ краткихъ очеркахъ, представилась моему воображенію, когда, съ вершины Сумбекиной башни, обозрѣвалъ я обширное поле Казанское, гдѣ столько разъ рѣшалась судьба города; вдали видѣлась Волга, наносившая страшную грозу изъ глубины Россіи. Отъ сей лѣтописной башни пошелъ я на противоположную оконечность Кремля, въ древнюю обитель Спасскую, которая также служитъ воспоминаніемъ послѣдней осады, своимъ историческимъ храмомъ, и доселѣ свидѣтельствуетъ о благочестивомъ усердіи побѣдителей. Одна изъ церквей, Св. мучениковъ Кипріана и Іустины, сооружена недавно на мѣстѣ древней обыденной церкви, то есть въ одинъ день сложенной изъ дерева и освященной въ присутствіи Іоанна, ибо ихъ па-

мать совершалась 2 Октября, въ самый день покоренія Казани; другой храмъ, во имя Св. Николая Ратнаго, построенъ былъ по волѣ Іоанна, четыре года спустя, когда Св. Архимандритъ Варсонофій основалъ свою обитель и соборъ Спасскій тамъ, гдѣ впервые водружена была хоругвь Царская, съ нерукотвореннымъ образомъ Спаса. Съ тѣхъ поръ она постепенно украшалась въ теченіи трехъ столѣтій; главный Преображенскій соборъ ея, сооруженный при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, еще недавно обновленъ, съ большимъ вкусомъ и благолѣпіемъ, нынѣшнимъ настоятелемъ монастыря; но лучшимъ его сокровищемъ и по нынѣ нетлѣнныя останки мощей Святителя Варсонофія, которыя собраны въ серебряной ракѣ послѣ бѣдственнаго пожара 1815 года. Пламя въ одно время прикоснулось къ обоимъ великимъ просвѣтителямъ Казани, неразлучнымъ не только при жизни, но даже и въ посмертныхъ событіяхъ.

СВЯТИТЕЛЬ ВАРСОНОФІЙ.

И сему благому подвижнику, довершившему лицемъ своимъ тройственное число Святителей Казанскихъ (по образцу трехъ Греческихъ великихъ Іерарховъ и трехъ Московскихъ), суждено было испытать много скорбей въ жизни, дабы, по словамъ Апостольскимъ, самъ онъ былъ искушенъ, могъ и искушаемымъ помогать. Не происходя отъ именитыхъ родителей, подобно Гурію и Герману, святой Варсонофій освященъ былъ саномъ отца своего, который былъ пресвитеромъ въ г. Серпуховѣ; тамъ получилъ юноша начальное образованіе духов-

ное, но высшее образование сердца приобрѣлъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ многіе могли бы его утратить, — въ плѣну Татарскомъ; онъ увлеченъ былъ въ Орду Крымцамъ, въ одинъ изъ частыхъ набѣговъ на берега Оки. Рѣка сія, прослывшая въ народѣ поясомъ Богоматери, по ея природной защитѣ царству Московскому, не разъ ограждала его предѣлы отъ вторженій Крымскихъ; но пограничные жители часто подвергались опасности, и будущій Святитель испыталъ ту же участь. Василій (такъ назывался въ мірѣ благочестивый юноша) безъ ропота покорился волѣ Провидѣнія и, моляся объ освобожденіи, работалъ невѣрнымъ со всею строгостію Христіанина, не только за страхъ но и за совѣсть, какъ учитъ Апостолъ, такъ что и сами невѣрные исполнились къ нему глубокаго уваженія. Черезъ три года пришелъ въ Орду отецъ его, священникъ, и выкупилъ сына, а между тѣмъ дѣйствительно плѣнъ сей свыше былъ устроенъ не безъ особой цѣли; молодой плѣнникъ выучился языку Татарскому, который долженъ былъ впоследствии послужить ему для обращенія невѣрныхъ къ новой епархіи Казанской.

По возвращеніи на родину, добрый воинъ Христовъ не хотѣлъ болѣе пользоваться мірскою свободою, поспѣшилъ постричься въ обители Андроніевской, подъ именемъ Варсонофія, принявъ за образецъ сего великаго подвижника Палестинскаго. Епископъ Тверскій Акакій, мужъ святой и прозорливый, провидя высокое призваніе инока, приблизилъ его къ себѣ, въ санѣ іеродіакона, и предсказалъ, что будетъ однажды преемникомъ его каеедры. Молва о добродѣтеляхъ Варсонофія достигла Ца-

ря Іоанна, и онъ велѣлъ произвести его въ настоятели строгой обители Николая Чудотворца, что на Пѣсношѣ; оттолѣ же, при открытіи новой епархіи, ради благочестія мужа и знанія имъ языка Татарскаго, послалъ его вмѣстѣ съ Святителемъ Гуріемъ, чтобы ему быть въ Казани Архимандритомъ вновь устрояемаго Спасскаго монастыря. Шестъ иноковъ Пѣсношскихъ сопутствовали настоятелю и принесли уставъ свой въ новую обитель, гдѣ основали и церковь во имя Ангела Пѣсноши, Николая Чудотворца, прозваннаго Ратнымъ, по недавнему завоеванію Казани. Соборною служила имъ убогая деревянная церковь Преображенія Господня, сооруженная обоими святыми мужами Гуріемъ и Варсонофіемъ, которыхъ соединяла духовная дружба, какъ нѣкогда Василія Великаго и Григорія Богослова, для общихъ подвиговъ Христіанства. Никто какъ Варсонофій не былъ силенъ въ состязаніи съ Магометанами, конхъ вѣра, языкъ и обычай были ему коротко знакомы; тысячи обращались по его краснорѣчивому слову, а между тѣмъ ревнитель вѣры Христовой былъ и строгимъ исполнителемъ всѣхъ заповѣдей иночества, смиряя плоть свою постомъ и бдѣніемъ и тяжкими веригами.

Онѣ и доселѣ хранятся, какъ неоцѣненное сокровище, надъ ракою мощей его, съ его пресвитерскою фелонью и тѣмъ иноческимъ уставомъ, который принесъ съ собою изъ Пѣсноши, какъ о томъ свидѣтельствуется подпись: «писанъ многогрѣшнымъ чернцемъ, Архимандритомъ Варсонофіемъ, что былъ Игуменомъ на Пѣсноши.» Десять лѣтъ продолжался неуслышннй подвигъ его къ назиданію паствы Казанской, вмѣстѣ съ его бла-

женнымъ другомъ; когда же Господь воззвалъ къ себѣ Святителя Гурія, и другой великій подвижникъ Германъ, Архимандритъ Свіяжскій, заступилъ на краткое время его мѣсто, Богу благоугодно было возвеличить саномъ Святительскимъ и сего добраго дѣлателя нивы Евангельской. По предсказанію Св. Епископа Тверскаго Акакія, Варсонофій вызванъ былъ, повелѣніемъ Царскимъ въ столицу, и тамъ рукоположенъ во Епископа Тверскаго, но не долго оставался на своей кафедрѣ. Продолжая подвизаться иночески въ санѣ архіерейскомъ, онъ употреблялъ время свободное отъ служенія и молитвы на вязаніе клубуковъ Греческихъ, какіе носили тогда Архіереи, и разсылалъ ихъ братіи своей, прося молитвъ о своемъ недостойнствѣ.

Равно искусный во врачеваніи недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, Святитель Варсонофій былъ дѣйствительнымъ врачомъ своей паствы, назидаемой его словомъ. Однако сердце влекло его къ тому мѣсту, гдѣ обильнѣйшая предстала жатва, въ обращеніи язычниковъ и Магометанъ; черезъ четыре года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ епархіи и удалился на покой въ прежнюю свою Казанскую обитель, гдѣ принялъ схиму, но не оставилъ спасительныхъ трудовъ. Истощенный подвигами и годами, онъ былъ возимъ на тележкѣ учениками своими въ церковь и проповѣдывалъ еще слово Божіе, съ болѣзненнаго одра. Провидѣвъ день блаженной кончины, онъ приготовилъ себя къ небесному отшествію принятіемъ Св. таинъ и предалъ чистую душу Богу 11 Апрѣля 1596 года. Тѣло его, по собственному завѣщанію, погребено было подлѣ Св. Гурія, въ часовнѣ за

олтаремъ обители Спасовой, Архіепископомъ Казанскимъ Тихономъ, и черезъ двадцать лѣтъ обрѣтено нетлѣннымъ, вмѣстѣ съ мощами его друга. Митрополитъ Гермогенъ, бывшій при открытіи, свидѣтельствуетъ, что и мощи Варсонофія найдены цѣлыми, только ногъ преподобнаго коснулось тлѣніе, и погребальныя ризы ихъ были крѣпче новыхъ. Такому искреннему свидѣтелю можно дать вѣру. Святыя мощи поставлены были въ соборной церкви монастыря и, хотя также подверглись пламенному искушенію, въ бѣдственный пожаръ 1815 года, однако части ихъ собраны въ серебряной ракъ и хранятся на томъ же мѣстѣ.

ЧУДОТВОРНЫЯ ИКОНЫ КАЗАНСКАЯ И СМОЛЕНСКАЯ.

Я пріѣхалъ въ Казань на другой день послѣ возвращенія иконы Одигитріи въ Седмиезерную пустынь, и весьма жалѣлъ, что не могъ быть участникомъ сего умилятельнаго торжества. Это одна изъ тѣхъ живыхъ лѣтописей нашего отечества, которою навѣки вписывается, какъ бы на скрижали, всенароднымъ дѣйствіемъ, какое либо чудное событіе близкое сердцу, и такой памятникъ прочнѣе всякихъ мраморовъ и металловъ. Нѣтъ почти ни одного древняго города на Святой Руси, гдѣ бы не встрѣчались подобныя явленія, ознаменованныя крестными ходами.—И здѣсь признательная Казань воспоминала чудное свое избавленіе отъ мороваго повѣтрія, которое трижды опустошало Россію въ половинѣ XVII вѣка; орудіемъ же спасенія была икона Богоматери Смоленской, изъ Седмиезерной пустыни, тогда еще недавно основанной за

семнадцать версть отъ города. Смиранный выходець Великаго Устюга былъ олователемъ сей Оиванды на мѣстѣ подольскаго требища Черемисовъ, изъ конхъ много обратилъ онъ къ свѣту Христову. Избѣгая молвы о своей святости и не желая первенствовать въ кругу собравшейся около него братіи, пустынный переселился, пзъ любимаго уединенія, на подворье благочестиваго Митрополита Казанскаго Матѳея; онъ испросилъ у него позволеніе послать отъ себя въ обитель родовую икону свою Одигитрію, которая прославилась у него въ семействѣ многими исцѣленіями; и въ пустыни повторились благодѣтельныя сіи явленія, такъ что множество народа начало въ нее стекаться и вскорѣ она процвѣла, при Владыкахъ Казанскихъ Корниліи и Лаврентіи. Когда же страшная зараза распространилась по всей Россіи и окружное посланіе Никона Патріарха возбуждало всѣхъ къ покаянной молитвѣ, лучшимъ средствомъ поставляя противъ заразы соблюденіе постовъ и заповѣдей церковныхъ: тогда и въ дальнюю Казань потекли богомольцы, для поклоненія новоявленнымъ иконамъ Смоленской и Казанской.

Въ отсутствіи Митрополита Корнилія, который находился въ походѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, одинъ изъ гостей Московскихъ, Василій Шоринъ, совѣтовалъ градоначальнику боярину Салтыкову, прибѣгнуть, посреди всеобщаго смятенія, къ заступленію Богоматери и привести торжественно икону ея въ бѣдствующую Казань. Благочестивая старица, жившая въ дѣвичьей обители Казанской, подкрѣпила рѣчь бывшимъ ей видѣніемъ: старецъ Евѳимій явился ей и повелѣвалъ исполнить со-

вѣтъ гостя. Наутро Игумень Предтечевой обители посланъ былъ за чудотворною иконою и, поднявъ ее благоговѣнно изъ Седмезерной пустыни, остановился на обратномъ пути за двѣ версты отъ города, тамъ гдѣ теперь монастырь Кизическій. Воевода, со всѣмъ духовенствомъ, вышелъ на встрѣчу грядущей избавить ихъ отъ напрасной смерти, и все пространство отъ Казанки до Кремля наполнено было народомъ, падавшимъ ницъ предъ иконою: услышана была столь усердная молитва; и какъ только обнесли Одигитрію около стѣнъ Кремлевскихъ, видимо стала ослабѣвать зараза и мгновенно разсѣялись черныя тучи, которые нѣсколько недѣль висѣли надъ бѣдствующимъ городомъ. На другой день кругомъ всей Казани обнесена была чудотворная икона и зараза прекратилась. Недѣлю спустя хотѣли возвратити въ обитель цѣлебный образъ, но опять показались зловѣщія тучи, и правители Казанскіе рѣшились до времени оставить въ городѣ залогъ его спасенія.

Когда же, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Митрополитъ Кориплій велѣлъ, съ подобающею честію, возвратити икону въ пустынь, снова усилилось моровое повѣтріе и принуждены были опять принести чудотворную икону. Съ тѣхъ поръ установлено ежегодно приносить ее въ городъ около того времени, когда наиболѣе свирѣпствовала зараза, т. е. съ половины Іюня и до половины Іюля, и совершать съ нею крестные ходы кругомъ всей Казани, что и донынѣ соблюдается. Замѣчательно, что не только память минувшаго бѣдствія, но даже древній очеркъ Казанскихъ стѣнъ сохранился чрезъ сіе торжественное шествіе, потому что оная слѣдуетъ по прежне-

му направленію ограды и останавливается для литіи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ворота. Такъ много существеннаго и охранительнаго есть даже во внѣшнихъ обрядахъ Православной Церкви, не говоря уже о внутренней спасительной ея силѣ для каждаго вѣрующаго.

Памятникомъ чудснаго избавленія остался еще монастырь Кизическій, который такъ украшаетъ окрестность Казани по ту сторону рѣки, подъ сѣнію своей живописной рощи. Митрополитъ Новгородскій Корпилій, краткое время бывший на кафедрѣ Казанской, и Адрианъ, возведенный съ нее на Патриархію Всероссійскую, общимъ издивеніемъ устроили сію обитель на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась чудотворная икона, прежде внесенія ея въ городъ; а страствовавшій по святымъ мѣстамъ іеродіаконъ ихъ, Стефанъ, принесъ въ даръ обители частицы мощей девяти Мучениковъ, пострадавшихъ въ Кизикѣ, что на берегу Мраморнаго моря; оттого и усвоилось монастырю названіе Кизического.

Еще одна обитель внутри самаго города привлекаетъ усердіе не только жителей Казани, но и всей Россіи, потому что ея чудотворная икона прославилась въ цѣлой имперіи и имѣла благодатное вліяніе на обѣ столицы: такъ знаменательна была судьба Казани, вскорѣ послѣ обращенія ея къ свѣту Христову. Во дни Іоанна, двадцать семь лѣтъ спустя послѣ покоренія имъ царства, страшный пожаръ, опустошившій часть города около Кремля, было виною явленія иконы Богоматери, которая донныѣ чествуется подъ именемъ Казанской; подобно Владимірской и Смоленской ознаменовалась она, не въ какихъ либо частныхъ случаяхъ, относившихся

до одного лица или города; но въ событіяхъ всенародныхъ и въ самую тяжкую годину для государства. Конечно благословенная, хотя и невѣдомая рука, начертала якъ Пречистой Дѣвы, ознаменовавшеяся столькими спасительными подвигами для нашего отечества; начало же прославленія сей иконы весьма скромно, какъ и начало всего великаго. Девятилѣтняя дѣвица, дочь стрѣльца, имѣла видѣніе, что на пепелищѣ сгорѣвшаго ихъ дома таятся чудный образъ и должно обрѣсти его прежде, нежели строить новое жилище. Явленіе повторилось и уже на сей разъ икона видѣлась ей пускающею изъ себя пламенные лучи, готовые опалить непослушную. Смущались родители отроковицы, но не скоро повѣрили ея словамъ, доколѣ наконецъ страшныя видѣнія побудили ихъ возвѣстять о томъ Архіепископу Іеремію и воеводѣ; однако и имъ показались странными такія рѣчи убогихъ горожанъ. Но не оскудѣла вѣра юной Матроны и ея матери; съ помощію ближнихъ онѣ сами стали рыть родное пепелище, и къ чрезвычайному утѣшенію обрѣли желанный образъ Богоматери. Быстро распространилась радостная молва по всему городу; пепелище стрѣльца Анучина наполнилось народомъ; Архіепископъ и воевода, со всѣмъ духовенствомъ, пришли поднять чудотворную икону и торжественно перенесли въ сосѣднюю церковь Святителя Николая Тульскаго; теперь на мѣстѣ ея сооруженъ теплый соборъ монастырскій, во имя того же Чудотворца. Будущій Патріархъ Гермогенъ, тогда еще священникъ при другой церкви Святителя Николая, что въ гостинныхъ рядахъ, одинъ изъ первыхъ благоговѣнно приналъ къ честной иконѣ,

которой знаменія впоследствии описалъ, уже въ санѣ Митрополита Казанскаго.

Царь Иоаннъ исполнился радости духовной, при вѣсти о столь благодатномъ явленіи во вновь покоренномъ имъ царствѣ; онъ велѣлъ снять для себя списокъ съ новой иконы Казанской, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась семейною въ Царскомъ родѣ, и еще болѣе усвоилась дому Романовыхъ, когда съ другимъ спискомъ той же иконы Князь Пожарскій освободилъ Москву. Царь повелѣлъ соорудить соборную церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, и при ней устроить женскую обитель, первую въ Казани, день же обрѣтенія иконы праздновать 8 Юля. Дочь стрѣльца была первою монахинею подъ именемъ Мавры, а впоследствии Игуменію сей обители, которая процвѣла во время управления Митрополита Гермогена. При немъ еще болѣе прославилась Казань явленіемъ нетлѣнныхъ мощей трехъ первыхъ ея Святителей.

Конечно и собственная святость сего великаго мужа Церкви привлекла ему свыше такую благодать, ибо онъ самъ имѣлъ утѣшеніе перенести мощи Святителя Германа въ Свіяжскъ и обрѣсти въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ одно время былъ Архимандритомъ, мощи двухъ своихъ предшественниковъ, по каедрѣ и обители, Гурія и Варсонофія. Пламенная душа его, которая стремилась ко всему отечественному и заранѣе какъ бы уже приготовлялась ко всеожженію для спасенія всея Руси, не удовольствовалась обрѣтеніемъ столькихъ сокровищъ духовныхъ. Извѣстась, по давнему преданію народному, о трехъ мученикахъ, Иоаннѣ, родомъ изъ Русскихъ, и

двухъ крестившихся Татарахъ, Стефанѣ и Петрѣ, которые пострадали, за исповѣданіе имени Христова, еще до покоренія царства, онъ установилъ совершать память ихъ ежегодно, какъ равно и всѣхъ воиновъ Русскихъ, избѣенныхъ при взятіи Казани. Въ продолженіе осьмнадцатилѣтняго святительства, ревностный Гермогенъ возрастилъ все посѣянное первыми Святителями; когда же самъ возведенъ былъ на высшую степень Патриаршества, онъ оставилъ вмѣсто себя достойнаго преемника Митрополита Ефрема, который дѣйствовалъ въ томъ же духѣ.

Ефремъ возбуждалъ грамотами своими всю землю Рускую, ко спасенію родной столицы, въ стѣнахъ коей томился заключенный Гермогенъ. Онъ одушевилъ на подвигъ и Князя Пожарскаго, пославъ ему списокъ съ чудотворной иконы Казанской. Съ нею двинулось къ Москвѣ ополченіе Русское, ея помощію сокрушены враги отечества, и потому празднуетъ Церковь 22 Октября иконѣ Казанской, въ память освобожденія Москвы отъ Литвы; соборный храмъ сооруженъ во имя ея Княземъ на площади Китай-города, и доселѣ бываетъ туда крестный ходъ изъ Кремля въ день избавленія столицы. Митрополитъ Ефремъ не только былъ пастыреначальникомъ, но вмѣстѣ и гражданскимъ правителемъ Казани, въ эпоху смятеній народныхъ, и никому не могли лучше довѣрить дальнюю область, какъ ревнителю спасенія всея Руси. Онъ имѣлъ и великое утѣшеніе, какъ старшій изъ всѣхъ Іерарховъ Русскихъ, въ отсутствіе Патриарха, возложить вѣнецъ Царскій на юную главу перваго Романова:—вотъ

каково было участіе Святителей Казани въ дѣлахъ государственныхъ. И чудотворная ея икона Богоматери еще болѣе прославилась послѣ освобожденія первопрестольной столицы. Императоръ Петръ Великій перенесъ священный ея списокъ въ свою новую столицу, и тамъ сдѣлалась она общею святынею всего города, когда, на мѣстѣ прежней придворной церкви, сооруженъ былъ нынѣшній великолѣпный соборъ Казанскій. Тѣмъ болѣе влекло меня сердце приложиться къ первоначальной чудотворной иконѣ, которой освященные списки видѣлъ въ обѣихъ столицахъ, и я имѣлъ это утѣшеніе, послѣ божественной литургіи въ великолѣпномъ храмѣ дѣвичьей обители, который вновь сооруженъ усердіемъ Самодержцевъ нашихъ, Павла и Александра; самая икона богато украшена ихъ даяніями и ярко горитъ на ней драгоценная корона, которую возложила Великая Екатерина во время посѣщенія Казани.

ЗИЛАНТОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Монастырь Зилантовъ и пирамида витязей нашихъ на полѣ Казанскомъ, гдѣ совершились геройскіе подвиги славной осады, привлекали мое вниманіе съ первой минуты пріѣзда; я воспользовался свободнымъ утромъ, чтобы посѣтить это поприще Русской славы. Ученый настоятель Зилантова, нечаянно встрѣтившійся со мною во вратахъ своей обители, благосклонно вызвался показать мнѣ лѣтописную святыню, вѣренную его храненію. Отрадное чувство исполнило сердце, когда, поднявшись на гору Зилантову, взошелъ я въ ограду, и ме-

ня объяло свѣжестію вѣковыхъ вязовъ; подѣ сѣнію древней святыни, современной Христіанскимъ началамъ Казани: Архимандритъ Гавріилъ прояснилъ мнѣ темное впечатлѣніе моего сердца, напомнивъ историческое значеніе сего мѣста.

«Вы стоите, сказалъ онъ, на томъ холмѣ, гдѣ была разбита первая ставка Царя Іоанна съ его походною перковію, при знаменитой осадѣ Казани, и ставка оставалась здѣсь довольно долго, доколѣ не перенесли ее ближе къ городу туда, гдѣ теперь пирамида Русскихъ витязей. Достоинно вниманія, что и самая обитель, при своемъ основаніи, имѣла какъ бы обратное шествіе, по тѣмъ же воинскимъ гранямъ, гдѣ останавливался походный шатеръ Іоанновъ. Сперва Царь указалъ ей мѣсто на такъ называемомъ Русскомъ кладбищѣ, гдѣ теперь пирамида, ибо тамъ всегда совершались молитвы за усопшихъ; но четыре года спустя, когда сильное наводненіе Волги подмыло камни основанія, онъ велѣлъ, по ходатайству перваго Игумена Іоакима и Святителя Гурія, перенести монастырь на сію Зилантову гору, ознаменованную его первымъ становищемъ и вторымъ кладбищемъ Русскихъ; мѣсто особенно благопріятствовало обители; древніе вязы свободно разраслись надъ прахомъ воиновъ и первыхъ Христіанъ Казанскихъ, которые здѣсь искали вѣчнаго упокоенія.»

Архимандритъ ввелъ меня въ холодный соборъ Успенія, соединенный переходами съ теплымъ Всѣхъ Святыхъ. «Обѣ сіи церкви, сказалъ онъ, построены въ XVII вѣкѣ, но ихъ начало отъ Царя Іоанна: онъ пожертвовалъ на нихъ до 400 рублей, а благовѣрная его Ца-

рица Анастасія устроила на собственное иждивеніе иконостасъ Успенскій, и ея мѣстныя иконы у насъ сохранились. Митрополитъ Казанскій Матѳей впервые освятилъ соборъ въ 1625 году, а нынѣшній Владыка Кіевскій Филаретъ, будучи Архіепископомъ нашимъ, освятилъ его опять въ 1835 году, на самый праздникъ Успенія Богоматери, и намъ утѣшительна сія память добраго нашего Пастыря.»

Я увидѣлъ въ церкви гробницу, прислоненную къ западной стѣнѣ, и спросилъ: кто почиваетъ подъ сѣнію храма? «Мужъ праведный, хотя и мало кому извѣстный», отвѣчалъ настоятель: «это бывшій Архіепископъ Суздальскій Іосифъ, другъ Никона Патриарха. Истощивъ силы свои на служеніе Церкви, онъ просилъ увольненія отъ епархіи и здѣсь провелъ послѣдніе два года жизни на своемъ обѣщаніи, какъ постриженикъ сей обители, въ подвигахъ молитвы къ общему назиданію; память его и доселѣ въ глубокомъ уваженіи у народа, и усердные служатъ панихиды надъ его гробницею.»

И такъ вотъ еще одно невѣдомое свѣтило новопросвѣщенной земли Казанской, которая столь быстро принесла обильный плодъ святости. Настоятель вывелъ меня изъ своихъ келлій на ограду, которая устроена была съ бойницами на случай осады, потому что обитель подвергалась частымъ нападеніямъ окрестныхъ еще не умирныхъ жителей. Высокіе густые вязы осыпали ее изнутри, снаружи открываются во всѣ стороны живописные виды: ни откуда не представлялась Казань въ такомъ великолѣпнн, какъ съ балкона настоятельскихъ кел-

лій; вся она, начиная отъ Кремля и до крайней слободы Татарской на озерѣ Кабанѣ, рисуется на горизонтѣ, восточнымъ очеркомъ своихъ разнообразныхъ башенъ и колоколенъ, храмовъ и мечетей, и столь же своенравная рѣка Казанка, излучистыми изгибами, оживляетъ пространное поле, которое разостлалось отъ Зилантова до Кремля. Мнѣ любопытно было взглянуть на гнѣздо баснословнаго Зиланта, который взошелъ въ гербъ Казани, и Архимандритъ провелъ меня по оградѣ, мимо гѣсной надворотной церкви Святителя Алексія, въ угловую башню; оттуда показалъ полуиссохшее озеро, какихъ много въ окрестностяхъ Казани, наполняемое только во время весенняго половодія. «Здѣсь, въ этой гѣсной долигѣ, сказалъ онъ, народное преданіе свило гнѣздо своему змѣю, котораго память столь гѣсно связана съ началомъ Казани, что даже драконъ сдѣлался знаменіемъ ея царства: мнѣ часто переживаютъ истину.»

Осмотрѣвъ обитель, которая послужила первымъ садникомъ Христіанства покоренной области, ибо въ ней существовало духовное училище до открытія Семнарія, и просилъ настоятеля довершить свой радушный пріемъ и сопутствовалъ мнѣ къ памятнику. Никто лучше Архимандрита не могъ объяснить мнѣ все что въ немъ достойно вниманія, такъ какъ и самый памятникъ приписанъ къ Зилантову. Онъ стоитъ на берегу Казанки, которая свивается дугою предъ сею могильною пирамидою, какъ бы самъ древній Зилантъ, исшедшій изъ своего логовища; все поле смерти и славы широко разстпается вокругъ гробоваго храплица витязей Русскихъ. Мы вошли во внутренность пирамиды, образъ коей, взятый съ

древнѣйшихъ гробницъ Мемфиса, соответствовалъ ей могильному назначенію; но вмѣсто тѣсной храмины съ пустымъ саркофагомъ, которые таятся въ сердцѣ исполнинскаго зданія Египетскаго, мнѣ утѣшительно было видѣть себя внутри церкви, освящающей памятникъ надгробный. Я желалъ знать, что было прежде на этомъ мѣстѣ и кому празднуетъ церковь? Настоятель отвѣчалъ:

«Послѣ перенесенія Успенской обители на урочище Зялантово, здѣсь, на старомъ кладбищѣ Русскомъ, существовала всегда часовня, для ежегоднаго поминовенія падшихъ на брани, и еще съ самаго начала установленъ крестный ходъ, изъ Кремлевскаго собора, къ сему мѣсту, 2 октября, на память покоренія Казани. Самая пирамида устроена недавно, послѣ 1812 года, усердіемъ Архимандрита нашей обители Амвросія, который не могъ равнодушно видѣть, что нѣтъ достойнаго вмѣстителя костямъ столькихъ витязей, когда Господь прославилъ наше отечество новыми подвигами и подвижниками. Подписка началась съ жителей Казани, и до ста тысячъ рублей пожертвовано было на сооруженіе памятника. Нынѣшняя церковь освящена тѣмъ же благочестивымъ Архипастыремъ, какъ и наша, въ 1832 году, въ знаменательный для насъ день взятія Казани: она празднуетъ нерукотворенному образу Спасову, потому что ликъ его былъ начертанъ на царственномъ знамени Іоанна, которое здѣсь развѣвалось надъ его послѣднею ставкою, и съ коимъ торжественно вступилъ онъ въ покоренный городъ.»

Исполненный воспоминаніями минувшаго, спустился я, вслѣдъ за Архимандритомъ, въ подземелье,—мрач-

ный склепъ, гдѣ хранятся кости избѣенныхъ; тускло теплилась лампада предъ распятіемъ и освѣщала открытый саркофагъ на высокомъ подножій, сквозь рѣшетки коего видѣлись кости человѣческія; саркофагъ былъ исполненъ черепами храбрыхъ. Настоятель посвѣтилъ мнѣ во внутрь сего сокровища смерти и далъ прочесть надписи, по обѣимъ сторонамъ гробницы; прилично избраны обѣ изъ Священнаго писанія: одна ветхозавѣтная, изъ книги Царствъ, надгробная пѣснь Царя Пророка падшимъ на горахъ Гелвуйскихъ: «Возлюбленіи и прекрасни, неразлучни, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей неразлучишася, паче орловъ легци, паче львовъ крѣпци.» (II. Царст. I. 23.) Другая новозавѣтная, изъ Евангелія Іоанна, о подвигахъ любви: «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Іоанна XV. 13).

«Этотъ саркофагъ», сказалъ мнѣ Архимандритъ, «есть только устье обширной могилы, которая отселѣ распространяется, изъ-подъ пирамиды, во все стороны и только прикрыта дощатымъ помостомъ. Здѣсь, въ числѣ избѣенныхъ, собраны все громкія имена княжескія и боярскія, какъ безразлично смѣшаны ихъ кости; здѣсь и первые Мученики за вѣру Христову, пострадавшіе въ взятіи Казани, Петръ, Іоаннъ и Стефанъ. Усердіе Патриарха Гермогена установило для всехъ ихъ торжественную панихиду, какъ то при началѣ предназначено было самимъ Іоанномъ. Ему первому возглашается нами вѣчная память «какъ побѣдителю Казанскаго царствія и Христіанскія вѣры насадителю,» и вслѣдъ за нимъ «на той же брани доблественнѣ храбрствовавшимъ и

Часть III. 13

усердно въ подвижѣ пострадавшимъ и избѣненнымъ, Князю Димитрію Микулинскому, во иноцѣхъ Діонисію, и прочимъ, которыхъ имена поминаются по родамъ ихъ, Тверичи, Костромичи, Галичане» . . . До трехъ сотъ именъ вписалъ Святитель въ синодикъ свой, ибо онъ усердствовалъ, чтобы всѣ Князья и Бояре и люди служилые, которые побиты были подъ стѣнами Казани, воспоминались молитвенно, и это совершается донинѣ.»

Когда мы вышли изъ мрачнаго склепа, исполненнаго смертію, и стали съ восточной стороны пирамиды, лицомъ къ Казани, Архимандритъ продолжалъ: «отъ сего мѣста, гдѣ теперь могила храбрыхъ воиновъ и гдѣ была нѣкогда ставка Царя, начинался главный подкопъ подъ башню Кремлевскую, и здѣсь, въ самую минуту взрыва, возгласилъ протодіаконъ вѣщія слова Евангельскія: «да будетъ едино стадо и единый пастырь.» Рѣчь Архимандрита живо напомнила мнѣ самое событіе и я погрузился мыслию въ созерцаніе минувшаго. Я представлялъ себѣ пламенную молитву Царя, когда уже послалъ онъ свои дружины къ роковому приступу, и вотъ, внезапно слышитъ онъ, по гласу Евангельскому, какъ бы по вѣщей трубѣ Священниковъ Іудейскихъ, паденіе стѣнъ сего втораго Іерихона, отовсюду обойденнаго его дружинами, и новое царство присоединяется къ его многоплеменному стаду, надъ коимъ поставленъ онъ царственнымъ пастыремъ. Мысль за мыслью, картина за картиной смѣнялись въ моемъ воображеніи, и все кровавое зрѣлище приступа и отпора и конечнаго торжества, какъ будто повторилось предъ моими глазами, въ виду сихъ роковыхъ стѣнъ, предъ коими давно замолкло оружіе брани.

Краткость моего пребыванія въ Казани не позволила мнѣ, съ должнымъ вниманіемъ, осмотрѣть все достойное вниманія въ этомъ замѣчательномъ городѣ, который поставленъ у насъ какъ бы на грани Запада и Востока. Въ высшей степени занимательны его учебныя заведенія, свѣтскія и духовныя, гдѣ встрѣчаются Азія и Европа, въ изученіи ихъ многообразныхъ язьковъ для послѣдующей проповѣди Христіанства и археологическихъ изысканій. Но Академія Духовная, недавно основанная въ Казани, переносилась въ бытность мою на Арское поле, въ свое новое обширное зданіе, и это было также время вакаціа для Университетовъ. Однако и то, что я могъ осмотрѣть въ немъ, по благосклонности его Попечителя, дало мнѣ высокое понятіе о его цвѣтущемъ состояніи. Должно удивляться, до какой степени плодотворна почва Русская, не только въ отношеніи вещественномъ, но и въ нравственномъ, когда видишь, что учебное заведеніе, столь обширнаго размѣра, могло, какъ бы по волшебному маію, внезапно возникнуть и процвѣсти въ совершенной пустынѣ, въ дали отъ обычныхъ путей просвѣщенія народнаго, и на все это достаточно было четверти вѣка, тогда какъ знаменитые Университеты Италіи, Франціи и Германіи считаютъ цѣлые вѣка своего существованія.

Обсерваторія Казанская есть одна изъ самыхъ благоустроенныхъ въ Россіи, исключая столичной, по богатству ея астрономическихъ орудій. Здѣсь однако я не имѣлъ случая наблюдать ночью, съ помощію ея колоссальнаго телескопа, кругъ луны и переходеніе планетъ на звѣздномъ небѣ; за то днемъ я вполне насла-

дился, съ ея вершины, очаровательною панорамою Казани, которая такъ живописна, издали и вблизи, съ какою бы точки на нее ни взглянуть. Вся она разостлалась здѣсь, вокругъ сей сторожевой башни вечерняго неба, съ своими Татарскими слободами, по ту сторону озера, и живописными обителями на окрестныхъ поляхъ: невольно отвлекались взоры отъ горняго созерцанія, которое бы должно внушать самое мѣсто къ сей земной картинѣ, блиставшей полнымъ сіяніемъ полуденнаго солнца.

Праздникъ Всемиловитаго Спаса. Судьба православія на Востокъ.

Въ Воскресный день, 1 Августа, который былъ вмѣстѣ и праздникомъ Всемиловитаго Спаса, Архіепископъ Казанскій совершалъ торжественную литургію, въ своемъ кафедральномъ соборѣ, и произнесъ умиленное слово о страстяхъ Господнихъ, весьма приличное дню, когда крестъ Господа долженъ былъ освятить воды. Величественъ былъ и крестный ходъ изъ Кремля, чрезъ Тайницкія или Иорданскія ворота, на мостъ рѣки Казанки, гдѣ совершалось освященіе. Архіепископъ, окруженный всѣмъ своимъ клиромъ, высоко несъ надъ главою животворищій крестъ, который разсѣялъ тьму язычества въ странѣ Казанской. Въ толпѣ народной, самые Татары и Черемисы благоговѣнно, хотя и безотчетно, снимали шапки предъ симъ залогомъ спасенія всѣхъ челоувѣковъ. Стѣны и башни Кремлевскія и оба берега Казанки унижены были народомъ, но глубокая тишина цар-

ствовала посреди такого многолюдства: вняты были пѣніе ликовъ и каждое слово освятительной молитвы. Радостнымъ трепетомъ дрогнуло сердце, когда при погруженіи креста въ рѣчныя воды возгласилъ хоръ:

«Спаси, Господи, люди твоя и благослови достойніе твое; побѣды благовѣрному Императору нашему на сопротивныя даруй и твое сохраняяй крестомъ твоимъ жительство.»

Я вспомнилъ, что самое торжество 1 Августа, — Происхожденіе честныхъ древъ, получило начало въ предѣлахъ Казанскихъ, ибо славный походъ Князя Андрея Боголюбскаго противъ Волжскихъ Болгаръ и современная побѣда Императора Греческаго Мануила надъ Сарацинами, внушили обомъ благочестивую мысль, вспоминать крестнымъ ходомъ сіе двойное торжество, такъ какъ знаменіе креста предносимо было въ битвѣ противъ невѣрныхъ. Я вспомнилъ также, какъ послѣ многолѣтняго владычества Исламизма въ сихъ предѣлахъ, превозмогла наконецъ сила крестная, когда разгромилъ Іоаннъ твердыни Казанскія! и вотъ уже башни сего Кремля, вмѣсто враждебныхъ воиновъ Татарскихъ, обставлены были благоговѣйными богомольцами, которые, какъ неодолимымъ оружіемъ, ограждали себя знаменіемъ креста, въ ту минуту, какъ этотъ залогъ побѣды Христіанства погружаемъ былъ въ освященные воды Казанки. Такъ все измѣнилось въ теченіе немногихъ вѣковъ, и честное древо креста, только прошедшее съ Боголюбскимъ по восточнымъ предѣламъ Руси, въ предзнаменованіе будущаго ихъ просвѣщенія, навѣки водрузилось здѣсь мощною рукою Іоанна, и разрослось и про-

цѣло, при молитвенномъ дыханіи трехъ Святителей, Гурія, Германа и Варсонофія.

Дивны, по истинѣ, судьбы Православной Руси, которой свыше предназначено быть забраломъ Христіанства на Востокѣ и, крѣпкою своею мышцею, сокращать постепенно исчезающее предъ яркою ея денницею царство тьмы. Гласъ Божій гласъ народа!—Это трепетное благоговѣніе, съ которымъ смотрять на исполинскую Русь всѣ Магометанскіе народы, не ясно ли свидѣтельствуеть, что всѣ они ждуть отъ нея одной, рано или поздно, рѣшенія своей участи. Такое ожиданіе невольно облекается въ тайныя предсказанія, которыя ходятъ въ народѣ, доколѣ наконецъ отзовутся событіями. Спросите въ Іерусалимѣ, отъ чего заключены Красныя врата Соломоновы, которыми въ смиренномъ торжествѣ вѣхалъ Спаситель, на жребяти ослемъ? — Русые побѣдители должны взойти ими во Св. градъ!—Что это, мнѣ или истина? не знаю, но преданіе существуетъ. Отъ чего двухглавый орелъ принялъ подъ сѣнь свою исполинскую имперію, вѣнчанными главами обращаясь къ Западу и Востоку?—Это гербъ древней имперіи Византійской, усвоенной новому царству, чрезъ послѣднюю отрасль Палеологовъ.—Отъ чего же, въ сердцѣ сего орла, всадникъ на бѣломъ копѣ, попирающій змія?—Это гербъ нашей первопрестольной столицы. Странно однако, что на сего именно всадника уповаеть весь Востокъ, какъ на своего единственнаго избавителя, и вездѣ имя Великомученика Георгія окрыляетъ духъ ратныхъ и подымаетъ надежду угнетенныхъ. Однако, не безъ какой либо таинственной цѣли, онъ сдѣлался знаменіемъ Москвы, третьяго

Рима, какъ ее прозвали лѣтописцы наши, и взошелъ въ сердце Византійскаго орла. Какъ разгадать такія случайности, которыя удачнѣе всякой предусмотрительности?

Къ кому изъ святыхъ угодниковъ Божіихъ наиболѣе имѣеть вѣры цѣлая Россія? не къ Чудотворцу ли Николаю, котораго имя столь громко на Востокѣ, что и Магометане усердно ставятъ свѣчи предъ его иконою, сами не разумѣя, какое чувство влечетъ ихъ къ сему побѣдителю народовъ, по значенію его имени. Не менѣе знаменательно для насъ исполненное судебъ своего народа, имя просвѣтителя Россіи, Равноапостольнаго Князя Владимира!—Оно при самомъ началѣ какъ бы уже обѣщало обладаніе міромъ просвѣщаемому отъ него царству. . . . Не исполнилось ли отчасти предзнаменованіе?—И самъ Первозванный Апостоль, осіявшій свѣтомъ Христіанства кругомъ все поморіе Понта и связавшій съ Византією, гдѣ основалъ первую кафедру, судьбу Славянскихъ народовъ, между коими проповѣдалъ, не отъ мужества ли заимствовалъ свое имя, какъ поетъ ему Православная Церковь:

«Мужества тезоименитаго Богоглагольника, и Церкви возслѣдователя верховнаго, Петрова сродника восхвалимъ, заче, яко же древле сему, и нынѣ намъ воззва: прїидите, обрѣтохомъ желаемаго.»

Такъ дѣйствительно и мы подражаемъ Первозванному! Обрѣтши чрезъ него желаемаго Христа и утвердившись Православіемъ на незыблемомъ камени его вѣры, мы взываемъ къ Магометанскимъ и языческимъ племенамъ Востока, и мало по малу внимаютъ они нашему гласу, внутри и внѣ необъятныхъ предѣловъ нашихъ,

даже до отдаленныхъ пустынь Америки, ибо такое Апостольство вѣрено Православною Русію.

Достоинъ вниманія отголосокъ ея давноминушаго, въ пылѣшнихъ свѣтлыхъ судьбахъ ея!—Мирно, безъ всякаго насилія, распространилась вѣра Христова, по зову Владиміра, внутри его государства; но съ оружіемъ въ рукахъ дважды ходила Русь завоевать сію вѣру, въ Царьградѣ и Херсонѣ, и на кровавыхъ поляхъ Калки и Сити и на Донскомъ побоищѣ, до послѣдней капли крови сражалась она за сохраненіе святой своей вѣры, доколѣ наконецъ совершенный упадокъ Орды не запечатлѣлъ торжества Христіанства подъ стѣнами Казани. И доселѣ мирная проповѣдь слова Божія оглашается внутри Россіи; но оружіемъ ратныхъ огражденъ весь необъятный рубежъ ея для защиты отъ невѣрныхъ, и покоряющіяся племена, съ теченіемъ времени, дѣлаются братьями намъ во Христѣ; такъ просвѣтилась Сибирь, такъ просвѣщается Америка!—Мнимо-небесная имперія Китая благоговѣнно взираетъ, изъ-за безпредѣльной стѣны своей, на исполнскую державу, которая такъ быстро возросла на вѣковомъ рубежѣ ея, въ одну мѣру съ нею; Далай-Лама, изъ глубины Тибета, съ изумленіемъ видитъ, какъ его вѣкогда вѣрные послѣдователи цѣлыми племенами обращаются къ вѣрѣ Христовой; кочующія поколѣнія степей Монгольскихъ, отъ Восточнаго океана и до Каспія, уважаютъ завѣтную черту имперія и пропускаютъ къ ней богатые караваны Востока; обладатели Кокана, Бухары и Хивы посылаютъ дары свои къ мощному Владыкѣ Сѣвера, предъ конемъ, издали преклоняютъ главу, ибо и солнце Ирана за-

катилось предъ блескомъ его державы и давно затмилась предъ нею луна Оттоманская.—Мнятся видѣть исполненіе стиховъ псаломныхъ древней славы царства Соломонова, которое знаменовало царство Мессіи, ибо и теперь расширеніе державы Православія есть вмѣстѣ и распространеніе свѣта Христова:

«И обладаетъ отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя; предъ нимъ припадутъ Эѳіопяне и врази его персть полижутъ, Царіе Фаристіи и острови дары принесутъ, Царіе Аравстіи и Сава дары приведутъ, и поклонятся ему вси Царіе земстїи, вси языцы поработаютъ ему.» (Псал. LXXI).

Чего еще ожидать должно отъ непрестанно возрастающаго величія православной Руси, ибо конечно не безъ особеннаго Промысла Божія поставлена она на такую высокую степень и проникнута живительною силою Православія?—На Западѣ—умиренія народовъ посредствомъ племенъ Славянскихъ, во главѣ коихъ она стоитъ и въ спокойномъ величіи повелѣваетъ мятущимися языками, которые, по словамъ псалма, отъ непрестаннаго поученія суетѣ, возстали наконецъ на Господа и на Христа его; на Востокѣ же—обращенія къ истинѣ Евангельской послѣдователей Исламизма, который основанъ только на силѣ вещественной и, при ея оскудѣніи, видимо падаетъ, ибо не можетъ устоять скопище его мрака противъ обилія свѣта Христова! Но и не одной сей побѣды ожидаетъ изнеможенный бѣдствіями Востокъ отъ исполина, который, какъ выражаетъ псаломъ, подобно солнцу восталъ теши путь, отъ края небеси и до края его. Нѣтъ, съ истребленіемъ тьмы, чають отъ него и умноженія свѣта,

ибо теперь свѣтило Православія ярче горитъ въ благоденствующей Россіи, нежели въ бѣдствовавшей Греціи и Палестинѣ и другихъ давно обуреваемыхъ странахъ. Отъ сего чистаго источника долженъ заимствовать потрясенный Востокъ утвержденія въ своихъ предѣлахъ того Православія, которое нѣкогда самъ сообщилъ Россіи, какъ священный залогъ Евангельскихъ талантовъ благому дѣлателью. Теперь, когда сіи пять талантовъ принесли другіе пять талантовъ, усердіемъ трудившихся на нивѣ Господней, справедливо намъ подѣлиться ими съ старшею во Христѣ братією, дабы всѣ вмѣстѣ, какъ вѣрные рабы, взошли въ радость Господа своего и вѣра Православная просіяла своимъ Каѳоличествомъ во вселенной, чрезъ соборное единство Церкви многоплеменныхъ народовъ подъ единымъ Главою—Христомъ.

ПРОЩАНЬЕ СЪ КАЗАНЬЮ.

Послѣ радостнаго торжества мнѣ предстояла печальная разлука съ многоуважаемымъ Пастыремъ Казани, о которомъ конечно упомянулъ бы Царь Юанпъ, исчисля въ письмѣ своемъ добрыхъ Пастырей, ему современныхъ, ежели бы и сей преемникъ Гурія жилъ въ ту эпоху. Онъ благословилъ меня въ своей келліи, образомъ присныхъ ему Святителей Гурія и Варсонофія, о памяти коихъ столько заботится, чтобы обновлена была въ сердцахъ гражданъ Казанскихъ; но ему хотѣлось еще дать мнѣ напутственное благословеніе въ обители Спасской, при мощахъ Святителя Варсонофія. Въ соборной церкви монастыря встрѣтилъ его Архимандритъ со всѣмъ кли-

ромъ и отслужилъ молебень Святителю. Приложившись къ ракъ и веригамъ угодника Божія, я еще однажды могъ любоваться благолѣпіемъ храма, украшеннаго съ чрезвычайнымъ вкусомъ нынѣшнимъ настоятелемъ. Кроме драгоцѣннаго убранства иконостаса и престола, замѣчательна въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ прозрачная икона Преображенія Господня, поражающая взоры при открытіи царскихъ вратъ. Съ малыми средствами онъ сдѣлалъ многое, по усердію, которое умѣлъ возбудить въ гражданахъ.

Изъ соборной церкви мы пошли въ за-алтарную часовню, гдѣ обрѣтено было столько сокровищъ духовныхъ и еще многія хранятся, ибо тамъ рядомъ съ великими Святителями, уже просіявшими нетлѣніемъ, положены были схимники Іона и Нектарій, присные первому пастырю Казани, и одинъ изъ величайшихъ его преемниковъ Митрополитъ Ефремъ, вѣнчавшій на царство Михаила, и два пришельца Греческіе, здѣсь упокоившіеся отъ многихъ странствій. Съ благоговѣніемъ поклонились мы гробу великаго мужа Церкви, возбуждавшаго вѣрныхъ сыновъ Россіи ко спасенію отечества и замѣнившаго ей Гермогена, на чью каѳедру поступилъ въ Казани. Онъ преставился въ самый день Рождества Христова, и глго 7122 (1614) на его гробовой плитѣ свидѣтельствуеть, что уже умиротворилась Россія, когда добрый Пастырь отошелъ отъ временныхъ трудовъ своихъ на вѣчный покой. Какъ назидательна такая гробница для потомства! Успокоительны для сердца, подлѣ столь великаго дѣлателя, и скромныя могилы двухъ простыхъ иноковъ, каковы Іона и Нектарій, отецъ и сынъ, которые безъ

всякихъ громкихъ подвиговъ, невѣдомые міру, спаслись единственно глубиною своего смиренія.

Мнѣ любопытно было узнать, кто же были два Святителя Греческіе, пришедшіе на чужбину искать себѣ погребальнаго покоя, близъ первыхъ великихъ пастырей Казани? Настоятель обители удовлетворилъ моему любопытству, по сколько сохранилась о нихъ память въ мѣстныхъ преданіяхъ. Одинъ изъ нихъ, Епископъ Греческихъ странъ, Адрусской епархіи Пелопонскаго острова, какъ гласитъ о немъ надпись, и судьба его облечена тайною. Вѣроятно, тяжкіе смуты въ отечествѣ принудили его искать убѣжища въ Россіи, и онъ сперва поселился въ Москвѣ, а потомъ перешелъ въ пустынь Макарьевскую близъ Свияжска, гдѣ и скончался въ 1706 году. Искренняя дружба соединяла его съ благочестивымъ Тихономъ, Митрополитомъ Казанскимъ. Узнавъ отъ него, что по нѣкоторому взаимному огорченію былъ онъ отлученъ Патріархомъ Іерусалимскимъ Досифеемъ, хотя и не состоялъ въ его церковной области, Преосвященный Тихонъ озаботился доставить разрѣшеніе уже усопшему, отъ настоящаго его Архипастыря, Патріарха Константинопольскаго, и получивъ разрѣшительную грамоту, подписанную Святѣйшимъ съ одиннадцатью Архіереями, раскрылъ гробъ и положилъ ее въ руки усопшему другу, а списокъ съ грамоты велѣлъ хранить въ ризницѣ обители во свидѣтельство потомству. Какъ трогательно такое милосердное дѣйствіе и дружеская заботливость даже за предѣлами гроба. Видно до какой степени благочестивый Пастырь понималъ всю

важность запрещенія и разрѣшенія Святительскаго, не только для сей жизни но и для будущей .

«Мы еще менѣе знаемъ о другомъ почившемъ здѣсь Святителѣ, сказалъ Архимандритъ, потому что и самое лѣто его преставленія не начертано на гробовомъ камнѣ, хотя обозначенъ день смерти 19 Апрѣля, память преподобнаго отца нашего Иоанна Ветхія Лавры, что въ Палестинѣ. По крайней мѣрѣ, онъ скончался въ день родственннй ему по происхожденію сего отшельника Святой земли, потому что погребенный здѣсь Епифаній принадлежалъ также къ области Иерусалимской, будучи Архіепископомъ монастыря Святой Голговы, что на Краніевомъ мѣстѣ, какъ свидѣтельствуеъ надпись на камнѣ».

Это былъ вѣроятно монастырь Авраамовъ, извиѣ прилегающій къ Голговѣ, которымъ теперь владѣютъ Копты, потому что самая Голгова находится внутри храма Воскресенія и не почитается отдѣльнымъ монастыремъ. Путнику Палестинскому знаменательно было обрѣсти въ дальней Казани невѣдомую гробницу Архіепископа Голговы, какъ бы нѣкій обломокъ Краніева мѣста, съ котораго распятый Господь простеръ искупительныя длани свои ко всему міру, всѣхъ призывая ко спасенію. Между тѣмъ Владыка стоялъ въ безмолвномъ созерцаніи, надъ упраздненными гробами столь близкихъ его сердцу Святителей Гурія и Варсонофія, и спросилъ Архимандрита: «что за остатокъ деревяннаго гроба поставленъ въ углу часовни, изъ котораго видно, что отдѣляются части?» но сколь радостно было его изумленіе, когда онъ услышалъ, что это остатокъ раки Святителя Варсонофія. Самъ онъ, по недавности прибытія своего въ Казань, не

зналъ еще о существованіи столь драгоценнаго сокровища, и чрезвычайною радостію утѣшилось его сердце при такомъ нечаянномъ открытіи. Архіепископъ велѣлъ Настоятелю внести священную раку во внутрь самаго храма, гдѣ почиваютъ мощи Святителя Варсонофія, дабы всѣ могли ее видѣть, какъ и раку преподобнаго Сергія въ Виваніи. «Здѣсь мы разстанемся, сказалъ онъ; нельзя было избрать для сего болѣе священнаго мѣста и утѣшительной минуты, когда обрѣтено для меня невѣдомое дотолѣ сокровище. Благословеніе Святителей нашихъ да сопутствуетъ вамъ всегда на пути жизни».

Такъ мы расстались. Вечеромъ оставилъ я гостепріимный кровъ, гдѣ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней. Солнце садилось, когда, на обратномъ пути, проѣхалъ я черезъ Казань и его багровыми лучами окрашены были бѣлыя башни Кремля. Полная луна подымалась, когда переплывалъ я Волгу, и осеребрила широкія воды царственной рѣки: послѣднія впечатлѣнія Казани и ея окрестностей, были столь же отрадны для сердца, какъ и первыя!

1848 г.

VIII.

АРЗАМАСЪ.

На обратномъ пути изъ Казани измѣнила мнѣ погода, дотолѣ благопріятная, и два дня, проведенные мною въ Нижнемъ, были почти какъ потеряны отъ безпрестанныхъ дождей. На сей разъ я уже остановился посреди ярмарки, но мало было жизни вокругъ, потому что, кромѣ ненастья, нѣсколько случаевъ холеры, распространили невольное уныніе; только вечеромъ оживлялось общество въ нижнихъ галереяхъ нашего жилища: тамъ нынѣшній Начальникъ губерніи устроилъ, въ бывшихъ пустыхъ переходахъ, всѣ лучшія лавки Азіятскихъ товаровъ и развлекалъ музыкою народное собраніе. Мнѣ еще предстояла довольно трудная поѣздка въ Саровскую пустынь, по испорченной отъ дождей дорогѣ, такъ, что въ теченіе сутокъ едва я могъ достигнуть до Арзамаса, хотя онъ отстоитъ только на сто верстъ отъ Нижняго.

На разсвѣтѣ представился мнѣ этотъ замѣчательный городъ, исполненный благолѣпіемъ своихъ храмовъ, которые остались свидѣтелями еще недавняго цвѣтущаго

состоянія его торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ кореннаго благочестія его жителей. Многолюдная община, 35 церквей и соборъ, какимъ могла бы похвалиться даже столица, по обширности его и великолѣпію: — можно ли ожидать такого духовнаго богатства отъ уѣзднаго города, въ которомъ нѣтъ и 9000 жителей? Хорошо если бы и новѣйшіе города наши подражали сему благому примѣру. Съ упадкомъ кожевенной промышленности, которая составляла главный источникъ доходовъ Арзамаса, хотя и пустѣетъ городъ, но не оскудѣваетъ однако усердіе горожанъ къ родной святынѣ: цвѣтущее состояніе женской Алексѣевской общины свидѣлствуетъ о ихъ духовномъ расположеніи.

Многое слышалъ я о сей знаменитой общинѣ, гдѣ до пятисотъ вдовъ и дѣвицъ, посвятившихъ себя на молитвы и рукодѣлія, представляютъ удивительный примѣръ благоустроенной обители; она держится только трудами и тѣмъ уваженіемъ, которое невольно внушаетъ безукоризненная жизнь многочисленныхъ сестеръ, вночествующихъ въ полномъ смыслѣ сего слова, хотя и безъ произнесенія обѣта. Есть еще двѣ такія общины въ окрестностяхъ Арзамаса: Ардатовская и Дивѣевская, недавно устроенная съ благословенія старца Саровской пустыни Серафима. Какъ бы особенная благодать Божія почиваетъ на сихъ предѣлахъ, гдѣ по сосѣдству Саровской и Санаксарской пустынь, устроилось столько многолюдныхъ общинъ, руководимыхъ совѣтами старцевъ! Арзамасская обязана своимъ началомъ благочестивому труженнику, изъ дворянскаго рода Ушаковыхъ, отцу Θεодору, въ мѣръ Іоанну, который, находясь на службѣ цар-

ской, при Императрицѣ Елисаветѣ, оставилъ міръ, будучи пораженъ внезапною смертію одного изъ своихъ товарищей. Онъ тайно ушелъ изъ столицы и долго скитался по отдаленнымъ пустынямъ, доколѣ не былъ взятъ въ Кіевѣ, какъ не имѣвшій при себѣ вида. Узнавъ о его прежней службѣ по гвардіи, представили вольнаго инока Императрицѣ; она же, по свойственному ей благочестію, только упрекнула его: за чѣмъ не открылъ ей своего задушевнаго помысла? и разрѣшила ему постричься въ обители Невской. Множество учениковъ и ученицъ стали стекаться къ благоговѣйному иноку, возбуждая тѣмъ зависть братій, и для избѣжанія оной удалился Θεодоръ въ Саровскую пустынь. За нимъ послѣдовали многочисленные его ученики: посему иноки Саровскіе посовѣтовали ему испросить для своей общины приходившую тогда въ упадокъ Санаксарскую пустынь того же уѣзда. Послушался ихъ совѣта отецъ Θεодоръ, и, будучи посвященъ въ іеромонахи, сдѣлался настоятелемъ Санаксарскимъ.

Но его заботила безпріютная участь многочисленныхъ ученицъ, которыя также все оставили чтобы идти вслѣдъ за нимъ, и онъ испросилъ для нихъ у духовнаго начальства недавно упраздненную въ Арзамасѣ, женскую Алексѣевскую обитель, гдѣ свободно могли онѣ помѣститься. Число ихъ возрасло до 150 еще при жизни отца духовнаго, который часто ихъ навѣщалъ, чтобы пользовались его совѣтами. Онѣ не приняли на себя монашескихъ обѣтовъ, но правила данныя имъ отцемъ Θεодоромъ были строже всякаго обѣта, и доселѣ исполняются съ чрезвычайною точностію.

Все у нихъ должно быть общее и послушаніе настоятельница безусловное; она же обязана, съ кротостію и благоразуміемъ, наблюдать за нравомъ каждой сестры, для сохраненія мира и удаленія нерадивыхъ. Не имѣя никакихъ окладовъ или угодій, община содержится единственно трудами рукъ своихъ и прославилась ими во всѣхъ краяхъ Россіи, особенно золотошвейнымъ искусствомъ; каждая сестра по своей способности шьетъ или прядетъ, или тчетъ холстъ, и это въ теченіе цѣлаго дня до глубокаго вечера, а для того, чтобы не было между ними суетныхъ бесѣдъ, одна грамотная читаетъ въ слухъ духовную книгу. Послѣ общей трапезы онѣ вмѣстѣ поютъ вечерню, повечеріе и читаютъ три канона Господу, Богородици и Ангелу хранителю, съ пятидесятью земными поклонами и молитвами на сонъ грядущихъ. По полуночи опять собираются для чтенія утреннихъ молитвъ и псалтыря, съ помянникомъ за усопшихъ, и потомъ всѣ расходятся къ рукодѣльямъ. Въ церковь къ литургіи всѣ обязаны ходить по праздникамъ и стоять отдѣльно на хорахъ; въ будни же ходятъ только престарѣлыя и тѣ, которыя болѣе свободны; клиросное пѣніе не лежитъ на нихъ, такъ какъ онѣ не пострижены и служба церковная не составляетъ ихъ главной обязанности.

Я еще засталъ раннюю обѣдню въ лѣтнемъ великолѣпномъ храмѣ Арзамасской общины; дряхлый старецъ священникъ совершалъ ее и едва былъ слышенъ дрожащей его голосъ; только два причетника пѣли на клиросѣ и одна сестра прислуживала вмѣсто пономаря; нѣсколько старицъ молились въ сторонѣ, а прочія были на работѣ.

Я просилъ одну изъ сестеръ доложить обо мнѣ настоятельница, а между тѣмъ показать мнѣ церковь, и былъ изумленъ богатствомъ ея украшеній; но еще удивительнѣе было то, что все сіе убранство, не говоря о ризахъ и златошвейныхъ пеленахъ и плащаницахъ, даже самыя иконы и ихъ рѣзныя рамы и позолота,—все устроено женскими руками, потому что между ними есть искусныя иконописцы и рѣзники. Всѣ сіи художества еще украшены строгою жизнію тѣхъ, которыя занимаются ими, для благолѣпія храмовъ и на пользу ближнихъ. Что сказать о такой общинѣ, состоящей изъ пяти сотъ благочестивыхъ сестеръ, которыя сами себѣ спускаютъ молитвенно пропитаніе, трудами рукъ своихъ? Вотъ истинно Христіанское общежитіе основанное на послушаніи Богу и настоятельница.

Она приняла меня съ радушіемъ, уже престарѣлая и болѣзненная, Марѳа по имени, столь же заботливая какъ и евангельская сестра Лазаря, но избравшая себѣ и благую часть подобно Маріи; съ трехлѣтняго возраста принесена она была въ обитель и въ ней получила духовное образованіе, которое въ свою очередь передаетъ другимъ, потому что умѣла приобрѣсть общее уваженіе во всей окрестности по своимъ истинно Христіанскимъ добродѣтелямъ. Хорошая настоятельница позволила мнѣ осмотрѣть свои общественныя заведенія, трапезу и больничную церковь, и благословила въ путь иконою Владимірскою, руководѣля общины, которая остается у меня памятію сего замѣчательнаго Христіанскаго братства. Я поспѣшилъ далѣе въ Саровскую пустынь, за 60 верстъ отъ Арзамаса, уже въ Тамбовской губерніи.

IX.

САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ.

Густой лѣсъ, начинаясь отъ предѣловъ Тамбовской губерніи, представлялся все болѣе и болѣе дремучимъ, но мѣрѣ приближенія къ Саровской пустынѣ. Узкая дорога поворотила круто влѣво, отъ большаго Темниковскаго пути, въ самую чащу бора, и тамъ еще три версты пролежала, между вѣковыхъ деревъ, по глубокому песку. Должно было ожидать чего-либо необычайнаго въ такой дикой глуши, созданной для жилища отшельниковъ, и оно внезапно открылось сквозь рѣдѣющія вѣтви. Съ первымъ нечаяннымъ звукомъ колокола, призывавшаго къ вечерни, столь же нечаянно прорѣзались, между двухъ исполинскихъ сосенъ, величавая колокольня, и вся бѣлая обитель явилась изумленнымъ взорамъ, посреди зеленой поляны, при устьѣ двухъ малыхъ рѣчекъ, омывающихъ подножіе ея пустыннаго хѣлма. Зрѣлище было чудно; ярко облиты были всѣ предметы вечерними лучами солнца. Я ждалъ убогой пустыни, и вотъ мнѣ предстала великолѣпная лавра, на

подобіе Сергіевой, но лавра только по наружности, со всѣмъ внутреннимъ убожествомъ общежительной пустыни, хотя и съ благолѣпными храмами. Первый взглядъ на нее уже удовлетворялъ сердце: потому-ли, что давно жаждало оно насладиться удивленною святынею, отколѣ истекло столько великихъ свѣтильниковъ по всей землѣ Русской, или просто, по тайному безотчетному чувству, которое невольно располагаетъ насъ къ одному предмету скорѣе и ближе, чѣмъ къ другимъ?

Я перешелъ длинный мостъ, чрезъ быстрый Сатясъ, и, какъ бы по зову колокола, поднялся на живописный холмъ ко вратамъ обителя. — «Не васъ ли мы ожидаемъ?» привѣтливо спросилъ меня повстрѣчавшійся со мною монахъ, и повелъ въ прекрасную гостинницу у самой ограды; оттуда открылась мнѣ очаровательная картина на всю поляну и на теченіе обѣихъ соединяющихся рѣкъ, въ объемѣ мрачной дубравы. Я забылъ усталость труднаго пути изъ Нижняго и поспѣшилъ въ главный соборъ къ малой вечерни. Новое изумленіе ожидало меня, при видѣ столь великолѣпнаго храма въ такомъ дикомъ уединеніи. Не многіе города могутъ похвалиться подобными зданіями, и однако первымъ краеугольнымъ камнемъ послужила ему пустынная молитва забытаго отшельника, въ непроходимой тогда дебри! Невольное умиленіе рождается въ душѣ, при такомъ воспоминаніи начальнаго убожества и нынѣшняго величія. Истинны слова черноризца Печерскаго о гѣхъ обителяхъ, которыя воздвигаются не златомъ и серебромъ, но молитвеннымъ потомъ пустынножителей; начиная отъ лавры Печерской, по всей Россіи, исполняется его незабвенное сло-

во, въ теченіе многихъ вѣковъ, и еще конечно исполняться будетъ, доколѣ будетъ цвѣсти благочестіе и стоять на этомъ твердомъ основаніи Святая Русь!

Какая же обитель возникла внезапно, въ дремучихъ лѣсахъ Темниковскихъ, и что тутъ было прежде?—Тутъ былъ Татарскій городъ Сараклы, одного изъ подвластныхъ Князей Золотой Орды; послѣдній владѣтель Беканъ жилъ тутъ во дни Великаго Князя Донскаго, обладая многими окрестными городами и селеніями, но и онъ принужденъ былъ удалиться за рѣку Мокшу, въ село Конгушъ, отъ безпрестанныхъ нападеній на столь дикое мѣсто: родъ Князей Кугушевыхъ ведетъ отъ него свое начало. На старомъ же городищѣ остались земляной валъ и глубокіе рвы, съ четырьмя городцами на вершинѣ холма, укрѣпленнаго самою природою, при сліяніи двухъ рѣкъ. Кто же вступилъ во владѣніе брошенной твердыни Князя Ордынскаго?—пустынники, безвѣстные міру, но знаемые Богу, которыхъ жизнь, по глубокому выраженію Апостола Павла, сокрыта была со Христомъ въ Богѣ (Колосс. III, 3). Не вмѣстѣ они жили, но одинъ другому передавали молитвенное свое уединеніе: имя перваго—*Θεοδοσίη*, сладостное въ мірѣ иноческомъ и какъ бы необходимое для положенія начала всякому общежитію, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ предѣлахъ нашего отечества. Герасимъ, достойный соименникъ Иорданскаго, наслѣдовалъ *Θεοδοσίη* и освятилъ своими добродѣтелями мѣсто, котораго будущая слава открыта была ему въ свѣтлыхъ видѣніяхъ. Иларіонъ, юный годами, былъ преемникомъ Герасиму и напомнилъ собою лице перваго пещерника Кіевскаго, потому

что и онъ сталъ рыть себѣ подземную келлію въ ребрахъ холма Татарскаго, какъ иѣкогда тотъ не убоился продолжать Варяжскія пещеры: быть можетъ и здѣсь какіе либо темныя склены Ордынцевъ навели на первую мысль о пещерахъ, которыя обратились въ послѣдствіи въ келліи иноковъ. Дстойно вниманія, что и сей древній Иларіонъ, бывший Митрополитомъ Кіевскимъ, явился въ сонномъ видѣніи, юному труженнику и благословилъ его на подвигъ.

Хотя отшельники сіи не оставались, до исхода дней своихъ, въ избранномъ ими жилищѣ, по трудности жительства посреди столь дикихъ лѣсовъ,—однако они передавали другъ другу таинственное преданіе о будущей славѣ этого мѣста: она имъ представлялась, въ видѣніи свѣта неземнаго, на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ сооружены храмы; она имъ слышалась въ тайномъ звукѣ невидимаго колокола, вѣстника грядущаго благовѣста; такъ почти всегда таинственно прорекались имѣющія возникнуть обители, со временъ самыхъ отдаленныхъ и до нынѣшнихъ. Нечаянное обрѣтеніе мѣднаго креста однимъ поселенцемъ, въ разрытыхъ имъ окопахъ, назнаменовало мѣсто сіе для будущихъ святилищъ. Насталъ завѣтный часъ прочнаго основанія пустыни и явился мужъ, на то предназначенный, котораго уже не устрашили страхованія ночныя и коварныхъ челоуѣкъ озлобленія; онъ принялъ благословеніе Иларіона, сдѣлавшись ученикомъ его, и безвыходно поселился въ его келлію, вѣруя, что уже подобаетъ прославиться этому мѣсту, потому что и его самаго посѣщали откровенія свыше. И въ какое время помыслилъ онъ совершить это предпріятіе?—когда упразд-

нялись многія вѣковыя обители, какъ бы отжившія свои годы, и самое монашество, казалось, умалялось. Тогда суждено было, вопреки помышленіямъ человѣческимъ, прозябнуть этому новому сѣмени иночества, глубоко пустить свои корни въ почву Русскую и возрасти въ великое древо, посреди дремучей дубравы: инокамъ, ишедшими изъ-подъ ея сѣни, должны были обновиться многія ураздвенныя обители и освѣжиться поблекшія пустыни, такъ что дремучій боръ Саровскій сдѣлался разсадникомъ инокъ по всей Руси.

Іоанномъ звался въ мірѣ и въ схимѣ этотъ первоначальникъ Саровскій, Исаакіемъ въ постриженіи иноческомъ, и происхождение его было самое убогое: онъ былъ сынъ причетника села Краснаго, подъ Арзамасомъ, но уже съ пятнадцатилѣтняго возраста посвятилъ себя на служеніе Богу, въ Введенскомъ монастырѣ своего родоваго города. Это было въ 1689 году; отецъ его постригся также въ монашество, подъ именемъ Теофана. Три года спустя, при послѣднемъ Патріархѣ Адріанѣ, рукоположенъ былъ Исаакій, Митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ, Евѣиміемъ, въ іеромонаха Темниковскаго Санакарскаго монастыря; но душа его стремилась къ безмолвію пустынному. Онъ удалился въ дремучіе лѣса Саровскіе, къ отшельнику Иларіону, получивъ отъ него пустынное наслѣдство его пещеръ.

Не легко было принять на себя такой подвигъ, который не перенесли многіе прежде него любители сего дикаго уединенія: ибо, какъ говоритъ псалмопѣвецъ о искушеніяхъ духовныхъ, наипаче страшныхъ въ одиночествѣ: «стрѣлы сильнаго изощрены со угльми пустыни-

ными» (Псал. 119). Но бодрый воинъ Христовъ не сказалъ, съ прежде бывшими отшельниками сего мѣста: «увы мнѣ, яко пришествіе мое продолжится!» и хотя нѣсколько разъ оставлялъ оное, чтобы подкрѣпляться общеніемъ человѣческимъ въ окрестныхъ обителяхъ, однако опять и опять возвращался на избранное имъ поприще, твердо положивъ въ душѣ своей: или одержать на немъ совершенную побѣду надъ вражескими искушеніями, или умереть на мѣстѣ своего подвига; онъ зналъ, по словамъ Апостольскимъ: «что брань его была не съ кровію и плотію, но съ міроправителями тмы вѣка сего, съ духами злобы поднебесными» (Ефес. VII, 12). Замѣчательно сказаніе сего подвижника, о тѣхъ страхованіяхъ ночныхъ и томленіяхъ духовныхъ, которымъ онъ подвергался въ своей тяжкой борьбѣ; но чрезвычайное его смиреніе не позволило ему назвать самаго себя, и онъ приписалъ все съ нимъ бывшее другому подвижнику, Иларіону, котораго называетъ юнымъ монахомъ; нѣтъ сомнѣнія однако, что этотъ юный монахъ былъ самъ Исаакій. Еще замѣчательно чрезвычайное сходство всѣхъ сихъ пустынныхъ бореній Саровскаго отшельника съ тѣми, какія испыталъ, за двѣнадцать до него столѣтій, иной пустынникъ Палестинскій, блаженный Иеронимъ, хотя конечно Исаакій не имѣлъ случая прочесть его краснорѣчивыхъ писемъ къ вельможамъ Римскимъ. Такое сходство искушеній и чрезвычайная трудность въ ихъ преодоленіи показываетъ, какъ много должно испытывать себя иноку и усовершенствоваться въ братской обители: умиротворившись вполне съ людьми и самимъ собою, прежде нежели выступить на состязаніе духовное

съ иными болѣе опасными врагами, потому что тогда, при утонченіи плотскихъ нашихъ ощущеній, изъ невидимыхъ они дѣлаются видимыми, а сочувствіе инаго міра не всякому бываетъ по силамъ!

Иногда представлялось ему цѣлое полчище непріязненныхъ, съ воплями хотящихъ изгнать его изъ дебри, будто бы имъ принадлежащей; иногда казалось, что его мать и ближайшіе родственники, съ плачемъ приступаютъ къ нему, умоляя оставить неудобноисполнимый помыслъ и возвратиться на жительство въ обитель, гдѣ и они могли бы пользоваться его бесѣдою. Но еще томительнѣе была внутренняя буря сердца, которое будто сжималось въ груди, отъ невыносимой тоски и убійственнаго унынія, поражавшаго душу и тѣло какимъ-то мертвеннымъ оцѣпенѣніемъ, и самая молитва не всегда въ силахъ была разогнать тоску сію: тогда нашаче представлялось опять воображенію все красное міра и все облегчительное жизни общественной; келія пустынная дѣлалась ненавистною, какъ смрадная темница, и даже чувствительный смрадъ наполнялъ ее внезапно, такъ что отшельникъ принужденъ былъ бѣжать изъ нее на свѣжій воздухъ; а если возвращался черезъ силу, всякое рукодѣліе и чтеніе дѣлалось совсѣмъ невозможными отъ глубокаго унынія. Напрасно иногда чаялъ онъ Бога спасающаго, по словамъ псалма, отъ малодушія и отъ бури, когда удалялся бѣгая и водворялся въ пустыни; бывали однако и такія минуты, въ которыя возбужденная душа преодолевала искушенія пламенною молитвою, но надобно было строго блюсти за собою, чтобы не поддаваться малодушію внутреннему и страхованіямъ внѣшнимъ.

Однажды такъ сильно было волненіе духа юнаго отшельника, что вся его пустынная келлія, казалось, какъ бы колебалась вокругъ него и самъ онъ весь, отъ головы до ногъ, будто объятъ былъ пламенемъ и пораженъ лютою болѣзнію. Въ ужасѣ, схвативъ икону Пречистой Дѣвы, устремился онъ въ другую пустынную келлію, далеко отъ него отстоявшую, на лѣсномъ городищѣ, гдѣ обиталъ иной отшельникъ, по имени Герасимъ, и тотъ, оградивъ его знаменіемъ крестнымъ, успокоилъ мало по малу его душевное смятеніе.—Кто же былъ сей Герасимъ?—вотъ опять разительный примѣръ, какъ слаба природа наша, безъ всемогущей благодати Божіей, и какъ посему недостаточно одного произволенія для высшаго состоянія иноческаго; но съ другой стороны примѣръ этого Герасима научаетъ насъ и не осуждать ближнихъ нашихъ, если не успѣваютъ они въ своемъ благомъ намѣреніи, когда оно имъ не по силамъ. Отшельникъ сей, котораго не должно смѣшивать съ первымъ того же имени, съ молодыхъ лѣтъ пожелалъ безмолвія, не побѣдивъ своихъ страстей въ общежитіи. Онъ испросилъ у настоятеля обители, гдѣ пребывалъ, дозволенія заключиться въ затворъ, потому что почиталъ уже себя совершеннымъ старцемъ; но бѣжалъ въ первую ночь заключенія по страху привидѣній, и стыдясь принести искреннее признаніе въ своемъ малодушіи, сталъ скитаться по окрестнымъ монастырямъ, доколѣ опять прежнее самонадѣянное желаніе не повлекло его въ пустыню. Онъ устроилъ себѣ келлію въ лѣсахъ Саровскихъ, на городищѣ, и тамъ нѣкоторое время ревностно подвизался; но и на него напала тоска одиночества,

со всеми ея ужасами и, не въ силахъ будучи перенести стрѣлы сильнаго, изощряемая углями пустынными, онъ искалъ развлеченія иногда въ окрестныхъ обителяхъ, иногда въ ближайшихъ селеніяхъ; тамъ совершенно вобладали имъ страсти. Однако прежнее доброе начало опять извлекало его изъ состоянія чувственности; онъ, на краткое время, опять бѣжалъ въ пустыню и ревностно принимался за молитвенные подвиги; но уже не имѣя мира съ самимъ собою, не имѣлъ его и съ ближними. Завидуя совершенствамъ духовнымъ Исаакія и пришедшаго поселиться съ нимъ другаго инока Палладія, онъ наносилъ имъ много оскорбленій, которыя оба съ благодушіемъ терпѣли, помня завѣщаніе псаломное «съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ». Непріязнь его особенно была для нихъ чувствительна, когда внезапный пожаръ истребилъ собственную ихъ келію и они принуждены были на время помѣститься вмѣстѣ съ Герасимомъ; но уже, не въ силахъ будучи переносить его притязательнаго права, поселились въ оставленной пещерѣ Марііоновой и распространяли ее собственными трудами. Наконецъ Герасимъ удалился совершенно изъ ихъ пустыни и безъ вѣсти исчезъ въ мірской суетѣ. Отшельники же продолжали свой подвигъ, и когда Палладій перешелъ на жительство въ обитель, Исаакій одинъ подвизался въ пустынѣ, побѣдивъ совершенно постомъ и молитвою всякія искушенія, потому что надъ нимъ исполнилось благодатное слово Евангельское, о побѣдѣ надъ демономъ: «сей же родъ ничимъ же можетъ изыти токмо молитвою и постомъ» (Марка IX, 29).

Семь полныхъ лѣтъ провелъ въ уединеніи Исаакій,

назидая словомъ и дѣломъ приходящихъ къ нему и обращающа иногда изъ раскола самыхъ закоснѣлыхъ. Такимъ образомъ одинъ, приведенный имъ на путь истинный, поселянинъ, былъ имъ постриженъ подъ именемъ Иринея, и ему оставилъ онъ свое пустынное наслѣдіе, когда братство Введенской обители въ Арзамасѣ, гдѣ самъ вначалѣ постригся, убѣдило его принять надъ ними настоятельство. Но будучи игуменомъ, не преставалъ Исаакій радѣть о своихъ духовныхъ чадахъ пустыни, потому что къ ревностному Иринею стали мало по малу собираться иноки, а по смерти его, другой ученикъ Афиногенъ, со старцами Паисіемъ и Юасафомъ и нѣкоторыми послушниками, продолжали образовывать изъ себя пустынное семейство Саровское. Тогда Исаакій возымѣлъ мысль устроить для нихъ церковь и обитель, хотя самъ, богатый только нищетою Евангельскою, не располагалъ ни малѣйшими для того средствами. Можетъ быть ему и не пришла бы на мысль возможность предпринять столь великое дѣло, если бы самая необходимость къ тому не побудила: ибо тогда вышелъ строгій указъ, чтобы всѣ монашествующіе жили въ монастыряхъ; живущихъ же въ лѣсахъ, тамъ, гдѣ нѣтъ церквей и ограды, велѣно было почитать за раскольниковъ. Такимъ образомъ то, что, по видимому, должно было подѣчь до самаго корня зараждавшееся братство, послужило къ его утверженію.

Весьма трудно было приобрести землю, для новой обители, и согласить окрестныхъ помѣщиковъ уступить подъ нее свои участки, на которые многіе имѣли притязаніе безъ всякаго права. Исаакій вызвалъ изъ пустыни

ученика своего Афиногена и, поручивъ ему Введенскую обитель, самъ пошелъ умолять большихъ и малыхъ владѣтелей, отступитья отъ своего лѣснаго владѣнія въ пользу церкви. Онъ началъ съ Князей Кугушевыхъ, которымъ, по преданію, принадлежало пустое городище, и по счастью нашелъ въ нихъ себѣ покровителей. Тогда поспѣшилъ въ Москву, чтобы тамъ испросить благословенную грамоту отъ Мѣстоблюстителя Патріаршаго престола Митрополита Стефана, и безъ труда получилъ оную на сооруженіе храма Живописнаго Источника. Ему такъ пришло на мысль, по близости источника къ пещерѣ Иларіоновой, и потому что хотѣлъ посвятить пустынь свою Матери Божіей. Но не такъ легко было привести въ исполненіе благочестивое желаніе, ибо безъ указа Царскаго, объ отводѣ ему земли подъ церковь, нельзя было приступить къ строенію, а чтобы получить указъ, надобно было предварительно засвидѣтельствовать въ Арзамасскомъ судѣ добровольную уступку всѣхъ помѣщиковъ; но, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, все побѣдило ревностное стараніе старца.

Успѣшное обращеніе Заволжскихъ раскольниковъ, которые пожелали имѣть Исаакія своимъ пастыремъ, отвлекло его на время отъ устройства новой обители, потому что онъ, по чувству Христіанскаго долга, не хотѣлъ оставить безъ руководства новообращенныхъ; но Богъ послалъ ему, на пути въ Москву, опытнаго для нихъ наставника, въ строителѣ монастыря Переяславльскаго Питиримъ, который взялся быть ихъ руководителемъ. Сей Питиримъ, сдѣлавшись въ послѣдствіи Епископомъ Нижегородскимъ, написалъ Пращицу духовную и про-

славился обращеніемъ большей части раскольниковъ своей епархіи къ свѣту Православія. Между тѣмъ Исаакій могъ заняться исполненіемъ давняго, многолѣтняго своего желанія, и приступить къ сооруженію церкви близъ того мѣста, гдѣ прежде устроена была имъ самимъ часовня, въ предзнаменованіе грядущей обители. Въ Іюнѣ 1706 года имѣлъ онъ наконецъ утѣшеніе видѣть храмъ Божій, на давно забытомъ городищѣ, посреди глухой дебри.

Замѣчательно было быстрое сооруженіе сей первой церкви; собственными его трудами и всего братства—въ пятьдесятъ дней она уже была готова къ освященію, и какъ скоро разнеслась о томъ вѣсть по окрестности, отовсюду собралась многія тысячи боголюбивыхъ людей, которые принесли съ собою всю нужную утварь для храма, даже колокола, и самую пищу для столь многочисленнаго собранія. До такой степени пламенно усердіе въ сердцѣ народа Русскаго, и стоитъ только возбудить въ немъ благочестивую искру, чтобы просіяло сіе духовное пламя. Страшный пожаръ, опустошившій вокругъ необъятные лѣса Саровскіе, проникнулъ и въ зачинавшуюся обитель, и къ чрезвычайному огорченію братіи истребилъ келліи и ограду, исключая одной только церкви Живоноснаго источника. Не упалъ однако духомъ бодрствовавшій настоятель; онъ немедленно приступилъ, съ тою же ревностью, къ обновленію утраченнаго и, руками пниковъ, воздвиглись опять изъ пепла прежнія зданія. Въ 1711 году довершилъ онъ начатыя еще отшельникомъ Иларіономъ пещеры въ холмѣ Саровскомъ, съ церковію во имя преподобныхъ Печерскихъ Антонія и Θεодосія, и съ помощію двухъ царственныхъ благо-

дѣтельница, Великихъ Княженъ Маріи и Феодосіи Алексѣевенъ, освятилъ подземный храмъ. Окрестные жители съ неудовольствіемъ смотрѣли на возникавшее братство среди лѣсовъ, гдѣ дотолѣ безпрепятственно занимались звѣрною ловлею и пчеловодствомъ, истребляя вѣковые лѣса, и самый пожаръ, прикоснувшійся обители, едва ли не былъ дѣломъ зависти. Однако все умираетъ кротость и терпѣніе, и прежніе враги сдѣлались усердными помощниками старца.

Тогда сталъ онъ помышлять о духовномъ устройствѣ обители на будущія времена, утвержденіемъ въ ней общежительнаго устава, и просилъ Мѣстоблюстителя Патріаршаго благословить его намѣреніе. Проникнутый самъ любовію къ иночеству, Стефанъ укрѣпилъ, рукою властною, строгій уставъ Саровскій и въ грамотѣ своей изъяснилъ, столько же для новаго братства, сколько и для новаго міра, уже начинавшаго чуждаться жизни иноческой, въ чемъ состоятъ истинные ея обѣты.

«Угодать Богу Всемогущему, пишетъ онъ, благо-разумные Христіане старались различными образами, испытывая, по глаголу Павлову, что есть воля Божія? дабы исполнять ее во всякомъ состояніи и званіи, по мѣрѣ силъ своихъ. Сего ради, дабы открыть удобный путь къ горней жизни, нѣкоторые, горящіе духомъ люди Господни, избрали себѣ житіе цѣломудренное: одни въ дѣвственномъ состояніи, другіе, послѣ честнаго брака, удалялись въ монастыри, оставивъ семейства и имущества, и уединялись въ мѣста пустынные, далеко отъ суеты мірской, дабы приближаться къ Богу въ непрестанной молитвѣ, въ постѣ и воздержаніи. Какъ бывало сіе въ древ-

ніе годы, такъ и въ нынѣшнее лѣто устроилась новая обитель старцемъ Исаакіемъ, въ предѣлахъ Арзамасскихъ, на старомъ городищѣ Сатиса и Сарова. Съ нашего благословенія и по указу благовѣрнаго Государя, соорудилъ онъ тамъ церковь, во имя Пресвятыя Богородицы, и собравшіеся къ нему братія, ради любви Божіей, поста и молитвъ, восхотѣли оставить между собою житіе общее, дабы ничего не имѣть имъ въ келліяхъ своихъ, кромѣ необходимой одежды: никто не можетъ называть что-либо своимъ, но все у нихъ должно быть общественное, начиная отъ трапезы. Лобызая пустынное безмолвіе, они должны быть въ совершенномъ послушаніи настоятеля, и безъ его благословенія не выходить за ограду, даже для свиданія съ родственниками; пѣніе церковное и правило келейное исправлять имъ вмѣстѣ, во всякомъ благочиніи, и никакого вклада и ни единой вещи не принимать на свое лице, но все отдавать въ казну монастырскую, дабы не было распри или превозношенія: ибо всѣ они должны быть равны между собою. Посему и азъ, смиренный Стефанъ, далъ имъ сію утвердительную грамоту, да работаютъ Господу въ страхѣ и радуются ему съ трепетомъ, содѣлывая свое спасеніе по слову псаломскому и апостольскому, и какъ святые Отцы въ Церкви святой утвердили, дабы чрезъ то сподобиться имъ вѣчной жизни во Христѣ Исусѣ.»

Положивъ такимъ образомъ прочное духовное основаніе своей пустыни, озаботился старецъ Исаакій о томъ, чтобы дать ей средства къ существованію на будущія времена. Ласковымъ обращеніемъ и любовію приобрѣлъ онъ, отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, многочисленныя владѣ-

ды въ обитель, не столько деньгами и вещами, сколько землями, лѣсами и рыбными ловлями, потому что всѣ были проникнуты благоговѣніемъ къ подвижнической жизни настоятеля и братіи, и многимъ послужила она назидательнымъ примѣромъ ко спасенію души; слава о томъ распространилась по всей Россіи. Указомъ Императрицы Анны Іоанновны всѣ эти земли утверждены были вѣчно за обителью, въ 1740 году, такъ какъ она не имѣла никакихъ другихъ средствъ къ своему пропитанію, и этотъ богатый участокъ лѣса доселѣ сохранился монастырю, а чрезъ то сохранился и самый лѣсъ, потому что не смѣла коснуться его рука окрестныхъ жителей, истребившихъ свои лѣса.

Исаакій положилъ при себѣ основаніе каменной соборной церкви, во имя Успенія Богоматери, и чувствуя немощеніе силъ своихъ, избралъ въ настоятели вѣрнаго своего сподвижника Дородея, который раздѣлялъ съ нимъ дикое его уединеніе; самъ онъ пожелалъ провести остатокъ дней въ безмолвной молитвѣ. Препрежнее имя Іоанна возвратилось ему съ воспріятіемъ схимы. Это было въ 1730 году; казалось, онъ сдѣлалъ все, что только могъ, для пустыни Саровской, упрочивъ не только настоящее, но и будущее ея благосостояніе, и могъ въ мирѣ закрыть глаза свои посреди благоговѣвшей къ нему братіи, но Промыслъ Божій судилъ о немъ иначе, и послѣ семилѣтняго отдыха, осьмидесятилѣтнему старцу предстояло послѣднее искушеніе, лишившее его любимой имъ пустыни, а пустынь, драгоцѣннаго праха своего первоначальника. Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, пришелъ въ пустынь Саровскую одинъ изъ придворныхъ

служителей въ послушники, и принесъ съ собою, безъ всякаго умысла, въ числѣ своихъ бумагъ, копію съ манифеста Петра Великаго о престолонаслѣдіи, по которому должна была законно наслѣдовать Императрица Елисавета, что вскорѣ и совершилось. Неосторожный послушникъ промолвился о томъ нѣкоторымъ изъ братій и въ числѣ ихъ старцу Ефрему, одному изъ сподвижниковъ строителя Іоанна. Оба они присовѣтывали новому пришельцу, не держать у себѣ столь опасной грамоты; но послушникъ, по своей преданности къ будущей Императрицѣ, не хотѣлъ истребить акта, и упросилъ простодушныхъ старцевъ, позволить ему укрыть грамоту сію гдѣ-либо въ церкви подъ великою тайной; однако тайна не укрылась отъ одного изъ недоброжелателей строителя, и когда дряхлый старецъ думалъ только о мирной кончинѣ, внезапно, противъ всякаго чаянія, онъ былъ вытребованъ, вмѣстѣ съ Ефремомъ, въ сѣверную столицу. Пораженный столь тяжкимъ измѣненіемъ духовнаго своего мира, схимникъ Іоаннъ скончался вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, 4 Іюля 1737 года, и тамъ безвѣстно былъ погребенъ при церкви Преображенія, что въ Колтовской. Испуганная братія его пустыни не озаботилась въ первые годы испросить себѣ тѣло своего первоначальника; впоследствии же напрасно искали его могилу, въ числѣ другихъ безыменныхъ около церкви.

Горькая участь постигла и вѣрнаго ученика Іоаннова, Ефрема, который былъ лучшимъ его помощникомъ по устройенію пустыни и назидалъ братію благимъ примѣромъ, удѣляя свободное время отъ богослуженія на переписку церковныхъ книгъ, доселѣ употребляемыхъ въ

обители. Его лишили священства и сослали на жительство въ городъ Оренбургъ, гдѣ онъ провелъ 16 лѣтъ въ тяжкомъ заточеніи, пономаремъ при крѣпостной церкви, безропотно перенося судьбу свою, хотя, съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Елисаветы, одна его просьба могла бы возвратитъ ему утраченное! Но праведный мужъ, во глубинѣ своего смиренія, находилъ болѣе для себя духовной пользы, въ безусловной покорности Промыслу Божію, и на его волю предоставлялъ будущую участь. Въ свое время просіяла его добродѣтель необычайнымъ образомъ. Однажды случилось убогому пономарю Ефрему, копая землю, открыть богатый кладъ, и онъ принесъ его военному начальству, не изъявляя ни малѣйшаго желанія получить себѣ какую либо часть изъ прибрѣтеннаго сокровища. Такое безкорыстіе простаго пономаря изумило начальство и невольно обратило на него вниманіе. Узнали, кто былъ Ефремъ и, поднявъ бывшее о немъ дѣло, открыли совершенную его невинность, какъ бы тотъ кладъ, который самъ ему печально открылся для обличенія правды. Указомъ Святѣйшаго Синода освобожденъ былъ страдалецъ Ефремъ изъ дальняго заточенія, и санъ священства, по его невинности, признанъ въ немъ неутраченнымъ, а четыре года спустя, единодушное желаніе всего братства Саровскаго возвело его на степень настоятеля, которую онъ сохранилъ до глубокой старости.

Но до тѣхъ поръ нѣсколько строителей, изъ ближайшихъ учениковъ первоначальника, смѣнились одинъ за другимъ въ его пустыни, по краткомъ управленіи, какъ бы въ ожиданіи настоятельства сего мужа, испытуемаго

покамѣсть огнемъ искушенія. Дороей, избранный самимъ Іоанномъ, управлялъ всѣхъ долѣе, 17 лѣтъ, и довершилъ начатое имъ строеніе соборнаго храма Успенія и каменную колокольню, съ церковью Архангеловъ, и больничныя келіи, съ домовою при нихъ церковью Соловецкихъ Чудотворцевъ. Совершивъ такимъ образомъ, и упрочивъ всѣ предположенія любимаго своего наставника, и онъ подражалъ его примѣру, облекшись въ схиму подъ именемъ Димитрія, уже въ 70-ти лѣтнемъ возрастѣ. Схимникъ избралъ на свое мѣсто скромнаго Филарета, родомъ изъ дворянъ Смоленскихъ, человѣка опытнаго, который успѣлъ, въ короткое время своего управленія, отразить неправильныя притязанія сосѣднихъ помѣщиковъ, когда они начали строить винокурни за версту отъ обители, на землѣ за нею утвержденной указомъ Царскимъ. Тогда были опредѣлены и размежеваны ея лѣсные участки, и уже съ тѣхъ поръ не подвергалась она подобной опасности, отъ неблагонамѣренныхъ людей. Памятью Филарета осталась каменная теплая церковь, во имя Живоноснаго Источника, на мѣсто первой деревянной. Преемникъ его Маркеллъ, имъ самимъ избранный, и другой строитель Прокопій, не оставались долго на мѣстахъ своихъ, переводимые властію Архіерейскою въ иныя обители, болѣе почетныя по сану Архимандрита, хотя и менѣе любезныя ихъ сердцу; но и они успѣли соорудить двѣ церкви, Святителя Николая, надъ святыми вратами, и Іоанна Предтечи, у входа въ пещеры Иларіоновы, надъ источникомъ. Тогда вступилъ, въ давно предназначенное ему правленіе обители, благочестивый старецъ Ефремъ, въ 1758 году.

Никто лучше Ефрема не могъ управлять обителію, ибо онъ почти присутствовалъ при ея началѣ, опытнымъ взоромъ проникалъ всѣ духовныя ея нужды, и будучи самъ искушенъ страданіями, могъ и искушаемымъ помогать, по словамъ Апостола. Частая перемѣна настоятелей, переводимыхъ по волѣ мѣстныхъ Архіереевъ на архимандріи въ инныя обители, была опасна для недавноучрежденнаго общежитія; не чувствуя себя упроченнымъ въ пустыни, они не могли столь ревностно о ней заботиться, потому что смотрѣли на свою степень строительства какъ на переходное состояніе. Ефремъ возвращенный опять своей духовной родиной, посвятилъ себя исключительно устройству Саровскаго братства, полагая основаніемъ собственныиъ благой примѣръ. «Любить Бога не половинно, а всѣмъ сердцемъ, терпѣть на одномъ мѣстѣ, куда призваны Богомъ, послушаніе проходить усердно и со смиреніемъ, любить пищу и нестяжаніе, какъ многоцѣнное сокровище, прилѣжать неослабно къ молитвѣ, въ келіи упражняться чтеніемъ книгъ отеческихъ, быть молчаливу съ братією, но совѣсть имѣть откровенну къ духовному отцу и настоятелю, и блюсти крѣпко чистоту душевную и тѣлесную:»—таковы были опытная назиданія сего Ефрема, духомъ молитвы и умиленія напоминавшаго лице Сирскаго свое соименника.

Любовь къ нищимъ восходила въ сердцѣ его до высшей степени, потому что онъ всегда памятовалъ, какъ самъ былъ убогимъ и пресельникомъ въ дальней странѣ. Во время жестокаго голода, опустошавшаго Россію въ 1775 году, когда народъ питался желудями и древесною корою, старецъ велѣлъ открыть всѣ монастырскіе запа-

сы нуждающимся и, въ теченіе семи мѣсяцевъ, обитель прокармливала ежедневно отъ пятисотъ до тысячи чело-
вѣкъ; они стекались со всѣхъ сторонъ въ сію сокровищницу Христіанскаго милосердія, гдѣ вмѣстѣ съ насущнымъ хлѣбомъ преподавался и духовный. Услышавъ ропотъ нѣкоторыхъ изъ числа братіи, о чрезмѣрномъ оскудѣніи обителя, настоятель созвалъ старѣйшихъ, спросилъ о мнѣніи каждаго и потомъ, съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: «не знаю, какъ вы, но я расположился, доколѣ Богу угодно будетъ, за грѣхи наши, продолжить голодъ, лучше страдать со всѣмъ народомъ, нежели оставить его гнѣбнуть отъ голода. Какая намъ польза пережить подобныхъ намъ людей? а изъ нихъ, быть можетъ, нѣкоторые, до сего бѣдственнаго времени, и сами насъ питали своими даяніями.»

Всѣ прослезились, внимая столь трогательному слову, и положили единодушно, устоять въ своемъ нищелюбивомъ подвигѣ. Въ томъ же году, по минованіи голода, старецъ, чувствуя истощеніе силъ своихъ, собралъ опять братію и приказалъ избрать на свое мѣсто настоятеля, потому что самъ хотѣлъ уже препроводить въ безмолвіи остатокъ дней, подобно блаженному отцу своему, первоначальнику Іоанну. Братія желала имѣть строителемъ благочестиваго старца Іосифа, который уже три года помогалъ Ефрему въ управленіи обителию и провелъ 48 лѣтъ въ различныхъ послушаніяхъ; но Господь судилъ иначе, ибо тяжкая болѣзнь внезапно посѣтила избираемаго, дабы не измѣняемъ былъ подвигъ его послушанія. Тогда, съ общаго согласія, поставленъ былъ настоятелемъ мужъ крѣпкій и благоговѣйный, Пахомій, уже многіе

годы подвизавшійся въ пустыни Саровской, и онъ дѣйствительно оправдалъ, строгою жизнію, доброе о немъ мнѣніе; при немъ пустынь достигла высшей степени своего развитія и сдѣлалась для другихъ расадникомъ иночества. Годъ спустя, послѣ избранія Пахомія, старецъ Ефремъ достигнувъ 86 лѣтъ, въ глубокомъ мирѣ предалъ Господу свою праведную душу.

Пахомій имѣлъ утѣшеніе довершить начатое Ефремомъ строеніе новаго собора Успенскаго, гораздо въ большихъ размѣрахъ, по подобію Печерской лавры: ибо умножающееся число братіи и богомольцевъ требовало помѣщенія особенно въ храмовые праздники. Нищелюбивый обычай кормить безмездно, безъ различія, всѣхъ приходящихъ, не только не разорялъ обители, но привлекалъ къ ней болѣе усердія со стороны окрестныхъ жителей и давалъ средства настоятелямъ соорудить тѣ величественныя зданія, которыми теперь она красуется. «Сѣй скудно, скудостію и пожнетъ», говорилъ блаженный отецъ Пахомій: и еще «царствіе небесное силою беретъ и усиленные вскатели достаютъ оное». (Матѣ. XI, 12). И дѣйствительно, въ его время, явились такіе подвижники въ пустынь Саровской, которымъ и другія пустыни обязаны своимъ благоустройствомъ: Дорощева Южская, въ предѣлахъ Ярославскихъ, и Коренная-Знаменская, близъ Курска, и наипаче древній Валаамъ. Старецъ Назарій, одинъ изъ величайшихъ свѣтильниковъ Сарова, вызванъ былъ Митрополитомъ Петербургскимъ Гавріиломъ, для возстановленія сей унащенной обители.

Настоятель и самъ мѣстный Епископъ Теофілъ стара-

лись удержать у себя знаменитаго отшельника и представили о немъ Владыкѣ, какъ о человѣкѣ малоумномъ, но опытный въ духовной жизни Гавріилъ проныкъ тайну смиренія Назаріева. «У меня много своихъ умниковъ, отвѣчалъ Митрополитъ, пришлите мнѣ вашего глупца», и невольный пришлецъ возсоздалъ духовно сію забытую на Сѣверѣ пустынь; когда же упрочилъ ея благосостояніе, пожелалъ опять уединиться въ мѣсто прежняго своего жительства, и скончался въ пустынѣ. Не такъ удачно было вторичное требованіе того же Владыки, для назначенія начальника духовной миссіи въ Сѣверную Америку. Послушникъ его Теофанъ, въ послѣдствіи знаменитый настоятель Новоозерскіи, бывшій самъ въ Саровѣ, указалъ Гавріилу еще на одного подвижника сей пустыни, Іоакима; но испуганный зовомъ Архіерейскимъ, онъ нѣсколько лѣтъ юродствовалъ, чтобы только избавиться отъ высшей почести. Таковы были великіе дѣтели во дни Пахомія, которымъ не уступалъ онъ въ подвигахъ до глубокой старости. Епископъ Владимірскій Теофілъ, извѣстясь о его предсмертной болѣзни, писалъ къ нему трогательное посланіе, какъ нѣкогда писали къ великому Амвросію Медиоланскому, убѣждая его, повременить своимъ исходомъ, для душевной пользы братіи, и молить о нихъ Господа въ иной лучшей жизни, если уже суждено ему оставить сей временный міръ.

Пахомій подражая предшественнику своему Ефрему въ заботахъ о вѣренной ему паствѣ, избралъ уже на смертномъ одрѣ, себѣ преемникомъ, благочестиваго Псаю, въ 1794 году; выборъ его палъ на достойнаго мужа, ибо въ теченіе 12-лѣтняго управленія онъ поддержалъ

славу обители, слѣдуя во всемъ по стоцамъ блаженныхъ своихъ предмѣстниковъ. Не удивительно, что при такомъ постоянномъ рядѣ опытныхъ настоятелей и такихъ подвижниковъ, каковы были Назарій и прочіе, процвѣтавшіе въ дремучихъ лѣсахъ Саровскихъ, пустынь сія могла подняться на ту высокую степень духовнаго совершенства, на которой еще стоитъ донынѣ, строгостію своего устава и жизнію братіи. Назначеніе преемниковъ, еще при жизни настоятелей, много послужило къ утвержденію братства, потому что измѣненіе было только въ имени строителя, духомъ же все оны дѣйствовали воедино, не отклоняясь отъ спасительной черты, проложенной для нихъ первоначальникомъ Іоанномъ. Такъ и Исаія, за годъ до своей кончины, назначилъ по себѣ настоятелемъ строгаго старца Нифонта, который управлялъ 33 лѣтъ обителью и облекъ ее виѣшнимъ благолѣпіемъ, какъ бы пѣкую древнюю лавру, Сергіеву или Печерскую. Все каменные зданія были окончены при немъ и сооружены новыя церкви: Іоанна Предтечи надъ родникомъ, куда пеходятъ на Іордань, и Всѣхъ Святыхъ, за оградю, надъ усыпальницею братіи; прежніе храмы просіяли новою красотою; все мѣстныя ихъ иконы обложены были позлащенными окладами съ драгоценными камнями. Но виѣшнему благолѣпію пустыни вполне соотвѣтствовало и внутреннее, ибо время правленія Нифонта было цвѣтущимъ временемъ самыхъ знаменитыхъ пустынниковъ Саровскихъ, Марка, Серафима, Дороея, Иларіона и Александра, подвизавшихся въ дремучемъ лѣсу около обители; имя ихъ прославилось во всей Россіи.—Кто не слыхалъ о Маркѣ и Серафимѣ?—Старецъ Нифонтъ, уми-

рая въ глубокой старости, не успѣлъ назначить по себѣ преемника, но выборъ братіи удачно палъ на казначея Исаію, который былъ келейникомъ при первомъ настоятелѣ сего имени и усердно исполнялъ все должности монастырскія, въ долгое управленіе Нифонта.

Этотъ второй Исаія, десятый по списку настоятелей Саровскихъ отъ первоначальника пустыни, благоговѣнно стоялъ на своемъ мѣстѣ, когда я взошелъ въ соборъ во время малой вечерни. Убожество его деревянной кафедры, на которой, вѣроятно становились все первые строители, невольно бросалось въ глаза, посреди великолѣпія храма, горящаго золотомъ своихъ иконовъ и украшеній. Я не смѣлъ приблизиться къ Игумену и нарушить его благоговѣнной молитвы, въ которой подаетъ онъ примѣръ всей братіи, являясь всегда первымъ на службу и уходя послѣднимъ. Прежде однако, нежели познакомился я съ живымъ братствомъ пустыни, мнѣ хотѣлось поклониться тѣмъ изъ усопшихъ членовъ семейства Саровскаго, съ которыми былъ уже знакомъ по славіи о ихъ добродѣтели, далеко распространившейся. Я просилъ указать мнѣ гробницы пустынниковъ Марка и Серафима, и Игумена Назарія, извѣстнаго мнѣ еще по Валааму, который доселѣ исполненъ его памятью. Немного спустя окончилась служба и благодушный Игумень Исаія привѣтствовалъ меня, съ нѣкоторыми изъ старшей братіи, въ гостининой келіи: отраденъ былъ ласковый пріемъ простодушныхъ иноковъ.

«Теперь вамъ предстоитъ еще трудный подвигъ правила пустыннаго и всенощной», сказалъ мнѣ Игумень: «а вы еще утомлены отъ дороги; и такъ отложите до

завтра осмотръ обителя, если есть у насъ что либо для васъ занимательное, въ дремучихъ лѣсахъ нашихъ;» по, по краткости моего посѣщенія, я не имѣлъ времени для отдыха. Тогда настоятель предложилъ мнѣ взглянуть покамѣстъ на ихъ библиотеку, составленную изъ духовныхъ книгъ, которая хранилась въ нижнемъ ярусѣ колокольни. Потомъ взошелъ я въ келліи самаго настоятеля, весьма убогія по отношенію къ сану начальствующаго столь великолѣпною обителию: прихожая, гостинная и спальня, вотъ все помѣщеніе Игумена Саровскаго. Онъ замѣтилъ мое безмолвное удивленіе и сказалъ: «здѣсь жилъ въ продолженіе тридцати-пятилѣтняго своего настоятельства, предмѣстникъ мой, отецъ Нифонтъ, и всѣ прежде его бывшіе строители; не подобаетъ и мнѣ имѣть другаго жилища, да и этого слишкомъ довольно для моего недостойнства; не по силамъ мнѣ тяжкое бремя начальства.»

Однако, не смотря на его скромное о себѣ мнѣніе, съ пользою проходитъ онъ свое званіе; опытность монашеская есть какъ бы природная добродѣтель въ его семействѣ, потому что два его брата столь же полезно для Церкви занимаютъ мѣста настоятельскія: Моисей въ многолюдной пустыни Оптиной, въ предѣлахъ Калужскихъ, и Антоній въ монастырѣ Малоярославскомъ. Родомъ они изъ купечества Московскаго, и должно отдать справедливость этому почтенному сословію, что изъ него выходятъ многіе добрые иноки и настоятели обителей; даже большая часть монашествующихъ, по всей Россіи, едва ли не изъ званія купеческаго, потому что оно отличается своимъ усердіемъ къ святынь предъ всѣми, да и

Господь благословляет оное земными благами, ради этой пламенной любви къ святой Церкви.

Изъ своей келліи Игуменъ пригласилъ меня, посѣтить одного молодого еще затворника, котораго я знавалъ въ лаврѣ Троицкой и который, отъ чрезвычайнаго подвига въ постѣ и молитвѣ, впалъ въ изнеможеніе силъ. Я изумился происшедшей въ немъ перемѣнѣ; смертная блѣдность уже покрывала лице его, тяжкая одышка препятствовала говорить; онъ сидѣлъ за книгою Священнаго Писанія и, по оскудѣнію возможности бесѣдовать съ людьми, мысленно бесѣдовалъ съ Богомъ, разумѣющимъ пламенное его стремленіе къ лучшей жизни. Мы сказали другъ другу нѣсколько краткихъ словъ, вспомнивъ прежнее знакомство, и разстались конечно навсегда въ здѣшнемъ мірѣ, до свиданія въ вѣчности. При нынѣшнемъ оскудѣніи монашества разителенъ такой примѣръ ревности, переносящій мысленно въ давно забытыя столѣтія.

Я просилъ настоятеля показать мнѣ самаго старшаго изъ всей братіи Саровской, и онъ привелъ меня въ келлію отца Израїля, достигшаго крайняго предѣла челоувѣческой жизни. Почти столѣтній старецъ уже не выходилъ изъ своей келліи и не любилъ, чтобы нарушали его безмолвіе; говорятъ, что въ его усѣченныхъ рѣчахъ таится иногда духъ прозорливости. Мнѣ хотѣлось только принять его благословеніе, и старецъ осыпалъ меня знаменіемъ креста, при желаніи духовныхъ благъ. Такимъ образомъ я видѣлъ, одного за другимъ, юношу и старца, обоихъ довершающими свое житейское поприще въ молитвенномъ подвигѣ; на разстояніи столькихъ

лѣтъ юноша достигъ старца, на крыльяхъ духа, и едва ли не опередить его на прагъ вѣчности. Назидательно для души такое зрѣлище, и гдѣ обрѣсти его, если не въ обителяхъ?

Между тѣмъ стали ударять къ вечернему правилу, которое въ иныхъ обителяхъ можетъ каждый инокъ совершать у себя келейно, но здѣсь, по строгости Саровскаго устава, вся братія обязана исполнять его вкупѣ, для болѣе точнаго соблюденія. Оно состоитъ изъ обычныхъ каноновъ Спасителю, Божіей Матери, Ангелю Хранителю, и молитвъ на сонъ грядущимъ, съ многочисленными поклонами: болѣе двухъсотъ кладутъ въ промежуткѣ такъ называемой умной или безмолвной молитвы; но на сей разъ, какъ это былъ вечеръ субботній, поклоны земные замѣнены были поясными: для непривыкшаго не малое облегченіе. Вся братія собралась въ теплой, пространной церкви Живоноснаго Источника, гдѣ сіяетъ въ богатой ризѣ храмовая икона Богоматери, принесенная еще при первоначальникѣ, въ основаніе его пустыни, и теперь лучшее ея сокровище. Всѣ монашествующіе были облечены въ короткія мантии, для удобства земныхъ поклоновъ. Игуменъ пригласилъ меня на праздное мѣсто одного изъ отсутствовавшихъ братій, и въ сумракѣ вечера началось тихое чтеніе каноновъ. Умилительна была для сердца сія вечерняя молитвенная тишина, прерываемая частымъ возгласомъ «Господи помилуй», сорокъ разъ повторяемымъ сряду, но не спѣшно и съ поклонами, такъ что дѣйствительно это былъ искренній вопль души къ своему Искупителю: «взъ глубины возвахъ къ тебѣ, Господи.»

Здѣсь только вполне можно было оцѣнить все достоинство сей высокой молитвы, искажаемой въ иныхъ церквахъ, безотчетнымъ скорымъ повтореніемъ, которое сливается слова въ непонятный гулъ. Дѣйствительно, это было чистое воздѣяніе рукъ, какъ бы возношеніе омиама кадилаго, во время вечерней жертвы. Грѣшникъ взываетъ о помилованіи къ своему Господу: «Господи помилуй!»—Что можетъ быть выразительнѣе сихъ двухъ многозначительныхъ словъ? Еще болѣе торжественнымъ представлялось глубокое молчаніе, слѣдовавшее за ними: всякой братъ творилъ въ умѣ своемъ безмолвную молитву, и собиралъ въ душѣ своей мысли, дабы не разсѣявались онѣ даже и молитвенными звуками. Какъ глубоко постигали отцы свѣтые душевное состояніе человѣка, которому давали они свои духовныя врачества, благимъ опытомъ примѣненные сперва къ язвамъ собственной души! и какъ легко судить иногда о сихъ великихъ благодѣтеляхъ рода человѣческаго, не разумѣя всей благодатной силы ихъ цѣлебнаго подвига! Если только проникнешся духомъ ихъ молитвы, невольно почувствуешь себя лучшимъ, хотя на краткое время и, при нашей постоянной немощи, это уже есть великое благо для души, когда она хотя немного погрузится внутрь себя, отвлекая себя отъ міра и приближая къ Богу.

Я вышелъ изъ церкви, утомленный тѣломъ, но бодрый духомъ, и могъ еще выстоять воскресную всенощную, въ соборѣ Успенія, которая продолжалась тихо и благоговѣнно до глубокой полночи. Особенное впечатлѣніе производятъ на сердце монастырскія ночныя службы, отзываются первыми вѣками Христіанства, когда

вѣрные собирались на усыпальницу Мучениковъ, въ тиши ночной, чтобы укрыться отъ своихъ гонителей, потому что наступавшій день для многихъ также готовилъ вѣнецъ мученической! Въ слѣдующее воскресное утро, соборное служеніе совершалъ настоятель въ храмѣ Успенія, съ двумя старцами іеромонахами, которые едва передвигали ноги на выходахъ изъ алтаря, но бодро предстояли престолу, какъ-бы обновленные юностію орлей. Умилительно было видѣть ихъ благоговѣнное служеніе, проникнутое духомъ искренней молитвы, и слушать назидательную проповѣдь одного изъ старшихъ братій, возбуждавшую къ покаянію. Жадно придвинулся къ амвону народъ, какъ только поставили наложь, и это свидѣтельствуетъ, какая жажда слова Божія таится въ сердцахъ этихъ простыхъ рабовъ Божіихъ, часто обличающихъ усердіемъ своимъ наше невниманіе къ проповѣди. Немного было богомольцевъ, по обширности храма, однако въ другой меньшей церкви ихъ показалось бы довольно.

По окончаніи литургій я взошелъ въ ризницу и любовался благолѣпіемъ ея утвари. Вся она заключается въ бывшемъ алтарѣ, котораго иконостасъ сохранился на горнемъ мѣстѣ, въ замѣнъ вѣншей восточной стѣны, а самая церковь, то есть, та, которая была сооружена при второмъ настоятелѣ Димитріи, обратилась въ алтарь и къ ней пристроена новая; до такой степени обширны ея размѣры.

«Не по нашему духовному убожеству великолѣпнень храмъ сей» сказалъ мнѣ вошедшій для разоблаченія Игуменъ Исаія, «и намъ быть можетъ, слѣдовало бы

болѣ простоты. Знаете ли, что когда строитель Ефремъ возымѣлъ желаніе соорудить обширный соборъ сей и обозначилъ его будущее пространство кольями, то старшіе изъ братій съ негодованіемъ раскидали всѣ колья, говоря: «не подобаеъ пустынѣ такое великолѣпіе». Однако Богъ помогъ строителю Пахомію исполнить мысль старца Ефрема и не ко вреду братіи. Напротивъ того, она вся трудилась при созиданіи храма, и зодчими его были два инока Саровскіе: Питиримъ, который по своему усердію и многимъ трудамъ получилъ званіе ктитора, и Іоакимъ, составившій планъ церкви; какъ бы второй Веселеилъ, который устроилъ скинію при Моисеѣ, и онъ былъ вдохновенъ Богомъ на всякое художество. Оба ктитора положены рядомъ близъ собора, по смиренному завѣщанію отца Питирима».

Тогда Игуменъ пригласилъ меня идти вслѣдъ за братією въ трапезу, гдѣ всѣ расположились кругообразно вдоль стѣны, потому что трапеза была круглая; одинъ только столъ настоятеля, съ старшею братією, поставленъ былъ особо, во главѣ всѣхъ, противъ входа. Насыщеніе Спасителемъ пяти тысящъ прилично изображено на сводахъ трапезы; густой лѣсъ представлялся изъ оконъ, окраинною малыхъ огородовъ, прилегавшихъ къ монастырской стѣнѣ; все напоминало о совершенномъ отлученіи отъ міра, и внятно было каждое слово читавшаго инока, посреди глубокаго молчанія всей братіи. Весьма проста была трапеза, хотя и воскресная, достаточная для поддержанія силъ, но безъ роскоши, какъ подобаеъ въ пустынѣ и обители, и даже безъ рыбы, по причинѣ Успенскаго поста. Самымъ лакомымъ блюдомъ я нашелъ

липовый медъ, бѣлый и прозрачный, которымъ особенно славится пустынь Саровская; ея привольные лѣса служатъ роскошнымъ пристанищемъ для пчелъ; Соломонъ, въ книгѣ премудрости, посылаетъ насъ учиться трудолюбію къ муравью и къ пчелѣ, и я съ удовольствіемъ отвѣдалъ отъ пчелъ сотъ, памятуя о той пищѣ, какую вкусилъ воскресшій Господь, для убѣжденія Апостоловъ въ дѣйствительности своего воскресенія; утѣшительно было созерцать и этотъ благословенный рой духовныхъ пчелъ, молитвенно собравшійся въ пустынные улья Саровскіе.

Когда исполнился такимъ образомъ предо мною весь служебный порядокъ пустыни, начиная отъ малой вечерни, правило, всенощная и обѣдня, съ послѣдовавшею за нею трапезою братскою, я просилъ настоятеля дать мнѣ воспользоваться свободнымъ временемъ для осмотра обители. Хотя это былъ полдень, время, опредѣленное для отдыха послѣ долгаго бдѣнія, однако онъ самъ радушно вызвался показать мнѣ все достойное вниманія внутри ограды. «Пустынь наша новая, говорилъ онъ, любопытнаго въ ней мало: оба храма вы видѣли, когда молились съ нами; чтоже мнѣ остается показать вамъ?—развѣ гробы отцевъ нашихъ если вы уже знакомы съ ними по имени», и онъ повелъ меня къ преддверію Успенскаго собора.

«Горькая и невозвратная для насъ потеря, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: отсутствіе изъ среды нашей—гроба нашего первоначальника; сперва не порадовалъ о томъ, а теперь плачемъ, но уже поздно, потому что никакъ не могли отыскать его могилу въ столицѣ. Вотъ

отдѣльно стоитъ, посреди монастырскаго двора, гдѣ было мѣсто прежней деревянной церкви Живоноснаго Источника, надгробный памятникъ втораго настоятеля, схимника Димитрія; а здѣсь, предъ нами, у самаго преддверія собора, гробницы блаженнаго старца Ефрема и моего предмѣстника Нифонта. Оба много потрудились для обители, и старецъ Ефремъ велѣлъ тутъ положить себя при входѣ, какъ бы на стражѣ. Пахомій и Исаія, у котораго я жилъ келейникомъ, положены съ сѣверной стороны собора, а старецъ Назарій, о которомъ конечно вы много слышали въ столицѣ, по его долгому настоятельству въ обители Валаамской, погребенъ у алтаря теплой церкви, и вы видите его памятникъ отсюда. Если хотите поклониться могиламъ нашихъ отшельниковъ, Марка и Серафима, то они здѣсь отдыхаютъ, съ южной стороны собора. Можетъ быть для васъ утѣшительно будетъ, продолжалъ Исаія, взглянуть и на портреты всѣхъ бывшихъ настоятелей нашихъ, чтобы такимъ образомъ, хотя, заочно, познакомиться съ ними!» и онъ ввелъ меня въ келіи архіерейскія, свѣтлыя и просторныя, гдѣ обыкновенно останавливаются Тамбовскіе Архіереи.»

При самомъ входѣ встрѣтилъ насъ сонмъ подвижниковъ настоятелей, начертанный довольно искусною кистью, исключая двухъ первыхъ, которыхъ изображенія менѣе хороши; но, несмотря на грубость живописи, чрезвычайно замѣчательно постническое, строгое лицо первоначальника, схимника Іоанна; длинныя черты заживо изсохшаго облика выражаютъ всю пустынную лѣтопись его труженической жизни, проведенной въ лѣсахъ и пе-

щерахъ, и внушаютъ невольное благоговѣніе; обличительнымъ взоромъ смотритъ онъ, какъ бы изъ другаго міра, на суету здѣшняго.

Съ особенною любовью указалъ мнѣ Игуменъ на портретъ многострадальнаго старца Ефрема, и дѣйствительно нѣчто особенно благодатное сіяло въ свѣтломъ лицѣ его. Онъ казался согбеннымъ отъ дряхлости, но сквозь глубокія морщины проявлялась его духовная, обновленная юность, и свѣтлый взоръ соотвѣтствовалъ снисходительной улыбкѣ устъ, готовыхъ открыться для пріѣтливаго слова. Не напрасно начертана была надпись на портретѣ:

Ефремъ не Сирийъ ты, но Русскій ты Ефремъ,
Саровской пустыни броня еси и шлемъ.

Много радушія и старческой красоты видно также на лицѣ строителя Исаи, и настоящій его соименикъ могъ засвидѣтельствовать вѣрность портрета, равно какъ и предмѣстника своего Нифонта. Но черты Нифонта, какъ и черты Пахомія, носятъ выраженіе строгости, и таковыми дѣйствительно они были: оба по своему характеру. Долго смотрѣлъ я на эти портреты и какъ бы повторялъ житіе каждаго, по чертамъ лица его. Назидателенъ обычай сохранять изображенія духовныхъ предковъ, въ основанныхъ ими обителяхъ, какъ сохранялись въ древнихъ замкахъ лики ихъ могущественныхъ владѣльцевъ. Здѣсь нѣтъ чувства какой либо суетной тщливости, но простое благочестивое желаніе мысленно жить съ отжившими.

Тотъ же лѣсистый пустынный видъ, какъ изъ трапезы, открылся мнѣ и изъ оконъ архіерейскаго дома, рас-

полагая душу къ созерцанію молитвенному. «Теперь пойдѣмъ за ограду», сказалъ мнѣ Игумень, «къ первоначальной пещерной келіи отцевъ нашихъ, и въ церковь Предтечи, что надъ источникомъ.»

Мы спустились каменными ступенями, на тѣсную площадку, близь которой бьетъ изъ-подъ земли роскошный ключъ живой воды, проведенной трубами во всѣ зданія пустыни. Новая каменная церковь возвышается надъ источникомъ, благолѣпно украшенная внутри и снаружи; весьма прилично посвящена она Крестителю, надъ водами, на коихъ совершается освященіе Іорданское, какъ бы въ память Палестинской пещеры вопіяшаго въ пустынѣ о покаяніи; устье подземелій Саровскихъ находится прямо противъ южныхъ дверей его церкви. Съ благоговѣніемъ погрузился я, вслѣдъ за Игуменомъ, въ эти тайныя жилища первыхъ отшельниковъ, которыхъ келіи еще видны по сторонамъ, какъ таинственные затворы въ пещерахъ Кіевскихъ; память ихъ основателей Антонія и Феодосія, съ памятью всѣхъ Преподобныхъ Печерскихъ, обновилась также во мракѣ этого вертепа, пещернымъ храмомъ, ископаннымъ и освященнымъ во имя сихъ начальниковъ жизни иноческой въ нашемъ отечествѣ.

«Вы все видѣли, что составляетъ собственно обитель Саровскую, сказалъ мнѣ добродушный настоятель: но если вамъ угодно еще побывать въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ, чтобы видѣть тамъ мѣста, ознаменованная жилищемъ нашихъ отшельниковъ, то я поручу одному изъ братій удовлетворить благочестивому любопытству вашему».

Наверху каменныхъ ступеней, по которымъ мы сошли къ пещерамъ, меня ожидала монастырская одноколка, и тотъ же привѣтливый инокъ С*, заботившійся о моемъ успокоеніи въ гостинницѣ, сопутствовалъ мнѣ по лѣсамъ; всѣ тропинки ихъ были ему знакомы, по давнему пребыванію въ пустынѣ. Мы въѣхали въ густой лѣсъ, окружающій обитель, такую узкою песчаною дорогою, что едва могла пробираться по ней сильная и привычная лошадь, промежду огромныхъ деревьевъ, или обгорѣвшихъ пней, при частымъ подъемахъ и спускахъ въ малые овраги, покрытые вѣковою тѣнью глухаго бора.

«Вотъ достойное жилище отшельниковъ», сказалъ я своему спутнику, и онъ отвѣчалъ: «гнѣзда остались, но отлетѣли райскія наши птицы; вы увидите сломанныя ихъ келліи, гдѣ уже никто болѣе не живетъ. По грѣхамъ нашимъ, Господь лишилъ насъ сихъ великихъ подвижниковъ, къ которымъ стекались отовсюду за духовнымъ совѣтомъ.»

«Кто-же былъ послѣдній пустынникъ?» спросилъ я.—«Іеродіаконъ Александръ, скончавшійся весьма недавно», сказалъ мнѣ въ отвѣтъ С*, «и послѣ него уже никто не получалъ благословенія на пустынное житіе, хотя были желающіе. Вотъ и тотъ холмикъ, гдѣ стояла его келлія, которой нѣтъ теперь и слѣда.»—«Гдѣ же были келліи Марка и Серафима?» спросилъ я опять инока.—«Марко не имѣлъ нигдѣ постоянной келліи, отвѣчалъ онъ, памятуя слова Господни: лисы язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же Человѣческій не имать гдѣ главы поклонити. (Матѣ. VIII. 20.). Онъ

скитался до глубокой старости по всему лѣсу, безпрестанно измѣняя свое жилище, доколѣ отъ дряхлости не укрылся въ обитель; а у отца Серафима были двѣ келліи въ разныхъ мѣстахъ, одна за пять верстъ, другая за двѣ отъ пустыни, потому что онъ два раза уединялся, на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ. Я укажу вамъ только мѣсто послѣдней надъ источникомъ, потому что самую келлію взяли къ себѣ, изъ уваженія къ памяти старца, сестры Дивеевской общины, основанной съ его благословенія. Вы конечно читали житіе обоихъ старцевъ, составленное въ лаврѣ Троицкой, однимъ изъ приближенныхъ учениковъ отца Серафима; а о другихъ отшельникахъ нашихъ тамъ же написалъ другой выходецъ Саровскій, въ своей духовной лѣтвищѣ.»

Дѣйствительно Марко и Серафимъ привлекли къ себѣ, въ послѣднее время, вниманіе цѣлой Россіи, своими пустынными подвигами; прочіе замѣчательные подвижники Саровскіе какъ будто остались въ тѣни предъ ихъ славою, хотя и они достойны удивленія. Сколько глубокой вѣры и самоотверженія въ этомъ отшельникѣ, Маркѣ, напомнившемъ собою первые вѣка Христіанства! Онъ принялъ имя сіе въ память великаго отшельника Марка Ѳраческаго, который совершенно умеръ міру и забыть былъ современниками на пустынной горѣ въ Египтѣ. Когда нечаянно обрѣлъ его иной отшельникъ, уже другаго поколѣнія человѣческаго, Марко спросилъ его: сохранилась ли еще во вселенной та вѣра, которою нѣкогда передвигались горы, если только скажешь имъ евангельское слово: «двигнися и вергнися въ море?» (Марк. XI. 23). И что же?—столько силы было въ сло-

въ отшельника, что отъ одного нечаяннаго повторенія евангельскаго глагола, уже начала колебаться предъ нимъ гора, готовая двинуться къ ужасу пришельца. Но Марко успокоилъ его в самую гору, другимъ повелительнымъ словомъ: «что съ тобою гора? не тебѣ говорю.» Сему Фраческому Марку хотѣлъ подражать, въ любви своей къ одиночеству Саровскій, и часто терялся въ лѣсахъ на многіе мѣсяцы; безмолвіе ночи было его любимымъ часомъ молитвы, ибо сквозь тишину творенія прислушивался онъ ко гласу Творца, и такъ провелъ около 16 лѣтъ, испросивъ на то благословеніе строителя Пахомія; но прежде, еще при старцѣ Ефремѣ, прошелъ усердно все должности монастырскія, и отслуживъ братіи, посвятилъ себя исключительно Богу. Онъ принялъ юродство, Христа ради, и наложилъ на себя постоянное молчаніе, весьма изрѣдка имъ прерываемое, и то для нѣкоторыхъ; но въ большіе праздники возвращался для пріобщенія Св. Таинъ, и будучи схимникомъ, никогда ни дерзалъ принять священства. Однажды послушникъ, принесшій ему скудную пищу въ его лѣсную келлію, засталъ его сидящимъ въ глубокой думѣ, лицомъ къ востоку. Долго не смѣлъ ее нарушить инокъ, и спросивъ наконецъ отшельника, услышалъ его назидательный отвѣтъ: «размышляю о изгнаніи Адама изъ рая сладости, какъ онъ сидя прямо рая, лицомъ къ востоку, плакалъ и взывалъ къ Господу: «милостиве, помилуй мя падшаго!» Марко скончался въ обители почти 80 лѣтъ, въ исходѣ 1817 года, будучи приведенъ братією изъ своей пустыни, уже въ совершенномъ разслабленіи, для напутствія къ вѣчной жизни.

Иное поприще проходилъ блаженный старецъ Серафимъ, схимникъ также, но въ санѣ Пресвитера, болѣе общительный нежели строгій отшельникъ Марко, и назидавшій многихъ своимъ поучительнымъ словомъ. Измлада коснулась его благодать Божія и назваменовала своимъ избранникомъ: сынъ богатыхъ родителей, званія купеческаго въ Курскѣ, онъ еще въ семилѣтнемъ возрастѣ чудно сохранился, упавъ съ вершины церкви, которую строилъ его отецъ, и будучи десяти лѣтъ отрокъ, въ тяжелой болѣзни, получилъ исцѣленіе отъ иконы Знаменской, когда ее проносили чрезъ родительскій дворъ. Это побудило его посвятить себя на служеніе Богу, и онъ удалился въ пустынь Саровскую, при строителѣ Пахоміи, гдѣ послѣ 16-лѣтняго строгаго послушанія, уже въ санѣ Іеромонаха, испросилъ себѣ позволеніе удалиться въ пустыню. Тамъ пламенная его молитва, при чтеніи Св. Отецъ, была смѣняема упражненіемъ тѣлеснымъ, ибо онъ воздѣлывалъ малый огородъ, который доставлялъ ему единственную пищу; наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, отшельникъ приходилъ для литургіи въ обитель на всюнощную и потомъ приобщившись Св. таинъ, возвращался опять въ свою пустынь, съ запасомъ сухаго хлѣба, какъ это дѣлывали первые отшельники въ Египтѣ и Палестинѣ. Стараясь во всемъ подражать имъ, онъ не устранился и великаго подвига Св. Симеона Столпника, который стоялъ на столпѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, и назидалъ окрестъ себя всѣ народы къ нему стекавшіеся. вмѣсто столпа отецъ Серафимъ избралъ себѣ два камня; одинъ находился внутри его келліи, на которомъ стоялъ онъ обык-

повенно отъ утра до вечера, повторяя мытареву молитву: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!»—Онъ сходилъ съ сего камня только для принятія пищи, дабы не замѣтили его подвига приходящіе къ нему изъ обители; а на другомъ камнѣ внѣ келліи стоялъ всю ночь, съ воздѣтыми къ небу руками, доколѣ немощь тѣлесная не одолѣвала его духовной бодрости, потому что мало давалъ себѣ отдыха; такъ простоялъ тысячу дней и столько же ночей.—Въ первую эпоху своей подвижнической жизни старецъ Серафимъ старался по возможности соблюдать безмолвіе, чтобы болѣе углубляться въ самаго себя; иногда падалъ онъ ницъ и лежалъ какъ мертвый предъ посѣтителями, доколѣ, не удалялись отъ него; но, зная всю тяжесть житія пустыннаго, не совѣтовалъ легко рѣшаться на сей подвигъ, ибо тогда брань наша бываетъ, по слову Апостольскому, уже не съ плотию и кровію, но съ духами злобы. (Ефес. VI. 13).

Однако и насилію отъ челоуѣковъ подвергся онъ въ своей пустынной келліи. Однажды, въ десятый годъ его уединенія, напали на него разбойники, подозрѣвавшіе, что у него хранится много денегъ отъ посѣтителей. Они связали его и, избивъ почти до смерти, оставили бездыханнымъ, полагая что уже мертвъ; однако страдалецъ, отдохнувъ отъ ударовъ, снялъ съ себя узы и весь окровавленный привлекся въ обитель; тамъ оставался нѣкоторое время для излеченія отъ нанесенныхъ ему ранъ. Между тѣмъ открыты были разбойники, но онъ умолилъ оставить ихъ безъ наказанія и пожелалъ опять поселиться въ пустынномъ пріютѣ; напрасно уговаривалъ его строитель Исаія остаться въ обители; старецъ

хотѣлъ возвратиться на свой подвигъ, и еще шесть лѣтъ продолжалъ жестокое житіе свое въ лѣсу, доколѣ наконецъ стали измѣнять ему тѣлесныя силы, такъ что уже не могъ болѣе приходить на праздники въ церковь. Тогда только, съ благословенія Игумена Нифонта, переселился въ обитель. Но первые пять лѣтъ проведенныя имъ въ совершенномъ затворѣ и молчаніи, были нисколько не легче житія пустыннаго для его изможденной плоти. Св. тайны приносили ему въ келію въ воскресные дни. Послѣ двѣнадцатилѣтняго уединенія и пятилѣтняго затвора, онъ почувствовалъ побужденіе отворить свою дверь приходящимъ для духовной бесѣды, и съ тѣхъ перъ, въ теченіе восемнадцати лѣтъ, то есть до 1833 года, когда постигла его блаженная кончина, былъ истиннымъ свѣтильникомъ Саровской пустыни для всѣхъ окрестныхъ странъ; отовсюду стекались послушать прозорливаго старца и принять отъ него благословеніе съ назидательнымъ словомъ, часто пророческимъ. Самая пустынь во многомъ обязана ему своею послѣднею знаменитостію, ибо приходившіе къ старцу осыпали ее своими благодѣяніями и созидали въ ней храмы.

Но допуская къ себѣ посѣтителей, старецъ не оставлялъ однако своего затвора, еще въ теченіе одиннадцати лѣтъ, доколѣ совершенное изнеможеніе силъ, отъ недостатка воздуха, не принудило его послушать совѣта врачей и выдти изъ келіи. Тогда опять погрузился онъ въ любимые свои лѣса, но уже не поселился въ нихъ, а только ежедневно, кромѣ праздниковъ, удалялся до вечера въ другую келію, которую устроилъ себѣ не въ далекѣ отъ обители, близъ источника, на берегу рѣчки

Саровы: тамъ занялся по прежнему воздѣлываніемъ земли, въ потѣ лица, памятуя слова, сказанныя Адаму, и уже совершенно согбенный подъ бременемъ лѣтъ, но силъ еще, кромѣ постоянныхъ веригъ, когда ходилъ по лѣсу, мѣшокъ съ камнями: «томлю томящаго меня,» то есть плоть свою, отвѣчалъ онъ, словами Святаго Ефрема Сирина, вопрошавшимъ его о такой ношѣ; но во время пути непрестанно пѣлъ антифоны; любимую духовною пѣснью его была сія: «Пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, ибо они внѣ суетнаго міра,» и еще другая: «Воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебе славити,» До послѣдней минуты сохранилъ онъ бодрость духа и свѣжесть ума, и какъ прежде, во время добровольнаго своего безмолвія, не доступенъ былъ каждому, такъ напротивъ, со дня разрѣшенія сего тяжкаго искуса, никакая докучливая бесѣда его не утомляла, не смотря на безчисленное множество притекавшихъ къ нему за совѣтомъ и благословіемъ. Особеннымъ свойствомъ его бесѣдъ были любовь и смиренномудріе: кто бы ни былъ приходившій къ нему, какими бы ни былъ обремененъ грѣхами, всѣхъ онъ лобызалъ съ любовію, всѣмъ кланялся до земли, и благословляя самъ, цѣловалъ у многихъ неосвященныхъ людей руки; никого не поражалъ жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени, самъ же несъ крестъ Христовъ со всѣми скорбями. Для всѣхъ доставало живой воды, текшей изъ устъ смиреннаго и убогаго старца. За годъ до кончины, изможденный подвигами, рѣже

сталъ ходить въ лѣсную келлію свою, и за нѣсколько дней, уже предчувствуя близость послѣдняго часа, самъ избралъ и вымѣрилъ для себя мѣсто, съ южной стороны соборнаго олтаря, противъ своей монастырской келліи. Въ первый день, 1833 года приобщился онъ Святыхъ таинъ въ церкви, а на другое утро предалъ Господу праведную душу, стоя на колѣняхъ и сложивъ крестообразно руки. Пришедшій къ нему келейникъ Іоаннъ, видя его въ такомъ преклоненномъ положеніи предъ святыми иконами, не смѣлъ сперва нарушить его богомыслія, но потомъ, приблизившись къ мнимо молящемуся, осязалъ мертвый холодъ:—Серафимъ воспарилъ къ Богу на крыліяхъ Серафимскихъ.

Между тѣмъ мы спустились на берегъ рѣчки, или лучше сказать лѣснаго источника, гдѣ нѣкогда стояла келлія Серафима. Надъ родникомъ поставленъ навѣсъ, куда приходятъ черпать воду благочестивые почитатели его памяти, но уже не видать и слѣдовъ пустынной хижины и воздѣлываемаго имъ огорода: такъ все по немногу стирается съ земли съ собственнымъ слѣдомъ человѣческимъ!

«Здѣсь, въ первый разъ, увидѣлъ я отца Серафима, сказалъ мнѣ мой спутникъ, когда пришелъ на послушаніе въ обитель; онъ взялъ меня за голову и поцѣловалъ, потому что былъ чрезвычайно ласковъ къ каждому приходящему, и сказалъ только: спасайся, будешь монахъ. Такая ангельская доброта была въ его взглядѣ и рѣчи, что невольно привязывалось къ нему сердце, и никакъ нельзя было бы подумать, что самъ онъ до

такой степени строгъ къ себѣ, видя его снисхожденіе къ другимъ, вовсе ему неизвѣстнымъ.»

Покажѣсть мы стояли у источника, подошли еще нѣсколько богомольцевъ, предводимыхъ монахомъ въ бѣлой одеждѣ и низкой камилавкѣ, по тому подобію какъ носили ихъ пустыяники Саровскіе и самъ отецъ Серафимъ: пріятно было такое напоминаніе о блаженномъ старцѣ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ спасался. «Если вы ѣдете къ камню отца нашего, то подождите насъ тамъ», сказалъ пришелець: «мы туда же придемъ кратчайшею стезею;» и дѣйствительно едва только мы помолились на мѣстѣ ночной молитвы Серафима, какъ уже показались въ чащѣ лѣса идущіе къ намъ. Увидя камень, на которомъ столько ночей провелъ, истинно въ серафимской молитвѣ, подвижникъ, я изумился и едва вѣрилъ взору и слуху. «Также изумлялись и самые очевидцы, сказалъ мнѣ мой спутникъ, и спрашивали старца, какъ могъ онъ совершать такой трудный подвигъ?» — «Съ помощію укрѣпляющей благодати Божіей», отвѣчалъ старецъ, «иначе не стало бы силъ человѣческихъ», и помолчавъ присовокупилъ: «когда умиленіе есть, то съ нами Богъ.»

На обратномъ пути въ обитель, я уже не хотѣлъ отдѣлиться отъ пѣшихъ моихъ спутниковъ и пошелъ съ ними вмѣстѣ, другою узкою тропею, къ бывшей келіи Назарія, Игумена Валаамскаго и его ученика Иларіона, гдѣ временно обиталъ и Марко. Бесѣда наша текла о прежнихъ подвижникахъ Саровскихъ и о совершенномъ оскудѣніи пустынножительства, ради боязни бывшей у настоятеля Нифонта; по нѣкоторымъ случаямъ укры-

вательства бѣглыхъ въ лѣсу, онъ велѣлъ сломать всѣ пустынные келліи, гдѣ нѣкогда обитали отшельники, и неохотно позволялъ уединяться новымъ подвижникамъ, хотя самъ, по духу и жизни, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣлателей вертограда Божія. Особенно тотъ, кто сопутствовалъ мнѣ въ одеждѣ бывшихъ пустынножителей, скорбѣлъ о такой житейской предосторожности въ дѣлѣ, выходящемъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ житейскаго. Онъ жаждалъ уединиться на Аѳонскую гору, чтобы тамъ вначалѣ утолить душу любимымъ уединеніемъ, и спрашивалъ меня о путяхъ на Востокъ и о подвигахъ тамошнихъ старцевъ.

Отрада была такая пустынная бесѣда, въ глуши дремучаго бора, подъ торжественный шумъ вѣковыхъ деревьевъ, свидѣтелей многихъ вздоховъ и пѣснопѣній отшельниковъ. Истинны слова великаго отца иночествующихъ, Василія, которыя любилъ повторять и отшельникъ Игуменъ Назарій: «о удивенное житіе, домъ небеснаго ученія и божественнаго разумѣнія; училище, въ немъ же Богъ есть вся, чему учимся! Пустыня — рай сладости, гдѣ благоуханные цвѣты любви, то пламенѣютъ огненнымъ цвѣтомъ, то блистаютъ сѣговидною чистотою, съ ними же миръ и тишина, живя въ низменныхъ, пребываютъ недвижимы отъ вѣтра: тамъ еиміамъ совершеннаго умерщвленія не только плоти, но что славнѣе, и самой воли, и кадило всегдашней молитвы непрестанно разгарается въ немъ божественною любовію!»

Долго обновлялъ въ обители память своего блаженна-

го учителя Иларіонъ, бывшій и его преемникомъ въ пустыни и потомъ общимъ духовникомъ всей братіи; не болѣе семи лѣтъ, какъ перешелъ онъ отъ времени въ вѣчность, исполненный дней и дѣяній, и доселѣ незабвенный гѣмъ, которыхъ наставлялъ на путь спасенія. Это былъ также одинъ изъ великихъ подвижниковъ пустыни, убогій Саровичъ, какъ онъ самъ себя называлъ; но мы и его не суждено было застать въ живыхъ, не только пламеннаго Серафима, который столько же окрылялъ въ молитвѣ. Утѣшительно однако, и послѣ ихъ исхода, видѣть, до какой степени память великихъ отцевъ уважается братією, которая по слову Апостольскому, поминая наставниковъ своихъ и взирая на кончину ихъ жизни, подражаетъ вѣрѣ ихъ. (Евр. XIII. 7). Нигдѣ какъ въ Саровѣ, не слыхалъ я такъ часто изреченія отцевъ въ устахъ учениковъ, какъ то бывало въ древнихъ пустыняхъ Египта и Палестины; тамъ новонаначальному иноку, никогда не предлагали, никакого отъ себя поученія, знаменитые старцы, а только говорили: «авва Антоній сказалъ то, авва Пансій училъ сему, Памва и Пахомій рассказывали такой-то случай, великому Макарію было такое видѣніе и проч.» Въ обители Саровской соблюдается священное сіе преданіе, и это есть твердѣйшая основа для обители, почему и лежитъ особенный отпечатокъ не только на всей братіи, но даже на выходцахъ Сарова: — всѣ они проникнуты духомъ пустыннолюбія.

Мы возвратились въ обитель, по берегу рѣчки Саровы, мимо шумныхъ ключей, бьющихъ изъ-подъ навѣса древнихъ сосенъ въ этомъ лѣсномъ оазисѣ, какъ бы на-

рочно созданномъ для пустынножительства. Добрый настоятель ожидалъ меня въ своей келліи, и мы продолжали съ нимъ бесѣду о подвижникахъ Саровскихъ, которые были такъ близки его сердцу. «Справедлива ли молва, спросилъ я, будто отецъ Игуменъ Нифонтъ не любилъ отца Серафима и не позволялъ ему ни жить въ пустынѣ, ни принимать посѣтителей? Какъ объяснить такое странное чувство къ мужу праведному, каковъ былъ Серафимъ, въ душѣ благочестиваго Нифонта?» — «Кто усомнится въ праведности обоихъ?» простодушно отвѣчалъ Исаія. «Мнѣ, бывшему свидѣтелемъ благой жизни и всего, что сдѣлалъ для святой обители покойный отецъ Настоятель, можно ли не восхвалять его добродѣтели? а слава о добродѣтели отца Серафима ходить по всей Россіи; но бываютъ иногда, по тайному пощещію Божію, нѣкоторыя недоумѣнія и между людьми самыми святыми, какъ о томъ читаемъ въ ихъ житіяхъ. И тутъ однако не безъ причины было неудовольствіе отца Игумена. Строгий соблюдатель древняго чина Саровскаго, положеннаго первоначальникомъ нашимъ, онъ не могъ равнодушно видѣть, какъ иногда нарушался этотъ уставъ, стеченіемъ людей обоого пола, хотя и благочестивыхъ, въ келлію затворника, когда уставъ строго запрещалъ такія посѣщенія. Съ другой стороны старецъ Серафимъ, испытанный долгимъ затворомъ и пустынножительствомъ, конечно не безъ особаго откровенія, ему лишь вѣдомаго, открылъ двери своей келліи входящимъ для духовнаго назиданія, и хотя онъ казался нарушителемъ заповѣди монастырской, былъ однако, съ крайнимъ для себя истощеніемъ, исполните-

лемъ заповѣди Христовой о любви; а я знаю, что предмѣстникъ мой былъ исполненъ къ нему искренняго глубокаго уваженія.»

«Прежде нежели оставить обитель, сказалъ я настоятелю, мнѣ, знавшему только по слуху о великихъ отцахъ вашихъ и уже опоздавшему видѣть ихъ, по моему недостоинству, хотѣлось бы войти хотя въ молитвенное общеніе съ ними; прошу васъ велѣть для меня отнѣтъ панихиду въ соборѣ, о душахъ: первоначальника Іоанна, Ефрема, Назарія, знакомаго мнѣ по Валааму, предмѣстника вашего Нифонта и пустынниковъ Марка и Серафима.» — «Желаніе ваше будетъ исполнено, отвѣчалъ Игуменъ, и я пойду помолиться вмѣстѣ съ вами, надъ гробами блаженныхъ отцевъ нашихъ, да вспомнятъ и они поминающихъ ихъ усердно, въ своихъ молитвахъ.»

Мы взошли опять въ соборъ; тихая панихида совершена была о усопшихъ, съ литіею надъ гробами Марка и Серафима; такъ я мысленно ознакомился и простился съ ними. Уже время было оставить ихъ обитель; въ святыхъ вратахъ настоятель предложилъ мнѣ взойти еще въ малую церковь Святителя Николая, что надъ вратами подъ колокольнею, и на самый верхъ ея, дабы оттолѣ окинуть взорами окрестность. Я изумился пустынному зрѣлищу: мнѣ открылось лѣсное море, въ полномъ смыслѣ сего слова, потому что ничего, кромѣ зеленыхъ вершинъ, волнующихъ шумнымъ вѣтромъ, на подобіе волнъ морскихъ, не представлялось съ уединеннаго столпа колокольни, хотя и превосходила она высоту вѣковыхъ сосенъ; кое-гдѣ, изъ сей лѣсистой пучины, подымалось тонкой струею облако дыма, какъ бы отъ

пустынного кадла, обличая жилье человѣческое въ дремучей чащѣ, или быть можетъ нечаянное и нежеланное пламя, тамъ гдѣ чернѣе и шире становилось это облако. Дикая и повидимому однообразная картина имѣла свою поэтическую красоту, и гласъ шумящей дубравы напомнилъ мнѣ псаломный гласъ Господа, сокрушающаго кедры Ливанскіе и сотрясающаго пустыню Каддійскую (псал. XXVIII). Въ безмолвіи человѣческомъ многоглагольна природа!

Когда мы сошли съ колокольни, уже все было готово къ моему отъѣзду; Настоятель съ старшею братію, исполненные гостепріимнаго радушія и любви по истинѣ Христіанской, хотѣли проводить меня хотя нѣсколько шаговъ за ограду, потому что уже наступало время вечерни; они спустились со мною съ крутаго холма на мость. «Увидимся ли еще съ вами въ сей жизни?» говорилъ мнѣ смиренный Псаія: «пустынь наша вѣ обыкновенныхъ путей человѣческихъ!» и въ эту минуту ударилъ вечерній колоколъ. «Онъ зоветъ насъ обратно», сказалъ старецъ: «ровно сутки провели вы въ нашей мирной обители, отъ одного вечерняго благовѣста до другаго; Господь да направитъ стопы ваши, а мы вспомняемъ о васъ въ своихъ молитвахъ.» Такъ мы расстались; Игумень съ братією тихо поднялись въ свое мирное пристанище, а я, переѣхавъ мость, погрузился опять въ дремучій боръ. Нѣсколько шаговъ по рыхлому песку, посреди лѣса, — и скрылась отъ взоровъ обитель: такую непроницаемую оградю отдѣлена она отъ міра. Я остановился и взглянулъ назадъ, чтобы еще разъ съ нею проститься взоромъ, но кромѣ густой чащи ничего не

видѣлъ позади и окрестъ себя. Казалось, все что я видѣлъ, въ теченіе цѣлаго дня, было одною минутною мечтою воображенія, и можно было бы повѣрить, что это мечта, еслибы, отъ времени до времени, удаляющійся звукъ колокола не обличалъ мнѣ дѣйствительнаго существованія пустыни.

ОБЪ ИНОЧЕСТВѢ.

При посѣщеніи столь знаменитой и назидательной обители, оставляющей благодѣтельное впечатлѣніе въ сердцѣ, невольно приходитъ на мысль: какъ часто и несправедливо налагаютъ общее осужденіе на все монашество, люди, большею частію неопытные, которыхъ возмутилъ какой-либо печальный случай неблагочынія, совершившійся предъ ихъ глазами. Не стану оправдывать тѣхъ, которые подаютъ поводъ къ нареканію на все свое братство; гораздо тягчайшее осужденіе, нежели человѣческое, готовится имъ за то, что, по выраженію Апостола, «ихъ ради имя Божіе хулится во языцѣхъ.» Но признавая ихъ истинно виновными и предъ Богомъ и предъ людьми, можно ли однако быть равнодушнымъ къ несправедливо распространяемому нареканію на все ихъ священное братство, достойное лучшей участи?—Надобно замѣтить и то, что въ числѣ осуждающихъ наиболѣе люди, рѣдко бывающіе въ монастыряхъ, подобно какъ обыкновенно случается, что и жалуются на продолжительность божественной службы тѣ, которые рѣже другихъ ходятъ въ церковь; напротивъ, часто посѣщающіе храмы Божіи не утомляются долгою молитвою, и въ нихъ болѣе свисхожденія къ монашествующимъ, потому

что, посвятивъ себя жизни духовной, они глубже проникнуты чувствомъ собственной помощи и любви къ ближнему.

«Что есть монахъ?» спрашиваетъ глубоко постигшій житіе иноческое святой Ефремъ Сиринъ, и блаженный Авва самъ себѣ отвѣчаетъ: «монахъ подобенъ человѣку, который падаетъ съ высоты и нашедши вервь, висящую высоко надъ землею, хватается за нее, виситъ на ней и непрестанно вопіетъ къ Господу о помощи, зная что если ослабѣетъ и выпуститъ вервь изъ рукъ, то упадетъ и умретъ.»

По сему изреченію Святаго, монашество не есть какое-либо высшее состояніе совершенства человѣческаго, а состояніе покаянія, переходъ отъ зла къ добру, стремленіе къ совершенству, хотя бы и не близко еще было достиженіе онаго; только чрезвычайная добродѣтель первыхъ подвижниковъ, изумивъ міръ, усвоила названіе Ангельскаго сему образу спасенія. Мы видимъ въ книгѣ блаженнаго аввы Синайскаго Іоанна, называемой Духовною лѣствицею, цѣлыя обители иноковъ, которыя исполнены людьми горько кающимися въ своихъ преступленіяхъ, но неотвергнутыми отъ общенія съ братією; видимъ и примѣры недостойныхъ скитальцевъ или Сарвантовъ, съ одною только личиною иноческою; и не смотря на то, не падало тогда общее нареканіе на достойныхъ: потому что во всякое время и во всякомъ званіи были люди добрые и злые, и уже самъ Апостолъ Павелъ жаловался первымъ Христіанамъ, что онъ терпѣлъ отъ лжебратіи. (II. Коринѳ. XI. 26).

Слѣдственно и мы не должны быть слишкомъ взыска-

тельны къ иночествующимъ нашего времени, и какъ бы подавлять ихъ слабое житіе, тяжестію примѣра отшельниковъ первыхъ вѣковъ, которые казались исполинами духа и въ свое время. Если же мы хотимъ быть справедливыми, то поставимъ и себя въ ту же раму, и сравнимъ собственный нашъ образъ жизни съ жизнію мірскихъ Христіанъ того времени; тогда только картина будетъ написана вѣрными красками и освѣщена настоящимъ свѣтомъ, а мы невольно сдѣлаемся снисходительнѣе къ братіи нашей, если бы даже нѣкоторыя изъ нея лица оказались лжебратіею. Это не должно однако подавать слабымъ инокамъ повода упорствовать въ своей слабости; но напротивъ того, какъ я уже сказалъ, должно возбуждать ихъ страхомъ ответственности за общее нареканіе, къ собственному частному исправленію. Вникнемъ безпристрастно: въ чемъ состоитъ разность между нами мірянами и иноками? потому что надобно сказать правду: мы кажется забыли, до какой степени сходны наши взаимныя отношенія и обязанности, и едва ли, по словамъ Спасителя, не возлагаемъ мы, Фарисейски, бремена неудобноносимыя на ихъ плечи, подъ предлогомъ ихъ отреченія отъ міра, когда сами не хотимъ двинуть сего бремена и перстомъ. (Матѳ. XXIII. 4).

И такъ въ чемъ состоитъ существенная разность?—они отреклись отъ міра! а мы развѣ не отреклись также, при святомъ крещеніи, отъ Сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангель его и всего служенія его?—и развѣ намъ не заповѣдуетъ также Апостолъ «не любите міра и яже въ немъ.» (I. Іоан. 11. 15).—Развѣ слово, возглашаемое постригаемому иноку, не относится и къ намъ: «иѣсть

наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержателямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ; сего ради примите вся оружія Божія, да возможете противиться въ день лють и вся содѣявши стати.» (Ефес. VI. 12, 13.) «Ибо все, что въ мірѣ», говоритъ Евангелистъ Іоаннъ, «есть похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская.» (1. гл. II. 16). Неужели мы приведемъ себѣ въ оправданіе малодушное извиненіе, что инокъ, отрекающійся отъ міра, произноситъ свой обѣтъ въ зрѣломъ возрастѣ, когда мы младенцами выходимъ изъ купели, и другіе за насъ произносятъ сіи обѣты?—Но развѣ мы сами, уже въ возрастѣ, не воспринимаемъ другихъ, и не произносимъ за нихъ, какъ пѣкогда произносили за насъ, торжественный обѣтъ сей: «отрекаемся Сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ ангель его и всего служенія его и всей гордыни его!» Или это только одна форма, одни праздна слова устарѣвшей присяги? Ей пѣтъ! «страшно впасть въ руки Бога живаго!» восклицаетъ Апостолъ Павелъ. (Евр. X. 31).

По совѣсти говоря, не велико различіе въ обязанностяхъ православнаго Христіанина и монаха. Если инокъ обязанъ безбрачіемъ, то и мірянинъ, въ бракѣ ли онъ находится или внѣ брака, долженъ вести жизнь въ своей степени цѣломудренную, свято соблюдая таинство супружества или дѣвственность. Если постоянный постъ лежитъ на инокѣ, то и мірянинъ не въ правѣ разрѣшать себѣ несоблюденіе правила церковнаго о постахъ, и вся разность состоитъ въ томъ, что монашествующіе не вкушаютъ никогда мяса. Иноку надлежитъ ежедневно присутствовать на всѣхъ службахъ церковныхъ; полезно и

мірянину учащать по возможности хожденіе въ храмъ Божій, и необходимый для него долгъ не опускать ни одного праздничнаго богослуженія, какъ утренняго, то есть литургіи, такъ и вечерняго или всенощной. Что еще сказать о нестяжаніи и послушаніи, которыя одинаково заповѣдалъ изрекшіи намъ: «не заботьтесь о завтврешнемъ днѣ, ибо завтврешній день самъ о себѣ заботится; довѣйте каждому дню своя забота; ищите же вопервыхъ царствія Божія и правды его, и все сіе приложится вамъ;» (Матѣ. VI. 33, 34.) или «повинуйтесь наставникамъ вашимъ, которые проповѣдывали вамъ слово истины, и взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ.» (Евр. XIII. 7).

Будемъ ли за то строго нападать на монашествующихъ, что они, предпринявъ болѣе трудный нашего путь, текутъ по немъ столь же слабо, какъ и мы по своему пути?—узки врата для каждаго въ царствіе небесное, и если мы полагаемъ, что все имъ запрещено, а все намъ позволено, то горько ошибаемся, ибо широкій путь не ведетъ къ спасенію. Вотъ почему, повторяю опять, тѣ которые болѣе занимаются предметами духовными, снисходительнѣе смотрятъ, по собственному опыту, на слабости человѣческія.—«Но зачѣмъ богатство въ монастыряхъ», говорятъ нѣкоторые: «для чего оно людямъ, давшимъ обѣтъ добровольной нищеты?» — Дѣйствительно, если иноки, какъ частныя лица, собираютъ себѣ сокровища на землѣ, то они не въ Бога богатѣютъ, по притчѣ Евангельской; не напрасно читаемъ мы въ писаніи Святыхъ Отець, какъ однажды настоятель обители, обрѣтши у погребяемаго имъ инока, деньги подъ возглавіемъ,

велѣлъ удалить его тѣло изъ братскаго кладбища. Но совѣмъ иное богатый инокъ, иное богатая обитель, которая, какъ общество и общество полезное, должна имѣть средства къ своему содержанию и пропитанію странныхъ и убогихъ, и къ благолѣпному украшенію своихъ храмовъ.

Не скажутъ ли еще: «для чего украшать храмы и иконы?—лучше употребить деньги сіи на добрыя дѣла». Какъ иногда опрометчивы такіа сужденія! Часто приходятъ мнѣ на память слова Господа бывшему ученику своему, о напрасной, по его мнѣнію, тратѣ драгоценнаго муро женою, помазавшею ноги божественнаго Учителя. Приведу подлинныя слова Евангелиста Іоанна: (XII. 5, 8). «Чесо ради муро сіе не продано бысть на трехстахъ пенязь и дано нищимъ? Сія же рече, не яко о нищихъ печашесе, но яко тать бѣ и ковчежець имѣаше и вметаемая носяще. Рече же Иисусъ: «не дѣйте ея, да въ день погребенія моего соблюдетъ ѓ, нищія бо всегда имате съ собою, мене же не всегда имате». Если столь драгоценное муро не отвергнуто самимъ Господомъ, для честныхъ ногъ своихъ: то мы ли дерзнемъ осудить украшающихъ драгоценныя сосуды, въ коихъ преподается намъ или соблюдается все его пречистое тѣло и честная кровь? или алтари, на коихъ приносится безкровная за насъ жертва, или святое евангеліе, заключающее въ себѣ словеса Божіи, или животворящій крестъ въ память распятаго, и священные лики Господа, пречистой его Матери и святыхъ его угодниковъ, однимъ словомъ, весь храмъ, въ коемъ воспоминается тайна нашего спасенія?—Говорю сіе для вѣрующихъ, ибо для невѣрующихъ

все сіе тщетно и чуждо. Такое сужденіе особенно страшно, когда мы взглянемъ на роскошь собственныхъ нашихъ жилищъ и на драгоценныя украшенія близкихъ намъ по сердцу, что едва ли не болѣе прилично святынѣ. Что же касается до снабденія нищихъ, то, конечно, люди усердные, жертвующіе святилицу Христа ради, не забываютъ и нищей братіи Христовой; но поелику они творятъ это втайнѣ отъ міра, то и не можетъ быть оно столь видимо, какъ явное для всѣхъ украшеніе ими святилицъ.

Слышу еще громкой голосъ: «монашествующіе праздны, тунеядцы и даромъ живутъ на свѣтѣ!» — Это мнѣ напоминаетъ вошь Египтянъ о народѣ Божіемъ: «праздни, праздни есте, сего ради глаголете, да идемъ пожремъ Богу нашему; нынѣ убо шедше дѣлайте!» (Исход. V. 17).—Какъ будто можно назвать празднымъ дѣломъ самое упражненіе молитвенное! Хорошо, если бы наша праздность всегда протекала въ молитвѣ, хотя бы мы ничего иного не дѣлали! Лики Ангельскіе на небесахъ непреставно хвалятъ Бога. — Положимъ опять руку на сердце и скажемъ мы, осуждающіе праздность иноковъ: каковы собственные наши труды и подвиги, и многіе ли изъ насъ оставляютъ по себѣ слѣдъ жизненный и благую память? Не протекаетъ ли вся наша жизнь, большею частію, въ праздныхъ увеселеніяхъ и суетныхъ бесѣдахъ, гдѣ даже нѣтъ мѣста для молитвы?—Люди истинно дѣятельные меньше осуждаютъ, ибо не имѣютъ на это времени. Случалось мнѣ еще слышать отъ нѣкоторыхъ: «по крайней мѣрѣ мы воздали долгъ природѣ, оставивъ по себѣ потомство;»—но воспитали ли оны дѣ-

тей своихъ въ страхѣ Божіемъ и приготовили ли въ нихъ истинныхъ сыновъ Церкви и отечеству? это еще вопросъ; а безъ сей единственной цѣли, и данная ими преемственно жизнь едва ли принесетъ пользу обществу и будетъ спасительна, какъ для собственной ихъ души, такъ и для рожденныхъ ими.

Да и почему обвиняютъ въ такой чрезвычайной бездѣйственности монашествующихъ? Не говоря уже о томъ, что всякой монастырь, какъ общество, имѣетъ свои необходимыя занятія и должности, которыя исправляются нарочно для того приставленными иноками, но самая служба церковная занимаетъ уже много времени. Въ городскихъ или подгородныхъ монастыряхъ, гдѣ братія должна соображаться съ немощами и недостаткомъ времени или усердія гражданъ, — служба сокращается по мѣрѣ возможности, но и тутъ никогда утрення не бываетъ менѣе двухъ или трехъ часовъ; столько же продолжаются двѣ литургіи, ранняя и поздняя, одна за другой, а иногда бываютъ три и четыре, и даже до семи, какъ въ нѣкоторыхъ лаврахъ; на это все нужны особые люди; вечерня съ правиломъ занимаетъ также около двухъ часовъ и болѣе. Такимъ образомъ все въ сложности составляетъ отъ семи до осьми часовъ, не считая молебновъ и панихидъ, которыхъ можетъ быть безчисленное множество. Если можетъ-быть нѣкоторые скажутъ, что это всё бесполезно, то однако такъ не мыслить тѣмъ, которые съ живымъ усердіемъ приходятъ участвовать на сихъ общественныхъ службахъ и просятъ себѣ еще исключительно молитвъ. Слѣдственно монашествующіе служатъ обществу столько же, сколько и приход-

ское духовенство, и поелику служба ихъ совершается съ бѣльшимъ вниманіемъ, то и гораздо охотнѣе идутъ въ монастырь нежели въ приходскую церковь.

Разумѣется, желательно, чтобы монашествующіе совѣстливо употребляли все остальное время, для душевспасительныхъ занятій себѣ и другимъ, исключая необходимаго отдыха, и отнюдь бы не предавались праздности. Не въ оправданіе празднымъ, замѣчу однако, что многіе изъ насъ, употребивъ до семи часовъ на службу, почитаютъ себя въ полномъ правѣ быть праздными все остальное время дня, хотя сами и жестоко осуждаютъ иноковъ, а время кажется должно быть дорого для всякаго. При томъ разотчемъ, сколько еще надобно употребить онаго въ монастырѣ, на ежедневное приготовленіе къ службамъ, на пріемъ и бесѣду посѣтителей, потому что это одна изъ обязанностей всякой обители, назидать не только благолѣпнымъ служеніемъ, но и ласковымъ обращеніемъ. Въ отдаленныхъ же пустыняхъ, гдѣ меньше бываетъ развлеченія, самая служба занимаетъ до 12 часовъ въ сутки, кромѣ общественныхъ обязанностей и рукодѣля. Много ли же времени останется на праздность? и если нѣкоторые, недостойные своего званія монахи, употребляютъ свободные отъ Богослуженія часы на чуждое ихъ сану разсѣяніе: то сколько другихъ посвящаютъ остатокъ дня богомыслию, чтенію, писанію, иконной живописи или рѣзному издѣлію, для благословенія приходящихъ, и можно ли распространять на всѣхъ частныя отступленія отъ строгихъ правилъ иночества?— Господь, по ходатайству Авраама, обѣщалъ ему помиловать цѣлый городъ, если въ немъ обрѣтется хотя де-

сять праведныхъ. (Бытія XVIII.) Мы ли на оборотъ, за нѣсколько дурныхъ иноковъ, осудимъ цѣлую обитель и даже все монашество, хотя бы и на половину было оно не въ духѣ своего званія, тогда когда быть можетъ нѣсколько невѣдомыхъ намъ подвижниковъ, въ тиши келейной, отклоняютъ гнѣвъ Божій, не только отъ своего недостойнаго братства, но и отъ насъ, дерзновенно ихъ осуждающихъ, среди бездны собственныхъ грѣховъ нашихъ!

Если, послѣ всего, что сказано выше, снисходительнѣе будутъ смотрѣть на иночество вообще, не излишнимъ почитаю представить и о той дѣйствительной пользѣ, какую всегда приносили и доселѣ приносятъ у насъ монастыри. Такимъ образомъ, да отнимется отъ нихъ мрачное облако нареканія, которое скрываетъ внутренній благодѣтельный свѣтъ ихъ, отъ нежелающихъ его видѣть. Я же не думаю сказать что либо лишнее или преувеличенное, если выражусь такъ: что, при недостаткѣ у насъ катехизическаго ученія въ приходахъ, обители наши служатъ огласительнымъ училищемъ вѣры, и безъ нихъ можетъ быть пространное отечество наше возвратилось бы, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ своихъ предѣлахъ, къ прежнему духовному мраку невѣжества. По истинѣ, обители разсѣяныя въ сердцахъ и во всѣхъ концахъ Россіи, суть какъ бы спасительная катехизическая сѣть, охватившая собою все Православное царство; ее можно сравнить съ тою Апостольскою мрежею, которая, по указанію самаго Господа, извлекла столь обильную тоню на морѣ Галилейскомъ: ибо доселѣ совершается обильная таинственная ловля душъ человѣ-

ческихъ, въ мѣстахъ, освященныхъ призываніемъ, имени Божія.

Не покажется ли страннымъ мое сравненіе? Я оправдаю его опытомъ: почти въ каждой епархіи есть завѣтное какое либо святилище, куда искони привыкли стекаться на богомолье все окрестные жители; старые и малые, все туда ходятъ по большимъ праздникамъ, и необходимо возвращаются съ запасомъ духовнымъ, который не могли они, или весьма рѣдко могли, приобрести дома, въ приходской церкви. Давнее преданіе и самый трудъ хожденія, уже невольно располагаютъ къ благоговѣнію богомольцевъ: они остаются въ обители нѣсколько дней, ходятъ ко всемъ службамъ, утреннимъ и вечернимъ, просятъ молебновъ предъ чудотворными иконами и мощами православныхъ угодниковъ Божіихъ, которыхъ житіе имъ знакомо, и не рѣдко получаютъ исцѣленія въ болѣзняхъ, по ихъ живой вѣрѣ къ сямъ безсмертнымъ благодѣтелямъ своей родины. Сверхъ того, они слушаютъ съ жадностію, поученія на литургіи, посѣщаютъ нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ по благочестію старцевъ, каковы были: Марко и Серафимъ и прочіе свѣтильники Сарова, и съ ихъ благословеніемъ, приносятъ домой кресты и иконы, а иногда домашнюю посуду, выработанную руками отшельниковъ. Можно ли, чтобы все это не произвело благодатнаго впечатлѣнія на душу? Святой Іоаннъ Златоустъ не напрасно говоритъ: что тотъ, кто только побылъ въ храмѣ, гдѣ варится муро, невольно выйдетъ изъ нее облагодуханнымъ.

На такого рода людей, простыхъ и смиренныхъ, не производить непріятнаго впечатлѣнія какой либо гру-

стный примѣръ нетрезвости или небрежности нерадиваго изъ братіи. «Богъ съ нами, говорятъ они, мы пришли сюда помолиться: вѣдь и съ нами грѣхъ случается». Не только на людей простыхъ необразованныхъ, но даже и на высшій кругъ богомольцевъ производятъ тоже впечатлѣніе обители, если только съ истиннымъ благочестіемъ ихъ посѣщаютъ, хотя конечно болѣе утонченное чувство легче можетъ оскорбиться какимъ либо неблагочینیемъ; но за то общій взглядъ на монашество и на ту пользу, которую оно принесло отечеству, примиряетъ такого рода посѣтителей съ недостатками иноковъ, и потому, весьма несправедлива мысль, будто бы все сіе полезно для одного народа; нѣтъ, по словамъ Апостола: «благочестіе на все полезно». (I Тимое. IV, 8.)

Люди образованные, въ смыслѣ свѣтскомъ, имѣютъ еще много средствъ, для своего духовнаго образованія, кромѣ обителей; гдѣ же могутъ, въ другомъ мѣстѣ, почерпнуть оное убогіе дѣти природы, которые научаются догматамъ вѣры изъ того только, что они видятъ и слышатъ, потому что не знаютъ грамоты и не имѣютъ у себя духовныхъ наставниковъ. Сосѣдніе монастыри восполняютъ сей духовный недостатокъ, ибо тамъ служба Божія совершается безъ опущенія, и самое благолѣпіе обрядовъ объясняетъ для внимательныхъ внутренній смыслъ ихъ; а иногда какое нибудь слово благоговѣйнаго старца западаетъ глубоко въ душу и производитъ спасительное измѣненіе цѣлой жизни. Посему, какъ больно слушать поверхностное и непріязненное сужденіе о монашествѣ, людей, вовсе незнакомыхъ съ жизнью духовною и видящихъ одну только худую сторону обителей, когда на-

противъ того, многія тысячи народа стремятся въ сіи убѣжища молитвы и обрѣтаютъ въ нихъ душевную для себя пользу!

Я говорилъ вообще о пользѣ всѣхъ обителей безразлично, малыхъ и великихъ, славныхъ и неизвѣстныхъ, разсѣянныхъ по лицу благословенной земли нашей. Что же если упомянуть о знаменитѣйшихъ, каковы: святыя лавры Сергіева и Печерская, или Соловецкая, къ которымъ искони стекается вся Россія, изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ, какъ нѣкогда сходился весь Паравль, въ урочные дни торжествъ ветхозавѣтныхъ, въ единственный тогда храмъ Іеговы, предъ лице Бога Іаковля. Это всеародное ежегодное собраніе было залогомъ единодушія и братства въ народѣ Божіемъ, напоминая ему о единствѣ его происхожденія и вѣры. То же можно сказать и о благочестивомъ странствованіи одноплеменнаго народа Русскаго, разсѣяннаго по необъятному отечеству нашему, который встрѣчается однажды въ годъ, въ лицѣ своихъ богомольцевъ, у какой либо одной святыни, и передаетъ другъ другу взаимныя мысли и чувства; даже нѣкоторое образованіе проистекаетъ отъ сего благочестиваго странствованія, потому что каждый поклонникъ возвращается съ запасомъ новыхъ свѣдѣній о Россіи.

Скажу для примѣра: что весь Сѣверъ, то есть губерніи Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Пермская и Вятская, почитаютъ священною обязанностію, хотя однажды въ жизнь, посѣтить дальнюю обитель Соловецкую, на морѣ-океанѣ, какъ простодушно говорятъ богомольцы, которые даже не дерзаютъ вступать въ бракъ, прежде нежели поклонятся Савватию, Герману и Зосимѣ,

Соловецкимъ Чудотворцамъ. Какъ похвально такое чувство усердія, основанное на другомъ, не менѣ похвальномъ чувствѣ благодарности къ симъ великимъ заступникамъ: ибо даже и не читая лѣтописи, по одному давнему устному преданію, отъ отца къ сыну, весь нашъ Сѣверъ еще памятуеть, что онъ обязанъ своимъ образованіемъ и даже населеніемъ обители Соловецкой.

Тогда только, пустынные мѣста сіи, какъ бы забытыя людьми въ полуночи, просіяли міру, когда безвѣстные отшельники, Савватій и Германъ, и за ними Зосима, вздумали тамъ уединиться, и тайною своею молитвою оплодотворили пустыню, по весьма правильному изреченію церковныхъ пѣснопѣній, во славу отшельниковъ: «слезъ твоихъ теченьми, пустыни неплодное воздѣлалъ еси, и еже изъ глубины въздыханьми, во сто трудовъ оплодотворилъ еси, и былъ еси свѣтильникъ вселеннѣй, сіяя чудесы, отче нашъ, моли Христа Бога, спасиися душамъ нашимъ.»—Такъ дѣйствена и доселѣ эта молитва, и можетъ ли быть, чтобы стекающіеся изъ сѣверныхъ предѣловъ, въ обитель Соловецкую, не приносили съ собою хотя нѣсколько просвѣщенія духовнаго въ свои семейства? Не лишнее быть можетъ, для равнодушныхъ къ священной старинѣ, напомнить еще, что лавра Соловецкая, какъ она называлась въ тѣ дни, отразила, въ грустную годину Самозванцевъ, неоднократно нападенія Шведовъ и черезъ то удержала весь Сѣверъ Руси въ повиновеніи законному Царю, точно также, какъ и лавра Сергіева, въ сердцѣ нашего отечества, была единственнымъ его оплотомъ. Сперва населеніе и просвѣщеніе всего Сѣвера, потомъ защита его отъ вра-

говъ, и доселѣ постоянное возбужденіе въ немъ чувства вѣры, — еще ли сего недовольно?

Подобно какъ Соловецкая обитель, на своемъ морскомъ отокѣ, служитъ мѣстомъ соединенія для сѣверныхъ предѣловъ Россіи: такъ въ средней ея полосѣ лавра Сергіева. Не только всѣ окрестныя мѣста, но изъ дальнихъ притекають безчисленные поклонники къ великому заступнику своей родины, преподобному Сергію. Они вмѣстѣ съ тѣмъ обрѣтають въ его гостепріимной обители и ежедневную трапезу для нищихъ, и больницу для болящихъ, и богадѣльню для увѣчныхъ, и училище для сиротъ. Чего еще болѣе требовать отъ дома молитвы? такъ ли гостепріимны мірскія общественныя заведенія?

Говорить ли о Воронежѣ, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ перебивала, можно сказать, вся Россія, для поклоненія мощамъ новоявленнаго Чудотворца, и новыми его чудесами утвердилась въ старой своей вѣрѣ! — А Кіевъ и его чудная Печерская лавра, эта мать всѣхъ обителей Русскихъ, какъ и самый Кіевъ былъ матерію всѣхъ городовъ нашихъ! Сколько святыни заключается въ этой единственной сокровищницѣ молитвы! Сколько нищихъ питается тамъ милостынею всей земли Русской, и сколько богомольцевъ, отъ сѣвера и юга, запада и востока, находятъ себѣ духовное утѣшеніе въ пещерахъ Лавры, прославленныхъ петлѣніемъ первыхъ отшельниковъ! Отнимите у насъ этотъ природный нашъ Іерусалимъ, и какая пустота останется въ сердце Руси, не восполняемая никакимъ инымъ сокровищемъ! — Чтобы судить о томъ, какъ дорого что либо нашему сердцу, надобно

познакомиться съ тѣмъ, что мы любимъ; иначе нельзя понять нашихъ чувствъ. Мы часто слышимъ и довольно равнодушно, о утратѣ людей намъ чуждыхъ, но живо трогаетъ насъ только участь нашихъ присныхъ. Тоже скажу о иночествѣ и монастыряхъ: одни тѣ могутъ судить о нихъ, которые сами глубоко проникнуты ихъ духовною необходимостію и любятъ посѣщать ихъ для молитвы. Чуждымъ они чужды, хотя тѣсно съ ними связана судьба всего Православія.

Мірскіе священники, обязанные узами семейными, едва бываютъ въ силахъ удовлетворять необходимымъ требамъ, когда напротивъ того иноки, болѣе свободные духомъ, потому что не лежатъ на нихъ узы брака, могутъ исключительно посвятить себя служенію Церкви, въ болѣе полномъ значеніи этого слова. Немоощъ человѣческая не позволяетъ каждому духовному лицу сдѣлаться инокомъ: потому и насильственно состояніе духовенства Латинскаго, надъ которымъ тяготѣетъ законъ безбрачія, вопреки постановленіямъ соборнымъ; но Церковь Православная, соединяя, какъ сказано въ правилѣ шестаго Вселенскаго Собора, строгость церковную съ снисхожденіемъ Апостольскимъ, благоразумно постановила, чтобы Архипастыри, управляющіе церквами, были исключительно посвящены Богу, не связываясь узами житейскими, и разрѣшила подчиненнымъ ихъ сослужителямъ, вступать въ благословенный бракъ, немощи ради человѣческой. Для тѣхъ же, которые исключительно хотятъ работать Господу, открыты обители, дабы въ свою череду изъ среды ихъ избирались предстоятели Церкви и ихъ ближайшіе помощники, необходимые для управле-

нія. Что же было бы, если бы только одни безпомощные старцы заключались въ стѣнахъ монастырскихъ?—Не говоря уже о невозможности благолѣпнаго служенія, кто бы восходилъ на кафедры епископскія; кто бы содѣйствовалъ Епископамъ въ облегченіи пастырскаго ихъ бремени?—По истинѣ, когда слышишь иногда у насъ ропоть о бесполезности и множествѣ монастырей и монашествующихъ, подумаешь будто говорится о Римѣ или о прежней Испаніи, гдѣ дѣйствительно десятый человѣкъ былъ инокомъ или клирикомъ, а не о благословенномъ отечествѣ нашемъ, гдѣ все соразмѣрено, мѣриломъ Православія, ко благу Церкви и Государства. Изъ официальныхъ свѣдѣній можно достаточно убѣдиться, по числу иноковъ и обителей, какъ мало знаютъ настоящее положеніе дѣлъ церковныхъ тѣ, которые наиболѣе воиютъ, и страшно слышать такія строгія осужденія, при столь маломъ желаніи познать истину.

Не изумятся ли они сами, узнавъ, что во всей Россіи находится только 409 обителей мужескихъ и 118 женскихъ, въ стѣнахъ которыхъ заключено не болѣе 5,150 постриженныхъ иноковъ, въ томъ числѣ и старцевъ, и 2,250 постриженныхъ инокинь. Присоедините къ этому еще 3,970 послушниковъ и 7,400 послушницъ, не постриженныхъ и слѣдственно свободныхъ во всякое время оставить обитель, но трудящихся въ ней, какъ трудились бы и во всякомъ другомъ мірскомъ обществѣ: итого всѣхъ, всякаго возраста, званія и пола, посвятившихъ себя на служеніе Богу, 15.540, а постриженныхъ между ними только 7,340 лицъ обою пола. Неужели это число велико при 46 милліонахъ одного православна-

го населенія въ Россіи? Вотъ какъ то, что намъ кажется огромнымъ издали, теряетъ свои исполинскіе размѣры по мѣрѣ приближенія и становится весьма обыкновеннымъ, если только смотрѣть безпристрастными глазами!

Блаженны мы, имѣющіе еще духовное утѣшеніе видѣть святыхъ обители наши процвѣтающими, подъ сѣнію Церкви Православной, а не расхищенными и сокрушенными, неистовымъ духомъ враговъ Христовыхъ, какъ на Западѣ, гдѣ свѣжія развалины стоятъ обличительными остовами минувшей славы нынѣшнему безславію. У насъ же древнія наши Лавры и обители служатъ предметами любви народной: потому что теплое, святое чувство Православія привлекаетъ къ нимъ доселѣ и, если не прогнѣваемъ Бога, и впредь привлекать будетъ безчисленныхъ богомольцевъ, проникнутыхъ искреннею вѣрою и привязанностію къ родной святынѣ. Возблагодаримъ же Бога отцевъ нашихъ, дающаго намъ созерцать ихъ нетлѣнные тѣлеса, а не поклоняться однимъ лишь упраздненнымъ ихъ ракамъ, какъ на печальномъ Востокѣ, гдѣ варвары расхитили древнюю святыню.

Великіе пустынножителіи земли Русской! истинные отцы не только иночествующихъ, но и мірскихъ вашихъ чадъ! Антоній и Θεодосій, Сергій и Николъ, Зосима и Савватій, и оба Кирилла и два Нила, Саввы, Діонисіи, Александры и прочіе, имена которыхъ неизвѣстны, и весь сонмъ Святителей, испешихъ изъ ихъ смиренныхъ рядовъ на высокія каедры, чтобы свѣтить міру!—продолжайте осѣнять отчизну вашу, столько разъ спасаемую вами, кровомъ брилъ нынѣшней невещественной вашей славы, какъ новые Архистратиги небесныхъ силъ

образъ которыхъ носили вы на землѣ! Въ святыхъ обителяхъ вашихъ, созданныхъ, по словамъ преподобнаго Нестора, потомъ вашимъ и слезами, да обитаетъ миръ, и да подражаютъ собранныя вами духовныя чада, вашему благому примѣру, оставленному вами для насъ и для нихъ. Да дастся и намъ, не только въ уста, но и въ сердце, эта смиренная молитва великаго подвижника, аввы Еврема, и не на одно лишь теченіе великаго поста, но на все продолженіе нашей жизни:

«Ей, Господи, Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь».

X.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ.

Послѣ мирнаго безмолвія Саровской пустыни, странно было на другой день очутиться опять посреди шума и суеты ярмарки Нижегородской. Хотя не столь многолюдная, какъ въ предыдущіе годы, по случаю холеры, она уже кипѣла однако полною жизнью, когда я возвратился въ Нижний. Очаровательно было ея зрѣли-

ще, въ лѣтній роскошный вечеръ, окрасившій своимъ румянцемъ воды Оки, и мачты судовъ, и бѣлыя зданія торжища. Привѣтливая встрѣча ожидала меня у заставы и въ пріятномъ обществѣ вѣхалъ я въ городъ, оживленный красными днями, но который я оставилъ подъ мрачными впечатлѣніями болѣзни и непогоды. Такой рѣзкій переходъ, изъ глухихъ лѣсовъ, въ тревожное житейское, былъ вѣрнымъ образомъ непостоянства жизни человѣческой, гдѣ такъ часто важное смѣняется легкимъ, и мрачное свѣтлымъ, если только можно назвать свѣтлымъ суетное движеніе и разнообразіе безотчетно кипящей жизни. Солнце уже садилось; мы уловили послѣднія минуты дня, чтобы насладиться чуднымъ видомъ, который открывается во всѣ стороны, на обѣ рѣки и на Кремль и на ярмарку, съ гребня горы, нависшей надъ Окою.

Протяжный гулъ пробѣжалъ по длинному мосту, отъ топота копытъ и стука колесъ, и отрадно было для слуха глухое эхо по водамъ. Двойнымъ рядомъ лавокъ кончался живописный мостъ, какъ бы Венеціанскій Ріальто, или Понтевеккіо чрезъ Арно во Флоренціи, которые также обставлены съ обѣихъ сторонъ сими легкими приютами торговли. На полуостровѣ ярмарки гремѣла музыка и раздавались народныя пѣсни; во всѣхъ окнахъ, временныхъ ея жилищъ, горѣли огни; разноцвѣтные фонари освѣщали вывѣски балагановъ, куда стремился разноплеменный народъ, для развлечения отъ торговыхъ заботъ утомительнаго и часто неудачнаго дня. Это собственно кварталъ Татарскій; здѣсь наиболѣе встрѣчаешь ихъ характеристическія лица, въ бѣлыхъ балахонахъ и

шапкахъ, какъ тѣни скользящія между рядовъ; но тутъ можно было встрѣтить и все прочія племена, потому что къ вечеру эта часть ярмарки, по своимъ балаганамъ и гостиницамъ, дѣлается сходбищемъ всехъ ея посѣтителей и торговцевъ:—картина восточная, фантастическая!

Слишкомъ быстро осмотрѣлъ я знаменитую ярмарку, чтобы предпринять ея описаніе; но и одного бѣлаго взгляда достаточно, чтобы поразить изумленіемъ каждаго и оставить въ сердцѣ глубокое впечатлѣніе, о величій Россіи, при зрѣлищѣ всемірнаго торжища, которое сосредоточилось въ ея предѣлахъ. Съ привѣтливымъ мимъ хозяиномъ я обѣжалъ все гостинные ряды, правильно расположенные вокругъ губернаторскаго дома, и едва вѣрнулъ глазамъ своимъ: цѣлые магазины косметическихъ предметовъ были наполнены драгоценностями, которыя охотно раскупаютъ Сибирь, наше золотое дно; напротивъ нѣсколько лавокъ фарфоровыхъ издѣлій, спорящихъ съ Китайскими въ прочности и красотѣ. Армяне и Грузины отчасти занимаютъ собственно Китайскіе ряды, около собора, такъ названые по стариннымъ украшеніямъ ихъ крыши; но богатѣйшіе Азіятцы тѣсятся въ галереяхъ губернаторскаго дома. Прекрасная Армянская церковь, выстроенная за каналомъ, недалеко отъ собора, привлекаетъ сюда выходцевъ Востока, потому что они могутъ найти здѣсь и духовное утѣшеніе, вмѣстѣ съ мірскими выгодами; но и для Татарскихъ торговцевъ оказано также большое снисхожденіе со стороны Правительства, устройствомъ мечети, куда стекаются они толпами каждую пятницу.

Тройной рядъ корпусовъ, правильно сооруженныхъ, около присутственныхъ мѣсть, служитъ большею частію для помѣщенія Русскихъ и Европейскихъ товаровъ, какіе обыкновенно встрѣчаешь въ гостинныхъ дворахъ столицы; но всего занимательнѣе то, что не вмѣщается въ сихъ однообразныхъ рядахъ, по природному влеченію духа народнаго къ привольной куплѣ и продажѣ, безъ стѣснительнаго для него порядка. Посмотрите на цѣлый рядъ выставленныхъ по сторонамъ шоссе расписныхъ сундуковъ, которыми такъ обильно снабжаетъ Волга любящій пестроту Востокъ, или на громадную массу домашней посуды, необходимо расходящейся по всей Россіи, или загляните въ ветошный рядъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, гдѣ торгуютъ въ полумракѣ всякимъ мелкимъ товаромъ, подъ навѣсомъ парусины, пользуясь невѣрнымъ освѣщеніемъ для удачнаго сбыта. Вотъ цѣлые обозы телегъ и колесъ, которыя однако всѣ раскупятся, звонкій рядъ колоколовъ, въ которые ударяютъ приставленные мальчики, чтобы звукомъ прельстить любителей благовѣста, и полныя лавки однихъ гвоздей и другихъ мелкихъ желѣзныхъ издѣлій.

Не буду исчислять всѣхъ разнородныхъ предметовъ, которые привлекаютъ до 200,000 народа, въ сей внутренней портъ Россіи, какъ его назвалъ прозорливый Петръ, и куда привозится товаровъ, изъ Европы, Азій и дальняго Китая, на 50,000,000 руб. серебромъ. Для невѣжественнаго посѣтителя, въ дѣлахъ торговыхъ, всего поразительнѣе были два предмета, потому что болѣе другихъ бросались они въ глаза своею громадностію, и дѣйствительно въ нихъ заключается главная торговля

Нижегородской ярмарки. На одномъ ея краю, на островѣ образуемомъ рукавомъ Оки, вся масса желѣза Сибирскаго, добываемаго въ рудникахъ Пермскихъ: гудами лежитъ оно, какъ будто всѣ тайныя сокровища земли внезапно исторглись изъ ея пѣдръ; страшно подумать, что тутъ на тѣсномъ пространствѣ собрано до 4,000,000 пудъ одного желѣза, не считая мѣди, Демидовыхъ, Строгановыхъ, Шереметевыхъ и другихъ колоссальныхъ владѣльцевъ. Важно прохаживаются охранители сихъ желѣзныхъ сокровищъ, между взгроможденными ихъ рядами, и весьма скоро совершаютъ свои миллионныя сдѣлки, потому что здѣсь и не заводятъ рѣчь о какихъ либо мелочныхъ продажахъ: все въ исполинскихъ размѣрахъ.

Совершенно на другой оконечности ярмарки, пройдя конскіе табуны, которые пасутся въ полѣ около торжища, миновавъ груды шерсти и кожъ, павезенныхъ Бухарцами для сбыта во всю Россію, вы достигаете до отдѣльнаго Китайскаго городка, на берегу Волги, составленнаго изъ однихъ цибиковъ чая. До 30,000 такихъ огромныхъ цибиковъ, обитыхъ рогожею, стоятъ въ нѣсколько рядовъ на деревянныхъ накатахъ, и Московскіе купцы приходятъ скупать ихъ, такъ какъ они стоятъ, цѣлыми рядами, хотя это отзывается сотнями тысячъ нашимъ столичнымъ миллионщикамъ. Тутъ можно видѣть все внутреннее благосостояніе колоссальной державы, которой купцы, какъ было сказано въ Библии о Тирскихъ, являются яко сильныя Князи земли. Такое зрѣлище утѣшительно по чувству народной славы, когда видишь, что со всѣхъ предѣловъ знаемаго міра и изъ

внутреннихъ пустынь Азіи, стекаются въ сердце Россіи несметныя караваны, съ богатствами цѣлой вселенной, благоговѣющей предъ именемъ Русскимъ!

Поздно вечеромъ оставилъ я Нижній, посреди шумныхъ кляковъ народныхъ, при звукахъ музыки, гремѣвшей въ ярко освѣщенной галереѣ губернаторскаго дома, и долго фантастическое впечатлѣніе этого восточнаго міра, достойнаго тысячи одной ночи, наполняло мое воображеніе, когда я мчался во мракѣ по лѣсистой дорогѣ къ Владиміру.

О постѣ.

Прекрасный шоссе, вмѣсто прежней, часто непроходимой дороги, пріятно облегчалъ путешествіе, особенно послѣ труднаго пути въ Казань и Саровъ; но съ успѣхами образованія непріятное впечатлѣніе производило на мое сердце, встрѣчавшееся мнѣ послабленіе церковнаго устава о постахъ. Хотя это время было самое дѣятельное для Нижегородской дороги, по случаю проѣзда купечества на ярмарку, однако почти вездѣ въ гостиницахъ нельзя было добыть себѣ постной пищи, не смотря на важность Успенскаго поста, который почитался у отцевъ нашихъ отрывкомъ великаго. «Рѣдко спрашиваютъ», было обыкновеннымъ извиненіемъ содержателей гостиницъ. Я понимаю это для негоціантовъ иностранныхъ; но неужели благочестивое купечество Русское подражаетъ ихъ примѣру, если не возить съ собою домашніе запасы, для трехдневнаго пути, въ дилижансахъ.— Между тѣмъ грустно видѣть, такое отступленіе отъ по-

- рядка церковнаго, который заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе важности, нежели сколько предполагаютъ пренебрегающіе его наружными формами: потому что всякое стройное общество, равно церковное, какъ и гражданское, необходимо должно быть подчинено какому либо вѣдшему порядку, строго соблюдаемому для того чтобы оно не рушилось.

Возьмемъ для примѣра училище. Можетъ ли быть, чтобы тамъ не были опредѣлены, не только часы на занятія, на отдыхъ и на пищу, но и самая пища, большею частію однообразная? Иначе нельзя было бы свести счета ни времени, ни деньгамъ.—Въ строю воинскомъ не покажутся ли страшными, для неопытнаго, всѣ повороты и командныя слова?—и однако, если бы они всѣ не исполнялись въ точности, нельзя было бы сдвинуть съ мѣста полка, и если бы сверхъ того не соблюдалась строжайшая подчиненность, при всѣхъ малѣйшихъ приказаніяхъ начальства, все войско обратилось бы въ пеструю массу, которая бы не въ силахъ была выдержать напора непріятелей.—Тоже можно сказать и о воинствѣ Христовомъ, которое необходимо должно быть въ повиновеніи у своихъ Пастырей и строго исполнять всѣ заповѣди церковныя, чтобы противостоятъ нападеніямъ опаснаго врага душъ Нашихъ, о которомъ непрестанно предостергаетъ насъ Церковь. Если мы, будучи больны, слушаемъ съ покорностію предписанія врачей, совѣтующихъ намъ не только воздержаніе въ пищѣ, но даже самый ея родъ, для большаго успѣха ихъ лѣкарствъ: будемъ ли не покорны опытному гласу врачей духовныхъ,

когда они, вмѣстѣ съ постомъ, заповѣдали и самый его образъ?

Особенно больно видѣть такое пренебреженіе Устава церковнаго, когда люди даже не хотятъ сознаться въ своемъ малодушіи, а напротивъ стараются оправдать себя, мнимою суетностію такихъ постановленій, и даже словами Святаго Писанія. Однако во главѣ его, на первой стралицѣ Библіи, мы уже видимъ постъ, заповѣданный Адаму запрещеніемъ извѣстнаго плода, и нарушеніе сей заповѣди есть начало первороднаго грѣха, ради коего самъ Господь долженъ былъ сойти на землю, чтобы возстановить человѣка.—Вотъ какъ важно, маловажное по видимому, воздержаніе въ пищѣ!—потому что, по словамъ одного нашего краснорѣчиваго витія, когда дѣло касается до нарушенія заповѣди Божіей, одно и тоже «сорвать яблоко съ дерева, что и солнце съ тверди небесной.» Постъ же не есть заповѣдь человѣческая, хотя такимъ его домогаются представить тѣ, которые не имѣютъ довольно твердости чтобы соблюдать его; они думаютъ стать выше его въ собственныхъ понятіяхъ, а на самомъ дѣлѣ становятся ниже: потому что преодоленіе чувственной своей природы выше произвольнаго послабленія всѣмъ ея прихотямъ, а послушаніе заповѣдямъ еще выше поста и молитвы.

И можно ли назвать постъ заповѣдію человѣческою, когда примѣрами его исполнено все Священное Писаніе?—Не говоря уже о Ветхомъ Завѣтѣ, гдѣ два величайшіе подвижника, Моисей и Илія, сорокодневнымъ постомъ достигаютъ даже до божественнаго созерцанія; но и на грани Новаго Завѣта, не стоитъ ли предъ нами

свѣтлое лице Предтечи, величайшаго изъ рожденныхъ женами по словамъ самаго Господа, и который однако провелъ всю свою жизнь въ пустынѣ, питаюсь акридами и медомъ дикимъ? Достаточно и одного такого примѣра, чтобы заградить уста всѣмъ. Но и самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ не удалялся ли въ пустыню на сорокъ дней, проведенныхъ имъ въ совершенномъ воздержаніи отъ пищи?—Въ это время побѣдилъ онъ всѣ искушенія вражескія и, зная по опыту силу поста надъ силою демона, говорилъ ученикамъ своимъ, когда не могли они изгнать нечистаго духа изъ бѣснующагося отрока: «родъ же сей ничѣмъ не изгоняется, какъ только молитвою и постомъ.» Не есть ли это ясная заповѣдь? Памятовали Апостолы и другія слова ихъ Божественнаго Учителя о томъ, «что они будутъ поститься, когда отыметъ отъ нихъ женихъ,» и, послѣ вознесенія Господня, не предпринимали никакого дѣйствія безъ молитвеннаго поста: до такой степени они полагали его нужнымъ для усиѣха своей проповѣди! «Когда они пребывали въ служеніи Господу и постѣ, Духъ Святой сказалъ: отдѣлите мяѣ Варнаву и Павла на дѣло, къ которому я ихъ призвалъ; тогда они, совершивъ постъ и молитву, возложили на нихъ руки и отпустили ихъ.» (Дѣян. XIII, 2, 3).

И такъ вотъ мы видимъ, что постъ не раздѣленъ съ служеніемъ Господу и дѣломъ проповѣди, и это дважды здѣсь повторено, какъ бы для того, чтобы болѣе назвать достоинство поста. Но можетъ быть нелюбители онаго скажутъ: что постъ временъ Апостольскихъ различенъ былъ отъ нашего и состоялъ только въ воздержаніи отъ пищи, а не въ извѣстномъ ея родѣ, какъ это

опредѣлено у насъ. Можно бы еще согласиться съ ними, если бы и они согласились постяться по Апостольски, то есть, воздерживаться отъ пищи до шестаго и девятаго часа дня, или пребывать вовсе безъ пищи по цѣлымъ днямъ, какъ въ первыя времена; но такъ какъ они этого не исполняютъ, то могутъ ли по совѣсти осуждать снисхожденіе, которое оказываетъ намъ Церковь, въ опредѣленіи извѣстнаго рода пищи на время поста, для однообразія и порядка, и дабы немощные могли слѣдовать за болѣе крѣпкими въ исполненіи заповѣдей? Не странно ли послѣ сего слышать, какъ иномыслящіе, нарушая на каждомъ шагу заповѣдь Святаго Писанія о постахъ, хвалятся еще особенно яснымъ разумѣніемъ онаго, или, лучше сказать, произвольнымъ примѣненіемъ къ своимъ житейскимъ прихотямъ?

Примѣромъ тому можетъ служить слово Апостольское, которое такъ часто слышится въ устахъ даже нашихъ единовѣрцевъ, какъ извиненіе въ несоблюденіи ими правилъ церковныхъ: «все предлагаемое вамъ ядите.» Но если бы тѣ, которые безотчетно употребляютъ это изреченіе, вникли въ настоящій смыслъ его и прочли не усѣченный, а полный текстъ Апостола Павла, они убѣдились бы, что строгое обличеніе противъ нихъ самихъ заключается въ сихъ краткихъ словахъ, по видимому имъ благопріятныхъ. Что говоритъ Апостолъ?—«Ежели кто изъ невѣрующихъ позоветъ васъ и вы къ нему захотите пойти, то все предложенное вамъ ядите, безъ всякаго изслѣдованія для спокойствія совѣсти.» (1. Коринѳ. X. 8). О какомъ же здѣсь говорится изслѣдованіи?—о томъ, что предлагаемое не есть ли жертва идольская, ибо это

могло случиться въ домѣ язычниковъ, къ которымъ, ради ихъ спасенія, входили Христіане. Слышите ли, что говоритъ Апостоль: «Ежели кто изъ невѣрующихъ пригласитъ васъ и вы захотите къ нему пойти.» Но вы нарушаете заповѣдь церковную о постѣ, въ домахъ Христіанскихъ; не ужели хотите подвергнуть себя и ихъ тому же грустному наименованію?—Есть на все свое время и снисхожденіе, но никогда не должно оно нарушать узаконеннаго правила, какъ гражданскаго, равно и церковнаго. Потому ли только первое будетъ тверже послѣдняго, что за нарушеніемъ его слѣдуетъ тотчасъ наказаніе, а милость Божія долготерпитъ согрѣшеніямъ нашимъ, хотя мы чрезъ то и соблазняемъ нашихъ близкихъ. Не ясно ли говоритъ намъ Апостоль: «пища не приближаетъ насъ къ Богу, ибо ѣдимъ ли, ничего не приобретаемъ отъ того, и не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ. Берегитесь однако, чтобы сія свобода ваша не послужила для слабыхъ соблазномъ; согрѣшая противъ братіи и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы противъ Христа согрѣшаете, и потому если пища соблазняетъ брата моего, не стану ѣсть мяса во вѣки, чтобы не соблазнить брата моего.» (1 Коринѣ. VIII, 8, 9—12 и 13).

Вотъ какъ милостиво судилъ Апостоль Павелъ, «который для всѣхъ былъ все, чтобы всячески спасти когонибудь» (IX, 12); а мы сколько разъ подаемъ дурной примѣръ меньшей братіи нашей, чрезъ нарушеніе малыхъ, по нашему мнѣнію, заповѣдей, къ нарушенію ими большихъ? Напрасно также говорятъ поблажающіе себѣ, что не въ постѣ состоитъ спасеніе; какъ будто-бы Церковь почитала постъ единственнымъ средствомъ ко

спасенію. Нѣтъ, она очень ясно научаетъ насъ, въ началѣ великаго поста, пѣснями духовными, въ чемъ состоитъ истинный постъ:

«Постящеса, братіе, тѣлесно, постимся и духовно, расторгнемъ всякій союзъ неправды, всякое писаніе неправедное раздеремъ; дадимъ алчущимъ хлѣбъ и нищихъ безкровныхъ введемъ въ дома, да примемъ отъ Христа Бога велию милость.»

Здѣсь кажется ясно видно, чего при постѣ требуетъ отъ насъ Церковь, учредившая оный по гласу Божию; полезно намъ вспомнить при этомъ случаѣ и обличеніе Христова противъ Фарисеевъ: «Горе вамъ, лицемеры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставили важнѣйшая въ законѣ, правосудіе и милость и вѣру; сіе надлежало творить и того не оставлять.» (Матѣ. XXIII. 21). Господь не повелѣваетъ оставлять меньшаго для большаго, но исполнять то и другое. Мы видимъ большею частію, что исполняющіе совѣстливо малѣйшія заповѣди, вѣрны бываютъ и въ большихъ, и никакъ не слѣдуетъ заключать, что, исполняя заповѣдь поста, они почитаютъ себя въ правѣ все прочее пренебрегать.

Многое бы еще можно было сказать по сему предмету, но достаточно и сего малаго, если только кто положить руку на сердце и, не съ духомъ состязанія, будетъ вникать въ слова Священнаго Писанія; тогда, быть можетъ, приметъ и это братское напоминаніе, внушенное Христіанскою любовію и сознаніемъ собственной немощи.

IX.

ВЛАДИМІРСКІЙ СОБОРЪ.

Вступая въ предѣлы Владимірскіе, я какъ бы входилъ въ древній міръ Великокняжескій, гдѣ еще все дышало первыми вѣками Руси и было исполнено имени Боголюбскаго, затмившаго Византійскую славу древняго Кіева.—И вотъ на прагѣ Владиміра, за десять верстъ отъ бывшей столицы, встрѣтила меня обитель Боголюбская, любимый пріютъ святаго Князя и мѣсто горькой его кончины, еще свѣжей въ памяти народной, какъ-бы недавнее событіе. Солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ монастырю, такъ что едва успѣлъ осмотрѣть его главную святыню; древніе вязы или отрасли тѣхъ, которые посажены были рукою Боголюбскаго, около своего загороднаго жилища, доселѣ осѣняютъ зданія монастырскія и на дворѣ еще показываютъ каменную чашу, куда собирались усердныя подаванія для построенія обители.

Я взошелъ въ соборную церковь Рождества Богоматери, сооруженную Княземъ Андреемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась чудотворная икона Владимірская, которая

теперь въ Москвѣ; не было тутъ и другой знаменитой ея иконы Боголюбской Божіей Матери; она странствовала по окрестнымъ селеніямъ, по случаю свирѣпствовавшей болѣзни: ибо жители имѣють чрезвычайную вѣру къ сей завітной иконѣ, которая уже не разъ избавляла ихъ своимъ осѣненіемъ отъ моровыхъ повѣтрій. Мнѣ хотѣлось видѣть мѣсто мученической кончины Великаго Князя, убиеннаго присными, и меня ввели, по круглой лѣстницѣ колокольни, въ бывшую его ложницу, на хорахъ соборной церкви. Семь квадратныхъ шаговъ, вотъ все ея пространство:—много ли менѣе нужно и для могильной усыпальницы? Здѣсь однако, подъ сѣнію храма, любилъ уединяться боголюбивый Князь, который силою своего генія создалъ новое государство на Сѣверѣ Руси и уже не жаждалъ стараго Кіева, какъ честолюбивый отецъ его Долгорукій. Дворецъ княжескій пристроенъ былъ къ храму и новая колокольня поставлена на старыхъ сѣняхъ; по благочестію Князя втѣснило его въ самый храмъ, для ночнаго покоя, прерываемаго частыми молитвами: изъ узкихъ оконъ его ложницы открывалась внутренность собора, и тутъ молился онъ, предъ своею чудною иконою, никѣмъ незримый,—умилительное благочестіе въ державномъ! Тутъ постигла его и горькая измѣна присныхъ.—Украденъ былъ изъ-подъ его изголовья мечъ родственнаго ему стратотерпца Бориса, которому онъ долженъ былъ уподобиться мученическою кончиною и замогильною славой; силою мышцъ боролся мужественный Князь съ двадцатью вооруженными убійцами; израненнаго замертво оставили они въ ложницѣ и, казалось, должна была спастись невинная ихъ жертва, но Господу

не угодно было лишить ее полнаго вѣнца. Истекалъ кровію, повлекся Князь по крутой лѣстницѣ, чтобы искать помощи, и обрѣлъ себѣ смерть: по стонамъ почували злодѣи, что онъ еще живъ и, по слѣду крови, нашли его подъ лѣстницею; тамъ довершили убійство. Съ честію перенесено было тѣло Великаго Князя въ соборъ Владимірскій; братъ Михаилъ отнесилъ его убійцамъ, и въ деревянныхъ коробахъ бросилъ ихъ въ озеро. Преданіе народное гласитъ, будто доселѣ носятся они, въ своихъ коробахъ поросшихъ мохомъ, по безпокойнымъ волнамъ, и Кучковичами слывуть эти плавающія кочки.

Черезъ низкую ограду Боголюбской обители, увидѣлъ я въ полѣ еще одну церковь того же Князя, во имя Покрова Богоматери, на живописномъ стеченіи Клязьмы и Нерли. Тамъ, говорятъ, была складка бѣлаго камня, который вывозилъ онъ изъ покоренной имъ Болгаріи, для сооруженія великолѣпнаго собора во Владимірѣ, и тамъ, чуднымъ образомъ, остановились нагруженные ладьи, доколѣ Князь не далъ обѣта воздвигнуть на этомъ мѣстѣ храмъ Богоматери.—Странный отголосокъ событій: во имя Покрова, строятъ Боголюбскіи церковь, изъ камней земли Болгарской, и чрезъ четыре вѣка, въ самый день Покрова покоряетъ славный его потомокъ новую Болгарскую столицу, Казань. Если наблюдать въ лѣтописяхъ всѣ подобныя случайности, много знаменательнаго откроется въ этомъ созвучіи минувшаго съ будущимъ!

Поздно вечеромъ достигъ я Владиміра и уже на разсвѣтѣ стоялъ въ златоверхомъ соборѣ Боголюбскаго. Одинъ только Архангельскій, въ Москвѣ, можетъ сравниться съ каѳедральнымъ храмомъ Владиміра, по кня-

жеской усыпальницѣ, которая, въ теченіе столькихъ вѣковъ, ненарушимо соблюдается подъ сѣнію обоихъ: тамъ и здѣсь почіютъ Державныя земли Русской! Но во Владимірѣ—послѣдній отблескъ Византійской славы до горькаго плѣна Монгольскаго; рядъ его гробницъ есть какъ бы конецъ замогильной лѣтописи Князей нашихъ, которой начало истреблено варварами, въ древнѣйшихъ святилищахъ Кіева; въ Москвѣ же это скромныя сперва начатки малаго княжества, разросшагося въ царство, потомъ въ имперію, и во вселенную. Кого не проникнетъ тайный ужасъ минувшаго, внутри обоихъ вѣщихъ святилищъ, гдѣ оживаютъ ихъ мертвые въ душѣ каждаго входящаго? Чье Русское сердце не дрогнетъ, ступая на могильныя невѣдомыя плиты сильныхъ земли Русской, припадая къ ракамъ прославленныхъ нетлѣніемъ Князей, или еще чающихъ онаго во славу будущаго вѣка?—и вся эта полнота минувшаго сосредоточилась въ одномъ тѣсномъ храмѣ! Вѣтъ вѣками изъ отверстыхъ вратъ его, какъ отъ избытка сердца устами прорываются рѣчи.

Станьте между столбовъ, посреди храма, и на время забудьте снѣжнхъ въ немъ по сторонамъ, если только можно забыть ихъ тамъ, гдѣ все о нихъ гласитъ. Прежде всего окиньте взоромъ художника, эту чудную громаду Византійскую, достойную лучшихъ временъ юной Россіи:—невольнo поразитъ васъ легкость и высота зданія и стройность аркъ, перекинутыхъ по восемнадцати столбамъ его, на которыхъ лежатъ хоры, своды и куполь. Не напрасно святой Князь Андрей вызывалъ лучшихъ художниковъ изъ родственной ему Византіи; не напрасно созданный имъ храмъ почитался образцомъ зод-

чества церковнаго, для будущихъ вѣковъ, и прослылъ златоверхимъ. Все въ немъ блистало золотомъ, мусією и разноцвѣтнымъ мраморомъ, по сказанію лѣтописи; посреди мѣднаго помоста возвышался серебряный амвонъ и посреди серебряной крыши позлащенная глава; самыя стѣны были изнутри обиты раззолоченными листами. Такой чудный кивотъ соорудилъ Боголюбскій для священной иконы Богоматери, которую испросилъ себѣ у родителей, изъ древняго Вышгорода, и предназначалъ ее любимому имъ Ростову. Но чудотворный ликъ сей, писанный Евангелистомъ, имѣлъ другое обширѣйшее назначеніе: быть залогомъ спасенія всея Руси, въ ея престольныхъ столпцахъ. Сею иконою прославился въ началѣ Владиміръ, и какъ-бы привлечь къ себѣ самую каеедру Святителей; когда же прошла его кратковременная слава, подѣ страшными бурями Ордынскими, и новое на Руси зародилось сердце, —туда, въ новопрестольную Москву, перенесли ее Святители и Князья, дабы изъ сего завѣтнаго сердца осыпала она, своими благословеніями, всю землю Русскую.

Но не оскудѣлъ святынею Успенскій соборъ Владиміра, ввѣривъ свое сокровище Успенскому собору Москвы. Тотъ же великій Святитель Петръ, который перенесъ каеедру въ новую столицу, будучи еще Игуменомъ на Волыни, какъ-бы въ духѣ предвѣднія, списалъ для Митрополита Максима чудотворную икону Владимірскую; когда же самъ посланъ былъ для посвященія въ Царьградъ, онъ обрѣлъ свою икону у Патріарха Аванасія, и Патріархъ вручилъ ему вмѣстѣ съ нею пастырскій посохъ, отобранный у его соперника Геронтія, неправильно ис-

кавшого каведры. Семдѣсять лѣтъ спустя, при страшномъ нашествіи Тамерлана, священный подлинникъ взять былъ сыномъ Донскаго въ Москву; но списокъ Святителя Петра остался въ соборѣ Владимірскомъ, къ утѣшенію гражданъ. Икона сія, великолѣбно украшенная ихъ усердіемъ, прежде всего привлекаетъ благоговѣйное вниманіе по лѣвую сторону царскихъ вратъ. Если же послѣ столькихъ разгромовъ, новымъ представляется иконостасъ соборный, то тѣмъ не менѣе величественна стройная высота его, вполне соответствующая Византійской красотѣ храма. Расширено было и самое святилище Боголюбскаго, братомъ его, могущественнымъ Всеволодомъ, послѣ страшнаго пожара, опустошившаго весь городъ, и такимъ образомъ прежній храмъ какъ бы вдвинуть былъ во внутрь высокихъ папертей, пристроенныхъ къ нему съ трехъ сторонъ. Обновитель присоединилъ и два новыхъ придѣла къ оltарю Успенскому и поставилъ четыре главы вокругъ златоверхой. Теперь уже исчезли, отъ частыхъ разореній столицы, всѣ сіи богатства, внутреннія и внѣшнія, но сохранилась древняя красота зодчества, и на одной аркѣ еще уцѣлѣло стѣнное писаніе пятнадцатаго вѣка, чудной кисти Рублева.

Съ чего начать посреди такого богатства святыни и воспоминаній?—Поклонимся гробамъ великихъ основателей. У сѣвернаго входа, предъ своимъ придѣломъ, почіетъ въ серебряной ракѣ мученикъ Князь Андрей Боголюбскій. Если бы и не причла его Церковь, за благочестивую жизнь и многострадальную кончину, къ лику своихъ заступниковъ, уже одно имя Боголюбскаго вполне бы выразило всю его святость. Кто другой, во всей на-

шей исторіи, можетъ похвалиться такимъ умилительнымъ прозваніемъ, которое невольно исторглось изъ устъ современниковъ?—И какъ близко къ сердцу этотъ Боголюбскій Андрей, съ своею чудотворною иконою, Боголюбивой Матери Божіей, предъ кою онъ самъ написанъ на колѣняхъ, въ одеждѣ княжеской, но безъ вѣнца, замѣненнаго мученическимъ! Издавна прославляла Церковь сего великаго мужа, который возсоздалъ мощною рукою на Сѣверѣ царство, разсыпавшееся отъ междуусобій Юга, и былъ свѣтильникомъ вѣры въ обширныхъ своихъ предѣлахъ; но только при Петрѣ Великомъ просіяло нетлѣніе мощей его, вмѣстѣ съ сыновними, благовѣрнаго Князя Глѣба. Драгоценная рака сооружена еще позже, и на ней начертана краткая лѣтопись его дѣяній: рожденіе въ Суздаль въ 1110 году, имена всѣхъ его княжествъ, начиная отъ удѣльнаго Вышгорода до великихъ Кіева и Владиміра и дальняго Новгорода, и славное сооруженіе собора въ 1161 году, и преждевременная кончина въ 1175, на день памяти верховныхъ Апостолъ. Въ столь малыхъ словахъ вся слава княженія мощнаго, какъ и въ малой ракѣ вмѣстился самъ великій обладатель земли Русской? Но Боголюбскій, свѣтлымъ лицомъ своимъ, какъ радушный хозяинъ, встрѣчаетъ и провожаетъ каждого, посреди всѣхъ священныхъ памятниковъ своей столицы, съ которыми такъ тѣсно связана его память.

Хотите ли видѣть упраздненный гробъ его, гдѣ обрѣтено было сокровище мощей?—Онъ внутри алтаря, съ лѣвой стороны, и напротивъ почиваетъ, въ каменномъ гробѣ, великій братъ его Всеволодъ. Тридцати-шестилѣтнее его княженіе было эпохою славы Владиміра на

Клязьмѣ, и Ольговичи Черниговскіе трепетали предъ симъ мощнымъ потомкомъ Мономаха, который властно распоряжался судьбами Кіева. Это одно изъ свѣтлыхъ лицъ лѣтописи Русской, и тѣмъ ярче блескъ его, что уже вслѣдъ за нимъ все погружается во мракъ Монгольскій. Столица Боголюбская украсилась храмами Всеволода: онъ расширилъ соборъ братній, чтобы въ немъ возлечь на просторѣ со всѣмъ своимъ мужескимъ поколѣніемъ; онъ основалъ мужескій монастырь Рождества Богоматери, который имѣлъ старѣйшинство надъ всѣми, послѣ разоренія Кіевскихъ, ибо въ немъ почивали мощи святаго витязя Невскаго Александра; онъ соорудилъ и Успенскую обитель инокинѣ, гдѣ почіють двѣ его супруги, Марія и Анна, дочери Князей Шварна Богемскаго и Витебскаго Василька, и обѣ супруги Невскаго витязя, Васса и Алексавра, со всею женскою отраслю дома Великокняжескаго, ибо для всѣхъ приготовилъ державный безбурное пристанище; онъ же наконецъ воздвигъ, во имя своего Ангела, великолѣпный соборъ Дмитріевскій, бывший придворнымъ, по сосѣдству княжескихъ палатъ, которому доселѣ всѣ дивятся въ обновленной его красѣ.

«Всякое дыханіе да хвалитъ Господа», хотѣлъ выразить благоговѣйный ктиторъ, на камняхъ своего храма, дабы, по словамъ Писанія, и каменіе возопио во славу Божию, если бы умолкли люди. На стѣнахъ, лѣпною работою, изящно изображены звѣри сельные и птицы небесныя, съ ликомъ Ангеловъ и Святыхъ, какъ бы возвѣщающіе хвалу Божию, предъ горнимъ престоломъ Господа Иисуса. Но что означаетъ голубь, на крестѣ Дмитріевскаго собора, украшеніе невиданное на Руси, хотя бы

можно было принять его за изображение Святаго Духа?— Преданіе народное, которое не хочет повѣрять себя лѣтописью, говоритъ: что другой, такой же голубь, посаженъ былъ любимымъ братомъ Всеволода, на одномъ изъ храмовъ Кіева, гдѣ будто бы княжилъ (хотя Всеволодъ одинъ оставался въ живыхъ изъ всѣхъ своихъ братьевъ, когда водворился во Владимірѣ), и два эти голубя, одинъ обращенный къ Сѣверу, а другой къ Югу, выражали взаимную любовь державныхъ братьевъ. Такое преданіе драгоцѣнно для сердца, если не для исторіи.

На гробѣ Всеволода лежитъ каменная крыша, святая съ гроба сына его Георгія, когда переносили мощи сего многострадальнаго витязя: такимъ образомъ сыновній покровъ по смерти осыпалъ родителя. Какъ умирительны всѣ снѣ, по видимому, мелкія случайности, если только внимательно наблюдать за ними! Самъ благовѣрный Великій Князь Георгій почиваетъ посреди собора, между двухъ его столбовъ, подъ высокою сѣнію, въ серебряной ракѣ. Горько окончилось двадцатилѣтнее его княженіе, ознаменованное въ началѣ многими побѣдами. Когда съ торжествомъ переносилъ онъ на родину, изъ покоренной имъ Болгаріи, мощи святаго Мученика Аврамія, пострадавшаго тамъ Христа ради, думалъ ли Великій Князь, что и его, какъ мученика, перенесутъ съ поля битвы въ родовую усыпальницу, и что ее опустошатъ тѣ же жестокіе враги, отъ коихъ самъ погибнетъ?—Но такова была судьба Георгія! Отъ первыхъ лѣтъ его княженія ходила черная туча Ордынская по горизонту Руси: сперва разразилась на югѣ, кровопролитной битвой при рѣкѣ Калкѣ, гдѣ погибло все княжеское ополченіе, а четыр-

надцать лѣтъ спустя на сѣверѣ, гдѣ палъ самъ Великій Князь, на берегахъ Сити, положившій душу свою за народъ свой.

Умилительно повѣствуетъ современная лѣтопись, какъ благочестивый Епископъ Ростовскій Кириллъ, возвращаясь съ Бѣла-озера, пришелъ на поле битвы, и какъ обрѣвши тѣло Великаго Князя, но безъ главы, ибо нельзя было отыскать ее во множествѣ труповъ, принесъ обезглавленнаго въ разоренный Ростовъ и съ честію положилъ въ соборномъ храмѣ, а потомъ и самую главу, обрѣтенную на побоящѣ, приложилъ къ многострадальному тѣлу. Два года спустя, пришелъ изъ Новгорода братъ убіеннаго Великій Князь Ярославъ, наследовать опустошенную его отчину, и пославъ въ Ростовъ, за тѣломъ державнаго мученика, встрѣтилъ его всенародно, съ Епископомъ Кирилломъ, дѣтьми своими и боярами, и положилъ въ южномъ придѣлѣ собора Боголюбскаго; но посреди надгробныхъ пѣсней чудное утѣшеніе внезапно открылось плачущимъ!—не только тлѣніе не коснулось мертвенныхъ останковъ, но какъ бы дѣйствіемъ внутренней, духовной жизни, самая глава приросла къ тѣлу, такъ что и слѣдовъ Монгольскаго меча не оставалось на пораженной выѣ.

Все сіе лѣтописное сказаніе вычеканено, на серебряной дскѣ, повелѣніемъ Святѣйшаго Патріарха Іоасафа, который устроилъ великолѣпную раку въ 1637 году: «Владимірскому Чудотворцу, убіенному отъ злочестиваго и безбожнаго царя Батыя, лѣта 6745 (1237) февраля 4 дня, за Волгою на рѣкѣ Сити» и устроилъ по нѣкому тайному видѣнію, которое однако не объяснилъ. Быть мо-

жетъ, самъ Великій Князь явился ему, во время сна, въ томъ воинственномъ образѣ, какъ представленъ былъ на дскѣ своего гроба, съ маптією княжескою поверхъ ратнаго доспѣха. Это замѣчательное изображеніе, по которому можно изучить древнее одѣяніе и вооруженіе Князей нашихъ, поставлено теперь, вмѣсто храмовой иконы, въ тепломъ соборномъ придѣлѣ во имя благовѣрнаго Князя Георгія. Тамъ почиваютъ, подъ сѣнію сего новаго Ангела церкви Владимірской, и древніе Святители бывшей его области: Лука, постриженникъ Печерскій, одинъ изъ первыхъ Епископовъ, тридцать пять лѣтъ мирно упасшій свое стадо до 1489 года, и краснорѣчивый Серапіонъ, оставившій по себѣ назидательныя бесѣды, и преемникъ его Феодоръ, и современные Великому Князю Симонъ и Митрофанъ, который бѣдственно сгорѣлъ въ соборѣ Владимірскомъ, вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ великокняжескимъ, во время нашествія Монголовъ.

Патріархъ устроилъ раку благовѣрному Князю, Державная жена написала въ честь его похвальные стихи, которые начертаны на столбѣ у его изголовья:

«Желанье въ варварѣ горѣло,
 Людей моихъ сжавъ какъ траву,
 Мой жизни духъ лишить и тѣло,
 Затѣмъ мечемъ огрызъ главу;
 Но Богъ мой духъ за вѣру правду
 Жить вѣчно внесъ въ небесну славу,
 Главу-жъ прильпавшу къ тѣлу здѣсь
 Хранить чудесно и доднесь».

Если устарѣлъ отъ времени слогъ стихотворенія, не утратилось однако его достоинство, потому что это написала Великая Екатерина, въ честь Георгія, равно какъ

и другіе стихи въ честь Боголюбскаго, когда посѣтила соборъ его. Она была обновительницею древняго святилища и, по ея волѣ, два преосвященныхъ Владимірскихъ, Павелъ и Иеронимъ, потрудились надъ симъ благимъ дѣломъ: гробницы ихъ подъ сѣнію собора. Тутъ же, въ южномъ придѣлѣ, погребенъ старшій братъ Георгія, мирно совершившій свое краткое княженіе, Великій Князь Константинъ Всеволодовичъ, который украсилъ любимый имъ Ростовъ великолѣпнымъ храмомъ и неохотно переселился во Владиміръ. Буря Ордынская миновала его по случаю ранней кончины, и ей позавидовали испытавшіе ужасы нашествія Монголовъ; вѣрная подруга его жизни, Великая Княгиня Агаѳія, немедленно постригшись надъ гробомъ мужа, мирно окончила дни свои въ монастырскомъ уединеніи Ростова.

Вотъ, въ серебряной рацѣ, нетлѣнно почиваетъ, предъ иконостасомъ южнаго придѣла, давшій ему свое имя: благовѣрный Князь Глѣбъ, сынъ Боголюбскаго, во цвѣтѣ лѣтъ преставившійся къ невечерней жизни и только девятью днями предварившій родителя. Съ горькимъ плачемъ погребалъ его Князь Андрей, не предвидя, какія дѣянія готовить ему родственная рука Кучковичей, дядей блаженнаго отрока. Не только тлѣніе, но и самое окостенѣніе смерти, чуждо усопшему, и руки его, крестообразно сложенныя на груди, готовы разогнуться для молитвы. Страшны были завоевателямъ Монгольскимъ эти юношескіе останки, когда святотатная рука ихъ дерзнула коснуться каменной его раки: испешнее изъ нея пламя оналило варваровъ, которые задушили, въ дыму и пламени того же собора, все присное ему семейство

великокняжеское, и это чудо изображено, стѣннымъ писаніемъ, въ придѣлѣ святаго Глѣба.

Внутри алтаря, извнѣ огражденнаго его мощами, положены три жертвы ярости Монгольской, въ бывшемъ гробѣ отца ихъ Георгія: Всеволодъ, Владиміръ и Мстиславъ, всѣ трое погибшіе во время страшнаго разгрома столицы. Первый Владиміръ достался въ плѣнъ варварамъ и былъ выставленъ ими цѣлю стрѣлъ своихъ единокровныхъ, предъ Златыми вратами Боголюбскаго, которыя соорудилъ онъ, по подобію Кіевскихъ и Цареградскихъ, не для горькаго вторженія враговъ. «Узнаете ли Княжича вашего?» насмѣшливо спросили Монголы ужаснувшихся жителей; унылъ былъ лицомъ юный Князь, изнемогшій отъ скорби и нужды. Всеволодъ и Мстиславъ, съ вершины Золотыхъ воротъ, узнали брата и горько восплакали съ боярами и всѣми гражданами, — видѣніе достойное слезъ, по словамъ лѣтописца. Но мужественные Князья, хотя и болѣли жалостью о плѣнникомъ братѣ, однако воззвали къ вѣрной своей дружинѣ: «братія, лучше намъ умереть предъ Златыми вратами, за Святую Богородицу и Православную вѣру, нежели быть въ неволѣ; все сіе навелъ на насъ Богъ, грѣховъ ради нашихъ!» Крѣпко бились они на жизнь и смерть, сперва у Златыхъ воротъ, потомъ внутри Печерскаго стараго города, около собора, и видя наконецъ, что враги одолеваютъ, хотѣли, сквозь потоки пламени и крови, пробиться къ отцу въ Ростовъ, но за стѣнами города пали подъ мечемъ Ордынскимъ.

Дядя ихъ, Великій Князь Ярославъ, первый собиратель земли Русской послѣ страшнаго ея разоренія, со-

бралъ и останки своихъ присныхъ въ родовую усыпальницу, а самъ вынужденъ былъ идти въ Орду, просить себя разрѣшенія Ханскаго, чтобы властвовать надъ развалинами. Но благодѣтельны были для Россіи его твердость и великодушіе, не оскудѣвшія посреди всеобщаго бѣдствія; не усомнился онъ въ будущихъ судьбахъ страждущей тогда земли, и вѣра сія, которая, по словамъ Апостола, есть осуществленіе ожидаемаго (Евр. XI. I.), спасла Россію. Гробъ Ярослава стоитъ въ томъ же олтарѣ, напротивъ гроба несчастныхъ его племянниковъ, но съ нимъ нѣтъ его потомства подъ сѣнію храма, который какъ будто хотѣлъ принять въ себя только два поколѣнія великокняжескія, Боголюбскаго и великаго Всеволода, съ ихъ братьями и сынами. Сыновья Ярославовы, Андрей, Ярославъ и Василій, скончались въ своихъ удѣлахъ въ Суздаль, Твери и Костромѣ, и тамъ погребены.

Лучшій изъ нихъ, близкій сердцу всея Руси, который заступникомъ былъ во дни жизни и послѣ блаженной кончины, въ ликахъ святыхъ, витязь Невскій Александръ, воспріялъ въ часъ смертной схиму, на обратномъ пути изъ Орды, и положенъ былъ, какъ внокъ, уже не въ родовой усыпальницѣ, но въ Рождественской обители своей столицы. Тамъ отдыхалъ онъ болѣе ста лѣтъ, подъ спудомъ, доколѣ знакомый ему кличъ ратный не воздвигъ его опять ко спасенію обуреваемой земли Русской. Уже полчища Мамаея грозилась на Дону и преподобный Сергій послалъ своихъ схимниковъ биться съ его богатырями, обѣщая горнюю помощь Великому Князю Дмитрію, и вотъ, въ самую ночь Куликовской

битвы, какъ гласитъ мѣстное преданіе, сами собою за-
жглись свѣчи въ монастырской церкви, гдѣ покоилось
тѣло блаженнаго схимника Алексія, нѣкогда мощнаго Кня-
зя Александра. Два старца въ мантияхъ вышли тихо изъ
олтаря и, приблизившись къ каменному гробу, сказали
въ слухъ усопшему: «Княже Александре! востани и спа-
си правнука твоего Димитрія, одоляемаго иноплемён-
никами.» Всталъ схимникъ Алексій, какъ бы по зову
схимняковъ Осляби и Пересвѣта, витязь Невскій подвиг-
ся на помощь витязю Донскому, и побѣдою увѣнчалось
оружіе Христіанское. Созерцавшій это чудное видѣніе,
церковный служитель, повѣдалъ о томъ властямъ духов-
нымъ и обрѣтены были нетлѣныя мощи благовѣрнаго
Князя; но ему суждено было, послѣ четырехсотъ-лѣт-
няго покоя въ обители Владимірской, придти опять на
мѣсто своего земнаго подвига, на берега Невы, чтобы
тамъ освятить своимъ присутствіемъ новую столицу
прославленной державы Русской.

Чья смиренная гробница, въ южной части собора,
подъ сѣнію большой иконы Богоматери, приникла къ
столбу у двери въ придѣлъ святаго Князя Георгія?—
Это гробница святительская, Максима Греченина, един-
ственнаго Митрополита, который погребенъ былъ во
Владимірѣ; предмѣстникъ его великій Кирилль, собира-
тель земли Русской, послѣдній изъ Святителей завѣщалъ
прахъ свой древнему Кіеву, не смотря на его разореніе,
а преемникъ Максима, Петръ Чудотворецъ Московскій,
завѣщалъ уже кости свои новой столицѣ Русской, какъ
залогъ будущаго возвышенія дома Калиты и княжества
Московского. Самая икона, украшенная чеканною ризою

и жемчужнымъ убрусомъ, имѣеть значеніе историческое. Митрополитъ представленъ на ней, приѣмлющимъ на колѣняхъ омофоръ изъ рукъ Пречистой Дѣвы, и это чудное событіе объяснено подписью, которая слишкомъ замѣчательна, чтобы не передать ее во всей полнотѣ:

«Сей святыи и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы написанъ бысть въ лѣто $\frac{4497}{1299}$, по видѣнію Максима Митрополита Владимірскаго и всея Руси чудотворца, Греченина родомъ, егда ему пришедшу отъ Кіева во Владиміръ и отъ путнаго шествія въ келіи своей мало уснувъ, абіе видитъ яко наявѣ свѣтъ великъ и необыченъ, и въ томъ свѣтѣ явился ему Пречистая Дѣва Богородица, держащи на руку Предвѣчнаго Младенца, и глагола: рабе мой Максиме, добръ пришелъ еси сѣмо посѣтити градъ мой, и подаде ему омофоръ, глаголя: приими сей омофоръ и паси во градѣ моемъ словесныя овцы; онъ же приѣмъ, возбудися отъ сна и въ келіи никого же видѣ, а омофоръ обрѣтесе въ руцѣ его; онъ же страхомъ объятъ бысть на многъ часъ, абіе повѣда Великому Князю Андрею и построиша ковчегъ златъ и положиша въ него той омофоръ, и прославися сіе чудо во всей Русской землѣ и въ Палестинѣ, и повелѣ написати сей образъ тѣмъ подобіемъ, яко же видѣ Максимъ святыи».

Долго хранился священный омофоръ сей, какъ лучшая святыня собора, но чрезъ сто лѣтъ исчезъ онъ съ прочими сокровищами, при нашествіи Царевича Ордынскаго Талыча, въ 1411 году. Ревностный ключарь соборный, Патрикій, скрылъ ихъ въ потаенномъ мѣстѣ, вну-

три храма; напрасно, жесточайшими мученіями, враги хотѣли исторгнуть у него заветную тайну; съ нею скончался мученикъ, достойный первыхъ временъ Христіанства; неизвѣстно даже мѣсто собственной его могилы. Тщетны были съ тѣхъ поръ и покушенія многихъ Архіереевъ Владимірскихъ, для обрѣтенія утаеннаго имъ сокровища.

Вдоль сѣверной стѣны собора, опять продолжаются гробы княжескіе: въ сѣверозападномъ углу, Изяславъ сынъ Боголюбскаго, котораго ратный шлемъ и стрѣлы лежатъ поверхъ гробовой плиты и даруютъ исцѣленіе притекающимъ съ вѣрою. Усердные богомольцы надѣваютъ на себя шлемъ сей и, держа въ рукахъ стрѣлы Князя-воителя, внимаютъ молебнамъ, предъ чудотворною иконою Знаменія Богоматери, которая поставлена на сосѣднемъ столбѣ; она перенесена въ соборъ изъ предмѣстія города, потому что ознаменовалась тамъ многими исцѣленіями. Когда однажды подняли помостъ подлѣ гробницы Изяславовой, тамъ нашли древній каменный гробъ и предполагаютъ, что есть еще нѣсколько другихъ невѣдомыхъ могилъ княжескихъ, потому что недостаетъ нѣкоторыхъ, указанныхъ по лѣтописи. Но еще видѣвъ, поверхъ помоста, гробъ Князя Бориса, сына святаго Данила Московскаго, который скончался въ Нижнемъ и положенъ тутъ, какъ бы союзомъ новаго княжества Московскаго съ древнимъ Владимірскимъ. Нѣсколько далѣе Мстиславъ сынъ Боголюбскаго, и братъ его, Великій Князь Михаилъ, властвовавшій не болѣе года, но успѣвшій наказать его убійць и возстановить тишину въ смятенной области.

За гробомъ Михаила, въ углубленіи стѣны, одна обширная могила приняла въ себя цѣлое семейство великокняжеское, несчастную супругу Георгія Агаѳію, дочь ея Княжну Феодору и три юныя невѣстки, Марію, Христину и Феодору, супруги ея сыновей, со всѣми внучатами, которыя всѣ задохлись отъ дыма на хорахъ соборныхъ, во время страшнаго запаленія Монгольскаго. Хоры сіи еще существуютъ въ неприкосновенной цѣлости, и на нихъ устроена ризничная палатка, тамъ гдѣ разыгралась самая страшная драма изъ лѣтописей Владимірскихъ. Уже одна, ей подобная, совершилась за шесть недѣль предъ тѣмъ, въ древней Рязани, опустошенной Батыемъ. Тамъ невѣстка Великаго Князя Рязанскаго, прекрасная Евпраксія, ожидавшая любимаго супруга изъ стана Ордынскаго, бросилась изъ окна съ своимъ младенцемъ, когда услышала о кончинѣ мужа, убитаго за то, что не хотѣлъ выдать Хану ея красоты. Тесть ея, Великій Князь Георгій, соименный Владимірскому, у котораго напрасно просилъ помощи противъ общаго врага, рѣшился одинъ предстать несметнымъ полчищамъ, ибо уже не имѣлъ надежды на пощаду. Въ соборѣ Рязанскомъ простился онъ съ матерью своею и семействомъ, и пошелъ добывать себѣ вѣнца мученическаго, съ малою но вѣрною дружиною; по ступу Монголовъ было противъ каждаго ратника; Великій Князь палъ со всѣми удѣльными Князьями; одинъ только изъ нихъ, Олегъ-красный, достался въ плѣнъ врагамъ, и тотъ положилъ душу за исповѣданіе вѣры Христовой. Мать Георгія, Великая Княгиня Агриппина, со всѣми снохами и внучатами заключилась, вмѣстѣ съ Епископомъ Рязанскимъ, въ

древнемъ Успенскомъ соборѣ своей столицы, и тамъ бѣдственно они погибли въ пламени и отъ меча Монгольскаго.

Приближалось, какъ туча саранчи, полчище Ордынское къ верховному Владиміру и наконецъ облегло его; участь Рязанская готовилась другому семейству велико княжескому. Уже и сосѣдній Суздаль истребленъ былъ огнемъ, и его чудный соборъ Богоматери и дворъ княжескій со всѣми обителями. Въ сырную недѣлю пробилъ роковой часъ и Владиміру. Оставшіеся для его защиты сыновья Великаго Князя, ввѣривъ семейство свое святинѣ собора, сами воспріяли въ немъ ангельскій образъ отъ руки Епископа, и схимниками пошли биться у Золотыхъ воротъ, которыя не надѣялись отстоять въ доспѣхахъ княжескихъ, но буря Монгольская одолѣла. Какъ долженствовалъ быть ужасъ въ самомъ соборѣ, заключенномъ изнутри, когда кругомъ его обступили варвары и, сквозь жалобное пѣніе церковное, слышались ихъ дикіе вопли? Пользуясь послѣдними минутами, пока отбивали крѣпкіе запоры и еще не проникъ въ него дымъ, отъ зажженнаго кругомъ хвороста, всѣ бывшіе въ храмѣ облеклись въ схиму, какъ въ броню спасенія, если не для сей временной, превратной жизни, то для вѣчной, чуждой всѣхъ житейскихъ напастей.

Народъ наполнялъ святилище, Княгиня со всѣми дѣтьми, женами боярскими и сонмомъ инокинь, какъ болѣе слабыя, заключились на хорахъ: Святитель съ келеромъ церковнымъ предстоялъ алтарю, и въ послѣднихъ молитвахъ, изливалъ душу свою предъ Богомъ, попустившимъ сіе горькое испытаніе землѣ Русской, за ея междоусобіе.

«Господи, Боже силъ, взывалъ онъ, сѣдлай на Херувимѣхъ, научивый Иосифа и укрѣпивый Давида на Голиаѳа, воздвигнувый Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ, простри руку твою невидимую и прими съ миромъ души рабъ твоихъ». Тогда съ шумомъ разбились врата и вторгся потокъ Ордынскій въ святилище, и все безъ изыятія въ немъ погнбло. Но изверги не могли достигнуть до княжескаго семейства на хорахъ, ибо закладена была изнутри потаенная лѣстница. Весь этотъ ужасъ всенароднаго избіенія видѣли предъ собою горькія узницы, сами обреченныя на смерть, и ждали послѣдней минуты.—И вотъ поднявшееся къ нимъ облако дыма, изъ зажженнаго храма, мало-по-малу задушило недосягаемыхъ мечемъ, и въ этомъ облакѣ отлетѣли къ Господу ихъ чистыя души.

«Когда же», говоритъ умилъная современная повѣсть, пришла вѣсть Великому Князю Юрію, что Владиміръ взятъ и церковь соборная и Епископъ и Княгиня съ дѣтьми, со снохами и со внучатами, огнемъ скончались, а старѣйшіе сыны убіены въ городѣ,—гласомъ велимъ возопилъ онъ, съ плачемъ и слезами по правобѣрной вѣрѣ Христіанской; паче же о Церкви и Епископа ради и людей, нежели о себѣ и о женѣ и дѣтяхъ, воскликнулъ изъ глубины сердца сей новый Іовъ, по вѣрѣ и терпѣнію: «Господи, сіе ли угодно было твоему милосердію? увы мнѣ, Владыко, нынѣ же чего ради остался азъ единъ!»

Выйдемъ изъ глубины собора, исполненнаго столькими событіями смерти; освѣжимъ душу отъ плачевныхъ созерцаній минувшаго, отраднымъ зрѣлищемъ настоящей неизмѣнной красоты того мѣста, на которомъ стоитъ

соборъ.— Живописно извивается голубая Клязьма подъ крутизною береговъ, покрытыхъ густыми садами; изъ ихъ цвѣтущей зелени возникаютъ древнія церкви и новые дома, разсѣянные по глубокимъ оврагамъ. Просторно сердцу на этой высокой горѣ Боголюбскаго; понятно взору и мысли, почему выбралъ онъ эту чудную точку для своего собора. Необозримая даль открывается къ полудню, за свѣтлымъ теченіемъ Клязьмы, и мрачные лѣса Муромскіе тянутся по небосклону, какъ бы таинственная стража недовѣдомыхъ предѣловъ. Они еще исполнены всѣми ужасами народныхъ преданій, которыми изъ дѣтства напугано было воображеніе наше. Много поэзіи въ этомъ отголоскѣ младенческихъ лѣтъ, когда уже, въ зрѣломъ возрастѣ, мы встрѣчаемся опять съ впечатлѣніями минувшаго, и будто снова слышимъ давно забытые звуки, какъ то обманчивое эхо дремучихъ лѣсовъ, которое все дальше и дальше увлекаетъ заблудившагося путника, мнимо близкими голосами, въ завѣтную и неисходную чащу.

1848 г.